

Фонд «Тотальный диктант»

Новосибирский государственный университет

#ТОТСБОРНИК

Сборник научных трудов
по материалам Тотального диктанта

Ответственный редактор – Н. Б. Кошкарева

Новосибирск – 2017

УДК 81'271
ББК 81.411.2
Т 633

Редколлегия: д. ф. н. Н. Б. Кошкарева (отв. редактор), к. ф. н. Е. В. Арутюнова (отв. секретарь), д. ф. н. Л. И. Горбунова, С. В. Друговейко-Должанская, Т. А. Заковряшина, д. ф. н. И. Е. Ким, к. ф. н. Н. В. Кузнецова, д. ф. н. Г. М. Мандрикова, к. ф. н. В. М. Пахомов, М. В. Александрова (редактор аннотаций на английском языке).

Т 633 **#ТОТСБОРНИК:** Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 1 / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Новосибирск, 2017. 161 с.

ISBN 978-5-4437-0607-8

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам русской орфографии и пунктуации, а также вопросам речевой культуры и тенденциям развития современного русского языка. Материалом для исследования в большинстве статей стали материалы Тотального диктанта – международной просветительской акции, целью которой является привлечение внимания к вопросам грамотности и повышение ее уровня.

Сборник представляет интерес для специалистов, работающих в области орфографии и пунктуации, культуры речи, для преподавателей русского языка в высших и средних учебных заведениях, а также для всех интересующихся вопросами русистики.

ISBN 978-5-4437-0607-8

Рецензенты: к.ф.н. Е. С. Кузнецова, к.ф.н. Е. Н. Сорокина

УДК 81'271
ББК 81.411.2

© Фонд «Тотальный диктант», 2017
© Новосибирский государственный университет, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Содержание

<i>Ребковец О. А.</i> #ТОТДИКТАНТ: о глобальности, небанальности и эмоциональности в Тотальном диктанте.....	4
<i>Плунгян В. А.</i> Русский язык в современном мире.....	10
<i>Ким И. Е.</i> Тотальный диктант как форма проявления русского языкового сообщества.....	20
<i>Мандрикова Г. М.</i> Тотальный диктант: территория смыслов.....	29
<i>Кузнецова Н. В.</i> Научная жизнь Тотального диктанта.....	35
<i>Сичинава О. М.</i> Тотальный диктант как реализация этнолингвистического фактора в республиках РФ.....	40
<i>Журбина В. В., Шмыгалина Е. Н.</i> Анализ текста Тотального диктанта 2016 г. с точки зрения орфографии.....	45
<i>Русанова С. В.</i> Пунктуация в Тотальном диктанте 2016 г.: от синонимов до вариантов.....	50
<i>Кошкарёва Н. Б.</i> ТУНДРОВЫЙ, ТУНДРЯНО́Й, ТУНДРЕННЫЙ или *ТУНДРЕННЫЙ, или О том, как Интернет способствует появлению и закреплению исключений.....	58
<i>Арутюнова Е. В., Пахомов В. М.</i> Правило востребован(н)о, но ограничен(н)о. К проблеме выбора одной и двух <i>н</i> в кратких формах прилагательных.....	64
<i>Филинкова Е. О.</i> Использование прописных букв: правила и практика письма.....	78
<i>Пермякова Т. Н.</i> Способы представления орфографических норм на занятиях по русскому языку в рамках проекта «Русский по пятницам».....	83
<i>Ищук Е. Н.</i> К вопросу о структуре современной пунктуационной системы.....	89
<i>Друговойко-Должанская С. В.</i> ...И точка! (О семантизации знаков препинания в художественных текстах и фразеологии).....	100
<i>Кузнецова Н. В.</i> «Переосмысление точки» как явление онлайн-коммуникации.....	113
<i>Белица Т. И., Рублёва Е. В.</i> Уровневый подход к TruD'у: различные типы заданий, основанные на тексте Тотального диктанта.....	125
<i>Ружа О. А.</i> «Бумажно придумано!» (К вопросу о динамических процессах в русской лексике).....	133
<i>Сичинава В. В.</i> Народная грамматика, или Как люди объясняют правила русского языка.....	145
<i>Булатова С. Н.</i> Тотальный диктант как реклама чтения.....	151
Сведения об авторах.....	160

О. А. Ребковец

#ТОТДИКТАНТ: О ГЛОБАЛЬНОСТИ, НЕБАНАЛЬНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ТОТАЛЬНОМ ДИКТАНТЕ

Дорогие друзья! У вас в руках #ТОТСБОРНИК – первый издательский опыт Тотального диктанта. В сборник вошли научные статьи экспертов акции, большинство из них основано на материалах проекта. Безусловно, сборник Тотального диктанта сложно представить без рассказа об акции. Этому и будет посвящена моя статья.

Тотальный диктант – добровольный бесплатный диктант для всех желающих, который проходит один раз в год одновременно в сотнях городов России и мира. Проект направлен на популяризацию грамотности и русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также консолидацию русскоязычного сообщества в России и за рубежом и является крупнейшим региональным общественным проектом в РФ.

Координирует проведение Тотального диктанта фонд «Тотальный диктант», расположенный в Новосибирске, основанный выпускниками и преподавателями Новосибирского государственного университета.

Основные принципы акции:

– принципы единства времени, текста, порядка проведения, критериев проверки; Тотальный диктант проходит один раз в год, в один и тот же день во всех городах; во всех городах участники пишут один и тот же текст (или разные части одного и того же текста); во всех городах мероприятие проходит по одному и тому же, заранее определенному, централизованно разработанному сценарию; во всех городах проверочные комиссии руководствуются одними и теми же, заранее определенными, централизованно разработанными критериями при проверке и оценке работ;

– принцип добровольности: участие в акции строго добровольное, никто не может принудить человека писать Тотальный диктант;

– принцип профессионального подхода к проверке: в каждом городе, в котором проводится Тотальный диктант, во главе проверочной комиссии стоит профессиональный преподаватель-филолог;

– принцип опциональной анонимности: никто из участников Тотального диктанта не обязан указывать свое настоящее имя.

Название акции не имеет ничего общего с диктатурой и тоталитаризмом, а слово *тотальный* выступает в нем в своем прямом значении ‘всеобщий, всеохватывающий, всеобъемлющий’, т. е. диктант абсо-

лютно для всех. Возможно, в 2004 г. такое название звучало несколько амбициозно, но сегодня оно вполне себя оправдывает. Конечно, не раз мы получали предложения переименовать акцию и избавиться от слова *тотальный* с его негативной коннотацией, но мы пошли другим путем и сегодня все чаще видим примеры, где оно имеет нейтральную или позитивную окраску: *тотальная распродажа, тотальное преобразование, тотальное счастье*.

Разрывать шаблоны и ломать стереотипы нам нравилось всегда, и это то, что помогает нам двигаться вперед. Уникальная структура организации диктанта позволяет ему успешно развиваться, быть привлекательным для самой широкой аудитории, вызывать резонанс в СМИ и общественности и эффективно выполнять просветительскую функцию.

Креативный и нестандартный подход к организации акции, необычные формы проведения позволяют Тотальному диктанту быть привлекательным для участников различных возрастных и социальных групп.

Отлаженная система дистанционной работы позволила выстроить эффективную сеть организаторов-добровольцев (15 000 человек по всему миру), что обеспечивает регулярный значительный рост географии проекта и увеличение количества участников акции, возможность включения в проект малых территорий. Штаб проекта расположен в Новосибирске, работа штаба направлена на подготовку базовых составляющих Тотального диктанта (работа с автором и текстом, информационная кампания, сайт и т. п.), а также привлечение новых городов, обучение и кураторство локальных координаторов, на подготовку методических материалов для них, разработку и поддержку единой информационной площадки.

В экспертную комиссию проекта и группы проверяющих входят ведущие специалисты-филологи вузов России, а также представители академического сообщества (Новосибирский государственный университет, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Орфографическая комиссия РАН, Институт филологии СО РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики» и т. д.). Работа профессиональных филологов и ученых обеспечивает высокий уровень образовательной составляющей акции, объективность критериев при проверке и компетентную работу с участниками. Научное осмысление результатов Тотального диктанта позволяет отслеживать динамику норм правописания и выявлять лакуны в их кодификации.

Но, пожалуй, главной особенностью Тотального диктанта являются люди, которые его делают: равнодушные люди из самых разных сфер, объединенные любовью к русскому языку и своей родине, желанием изменить мир к лучшему.

Общественный характер и демократичность Тотального диктанта помогли ему распространиться на все континенты, стереть границы между странами, городами, провинцией и мегаполисами, молодежью и страшим поколением. Каждый, кто принимает участие в подготовке и проведении Тотального диктанта, каждый, кто становится его участником, считает его немного своим и гордится причастностью к проекту.

Тотальный диктант – проект, где мощной консолидирующей силой является русский язык. Он объединяет вокруг себя большую аудиторию и охватывает практически все возрастные категории и социальные группы как в России, так и за рубежом: 34 % участников акции – работающая молодежь (1978–1990 г. р.), 24 % – студенты (1993–1998 г. р.), 21 % люди 1956–1977 г. р., школьники составляют 16 % участников акции, 5 % – пенсионеры. Проект пользуется популярностью у значительной части населения РФ: по данным ВЦИОМ, в 2015 г. каждый седьмой россиянин планировал принять участие в акции.

Акция успешно пропагандирует любовь к русскому языку и уважение к нему, о чем свидетельствуют сотни тысяч людей в России и за рубежом, которые благодаря проекту испытывают чувство любви к русскому языку, желание говорить и писать по-русски грамотно.

Русский язык сегодня для жителей России и соотечественников за рубежом, пожалуй, единственная безоговорочная и принимаемая всеми ценность, а Тотальный диктант, вовлекая множество разных людей в качестве участников, организаторов, экспертов, волонтеров, диктующих (на сленге Тотального диктанта – *диктаторов*), актуализирует эту ценность и возводит ее в категорию национальной идеи.

Вот отзывы «диктаторов» Тотального диктанта:

Мне очень понравилось диктовать текст для участников Тотального диктанта. Я считаю, замечательное дело, и, может быть... я считал бы, что национальная идея была бы – грамотно писать всем, и, думаю, что в этом был бы патриотизм (Владимир Познер, журналист, телеведущий).

Сегодня стал ДИКТАТОРОМ, дорогие мои! В том смысле, что продиктовал текст Тотального диктанта в Плехановском университете! Не знаю, как вам, а мне очень понравилось! Самое главное – не скучно! В этом, может, и есть смысл преподавания, – чтобы было не скучно! И тогда результат у всех будет отличным и знания соответ-

ствующие! Спасибо за этот замечательный и полезный проект! До встречи в следующем году! (Сергей Безруков, актер).

Это очень интересный проект и, действительно, для каждого человека, в том числе и для тех, кто давно закончил школу, это я, например. У каждого есть, к чему стремиться, у каждого есть, над чем работать, и Тотальный диктант даёт прекрасную возможность себя проявить. По-моему, писать интереснее, чем диктовать. Поэтому в следующем году обязательно буду писать (Дмитрий Ливанов, экс-министр образования РФ).

Когда инициатива снизу, народная, а Тотальный диктант именно таковой и является, получает такое широкое распространение не только в стране, но и в мире среди носителей языка – это большая радость. Значит, есть общественный отклик и необходимость для тех, кто на русском языке разговаривает. И я очень рада, что меня в этом году второй раз позвали в диктаторы (Яна Чурикова, журналист, телеведущая).

Я невероятно счастлива. Эта затея мне очень нравится, когда народ добровольно, несмотря на оценки, хочет проверить свою грамотность. И это тоже как-то объединяет всех. У меня ощущение, что акция замечательна в том, что русский язык шагает по планете.

Я не могу сказать, что волнуюсь, но я невероятно рад – для меня это большая честь. Любовь к русскому языку, желание быть грамотным – это первый шаг к тому, чтобы считать себя и быть культурным человеком (Леонид Ярмольник, актер).

Леонид Ярмольник в 2016 г. диктовал в ледовом холле «Тондираба» в Таллине, где на одной площадке диктант писали 2 300 человек, это самая большая площадка Тотального диктанта в мире.

За годы своего существования диктант покорила Антарктиду (Русские антарктические станции в 2013–2016 гг.), космос (МКС в 2014 г.), небо (самолет компании S7, рейс Новосибирск – Москва в 2016 г.), моря и океаны (парусники «Крузенштерн» и «Паллада» в 2016 г.), проник под землю (Кунгурская пещера) и под воду (Петрозаводские дайверы написали диктант под водой). Это еще раз говорит о его тотальности, и это не предел его распространения.

До 2009 г. для Тотального диктанта выбирались тексты классиков русской и зарубежной литературы, а с 2010 г. текст специально для акции пишет один из крупных современных российских писателей. Имя автора текста до определенного времени держится в секрете и является основной интригой акции. Многие из участников благодаря Тотальному диктанту открывают для себя современную русскую литературу. В разные годы авторами Тотального диктанта были Борис

Стругацкий, Дмитрий Быков, Захар Прилепин, Дина Рубина, Алексей Иванов, Евгений Водолазкин, Андрей Усачев. Таким образом Тотальный диктант способствует популяризации чтения и современной русской литературы.

Тотальный диктант зародился в 2004 г. как студенческое мероприятие Глум-Клуба – юмористического клуба Новосибирского государственного университета. С тех пор Тотальный диктант вырос в масштабную акцию, которая охватила все субъекты РФ и 69 стран на всех 6 континентах, а НГУ по-прежнему остается центральной площадкой акции.

Динамика Тотального диктанта:

2004 год – 150 человек, НГУ.

2005 год – 200 человек, НГУ.

2006 год – 160 человек, НГУ.

2007 год – 180 человек, НГУ.

2008 год – 200 человек, НГУ.

2009 год – 600 человек, НГУ.

2010 год – 2 400 человек, 17 площадок в Новосибирске, автор текста Борис Стругацкий.

2011 год – 4 800 человек, 13 городов, автор текста Дмитрий Быков.

2012 год – 14 500 человек, 80 городов, автор текста Захар Прилепин.

2013 год – 32 200 человек, 179 городов, 55 зарубежных городов в 35 странах, 17 000 просмотров онлайн-трансляции, диктант прошел в Антарктиде, автор текста Дина Рубина.

2014 год – 64 000 человек, 352 города в 47 странах, диктант прошел в Антарктиде и на МКС, автор текста Алексей Иванов.

2015 год – 108 000 участников, 549 городов в 58 странах (всего 1198 площадок акции), диктант прошел в Антарктиде, автор текста Евгений Водолазкин.

2016 год – 147 000 участников, 734 города в 69 странах (всего 2 185 площадок акции), диктант прошел в Антарктиде, на борту самолета, на парусниках «Паллада» и «Крузенштерн», автор текста Андрей Усачев. В подготовке акции принимало участие более 15 000 координаторов-добровольцев, профессиональных филологов, волонтеров.

В 2016 г. об акции вышло более 7 000 материалов в СМИ, более 30 000 сообщений в блогах и социальных сетях, общий информационный охват акции составил 1 508 601 745 уникальных просмотров. Абсолютное большинство публикаций об акции носят положительный характер, что является уникальным случаем для российских интернет-

СМИ и сообществ, где высока доля критического отношения к любым социальным инициативам.

В рамках акции проводятся бесплатные курсы русского языка для всех желающих, в 2016 г. курсы прошли в 237 городах, где прошли обучение свыше 33 000 человек, еще 71 000 человек стали слушателями онлайн-курсов на сайте проекта <http://totaldict.ru/education/online/>.

В 2011 г. проект «Тотальный диктант» стал обладателем национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный лучник» (Лучший проект в категории «Общество»).

С 2013 г. в рамках Тотального диктанта проходит конференция для организаторов диктанта и филологов, вовлеченных в проект, научная проблематика конференции интересна широкому кругу лингвистов.

В июне 2013 г. проект одобрен наблюдательным советом Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов под председательством Президента РФ В. В. Путина.

В 2014 г. директор Фонда «Тотальный диктант» О. А. Ребковец вошла в состав Совета по русскому языку при Президенте РФ, а команда Тотального диктанта получила государственную премию Новосибирской области «за основание и развитие проекта “Тотальный диктант”, популяризацию грамотности и русского языка как государственного языка Российской Федерации, консолидацию русскоязычного сообщества и укрепление положительного имиджа Новосибирской области».

Формат и популярность акции послужили стимулом для проведения подобных мероприятий на национальных языках в республиках РФ (существуют подобные диктанты на тувинском, бурятском, удмуртском, башкирском, чеченском, хантыйском, мансийском, ненецком и других языках народов РФ). Кроме того, диктант дал старт таким проектам, как Всероссийский географический диктант (проводит Русское географическое общество по предложению В. В. Путина, с прямой апелляцией к Тотальному диктанту), Всероссийский тест по истории, контрольная Яндексa по математике и др. Существуют диктанты по пенсионной и налоговой грамотности, социальный и даже эмоциональный диктант, т. е. слово *диктант* тоже изменило свое значение и используется теперь как название определенного формата мероприятия – добровольная массовая проверка знаний в какой-либо области.

Таким образом, Тотальный диктант задал новый продуктивный социальный формат – образовательные, популяризирующие научное знание и патриотизм сетевые массовые мероприятия национального и всемирного масштаба. Он является флагманом этого направления.

В. А. Плулгян

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ¹

Рассматривается положение русского языка в современном мире. Приводятся статистические данные о количестве носителей русского языка в мире в разные периоды времени. Обсуждается проблема заимствований и отношения к ним.

Ключевые слова: русский язык; количество носителей русского языка; заимствования.

Оскудевает ли русский язык? Портят ли его заимствования? Как относиться к изменениям в языке? Этими вопросами задается почти каждый человек. В сознании многих людей живут мифологические представления о языке, нередко поддерживаемые СМИ. Общество беспокоит количество заимствований, снижение значимости русского языка в мире, жаргонизмы на страницах газет и в телепередачах. Паническим настроениям вторят и некоторые филологи. Например, Михаил Эпштейн, литературовед и яркая медийная личность, обеспокоен оскудением словарного запаса русского языка. Он считает, что каждый носитель должен отважно придумывать хотя бы одно слово в неделю, чтобы «спасти» русский язык.

Попробуем выяснить, каково же на самом деле состояние русского языка и насколько эта алармистская мифология соответствует реальной ситуации.

Но начнем с того круга проблем, который хотя и обсуждается реже, но представляется важным: с численности носителей русского языка. Язык существует в сознании носителей, поэтому их численность, не имея прямого отношения к языку, все же влияет на роль языка в мире.

В последние десятилетия численность носителей русского языка неуклонно уменьшается, хотя этот процесс длился на протяжении все-

¹ В основу данной статьи легла лекция, прочитанная во время конференции Тотального диктанта в 2015 г. В подготовке статьи к печати участвовали Ирина Николаевна Шрамчук, магистрант кафедры литературной критики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета, и Мария Михайловна Ровинская, старший преподаватель кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

го XX в. Такие данные легко отслеживаются с помощью статистики. Конечно, они имеют условный характер, но все же представление о действительности дают. Одно из серьезных исследований, проведенное социологом А. Л. Арефьевым [Арефьев 2012], подтверждает: сокращается не только доля владеющих русским языком в мире, но наблюдается абсолютное падение численности носителей.

В мире насчитывают около 130 млн этнических русских, за пределами России их проживает чуть больше 3 млн. Общее число владеющих русским в качестве родного – 144 млн (несовпадение этих цифр понятно: не все этнические русские владеют языком, и в то же время русский может быть родным и для представителей других этносов).

Проследим статистику с начала XX в. По данным А. Л. Арефьева, в 1900 г. количество владеющих русским языком в целом (не только в качестве родного) составляло 105 млн человек и 6,4 % от всего населения Земли. Пик численности наблюдался в 1914 г., когда количество владеющих русским языком составляло 140 млн и 8 % от всего населения земного шара. Далее этот процент только снижался. Этому способствовало несколько причин: с одной стороны, население Земли быстро росло, с другой стороны, в России произошли революция и гражданская война, за которыми последовали несколько волн террора.

В 1940 г. количество владеющих русским составляло 180 млн человек и 7,7 % от населения земного шара. Численность населения Земли росла, росло и количество человек, говорящих на русском. Но в процентном соотношении доля владеющих русским последовательно уменьшается. В 1980 г. насчитывают 280 млн владеющих языком (6,3 % от населения Земли), в 1990 г. – 312 млн (5,9 % от населения Земли). В XXI в. численность владеющих русским языком начинает снижаться не только в процентном соотношении, но и в количественном. В 2004 г. 278 млн человек (4,3 % от населения Земли) владеет русским языком, в 2010 г. – 260 млн человек (3,8 %).

Рассмотрим, как распределяется русский язык по странам согласно социологическим опросам. Если не учитывать количество владеющих русским языком в странах бывшего СНГ, то больше всего людей, знающих русский язык, проживает в Польше (5,5 млн человек, 14,3 % от населения страны), затем в Германии (5,4 млн человек, 6,7 % от населения страны), следующее место занимает США (3,5 млн человек, 1,1 % от населения страны), далее следуют Болгария (2 млн человек, 27,2 % от населения страны), Чехия (2 млн человек, 19,2 % от населения страны), Сербия (1,4 млн человек, 19,7 % от населения страны), Словакия (1,3 млн человек, 24 % от населения страны). Интересно, что следом идет Монголия, где почти половина населения знает русский

язык (1,2 млн человек, 45,3 % от населения страны). В десятку стран по количеству владеющих русским языком входит и Израиль (1 млн человек, 13,2 % от населения страны). Славянские страны в этом списке нас не слишком удивляют, хотя количество владеющих русским снижается и там. Некоторый прирост наблюдается в Германии, но происходит он за счет эмигрантов из России. Таким образом, можно сказать, что русский язык не расширяет свое присутствие в мире. Снижается и количество владеющих русским как вторым языком: эмигранты, как правило, забывают родной язык во втором-третьем поколении.

Эти цифры отражают и место русского языка среди мировых языков. Мировыми считаются такие языки, на которых говорят более 100 млн человек. Всего насчитывают 10–12 мировых языков, и русский по-прежнему входит в их число. Но и тут он начинает сдавать свои позиции. Если в 1990 г. он занимал 4-е место (в тройке лидеров были китайский, английский, испанский), то в 2010 г. он переместился на 6-е место: его опередили хинди и арабский.

По прогнозам, к 2020 г. русский язык покинет десятку мировых языков, так как его вытеснят бенгальский, португальский и даже французский за счет прироста говорящих в бывших французских колониях.

Рассмотрим теперь положение русского языка в сфере образования. Конечно, важнее не физическое присутствие языка в мире, так как на это влияет в большой степени демография и политическая обстановка, а его удельный вес в культуре и образовании. Отметим, что и здесь имеются проблемы: вне России наблюдается вытеснение русского языка из системы образования. В советский период русский как учебный предмет и язык обучения был широко распространен в Восточной Европе, сейчас это практически исчезло. Русский как иностранный язык все еще изучают, и довольно много людей занято в этой сфере, в том числе в Западной и Северной Европе, в США. Но в основном это школьные преподаватели. Университетских преподавателей становится все меньше, к тому же новое поколение русистов часто уступает по уровню подготовки специалистам 70-х – 80-х гг. XX в.

Высокий статус языка предполагает, что нет такой сферы, в которой бы этот язык не использовался. В этом отношении очень значимым показателем является роль языка в научном мире – прежде всего, в качестве языка научных публикаций. К сожалению, в сфере науки положение русского языка также меняется: становится меньше публикаций и снижается их значимость. Сейчас языком мировой науки является английский, и для русского языка остается все меньше простран-

ства. Должны ли русские ученые в своих публикациях перейти на английский язык – сложный вопрос, на который нет однозначного ответа. С одной стороны, всякий ученый хочет, чтобы его работы были прочитаны и поняты всем научным сообществом, а для этого он должен использовать наиболее распространенный в науке его времени язык. С другой стороны, отказ от родного языка может снизить престиж национальных научных школ и повлечь за собой утрату оригинальности в научном творчестве (особенно в гуманитарных науках). Отношение к английскому языку в сильной степени зависит и от поколения. В качестве яркого примера приведем цитировавшееся во многих СМИ высказывание математика, академика Ю. С. Осипова, президента РАН до 2013 г. (1936 года рождения): «Если человек – специалист высокого класса, то он будет и русский язык изучать, и читать статьи на русском. Это что за странная постановка вопроса? Почему мы, российские наши люди, должны учить английский язык, чтобы читать работы на английском языке, а там – нет? Многие выдающиеся математики с удовольствием публикуют статьи в русских журналах и не считают это зазорным». Эмоции академика Осипова понятны (и лично я, например, вполне сочувствую его высказыванию), но, к сожалению, современная действительность не вполне соответствует этой картине. Не случайно молодые поколения российских исследователей относятся к этой проблеме иначе и в целом считают необходимым публиковаться на английском языке (или же – в равной степени на русском и английском). В то же время русскоязычный сегмент науки остается пока достаточно мощным и способным к самостоятельному развитию, но для этого развития нужны продуманные меры поддержки.

И тут нельзя не сказать, что позиция нашего Министерства образования в этом вопросе оказалась весьма своеобразной. Хотело оно того или нет, но все его последние реформы наносят сильный удар по статусу русского языка как языка науки: жесткие требования к публикациям работников РАН и вузов (поощряются только статьи в журналах, индексируемые в нескольких зарубежных базах данных) фактически означают, что с административной точки зрения публикация на русском языке в лучшем случае оказывается третьестепенной, в худшем – вообще теряет смысл.

До сих пор мы рассматривали лишь внешние по отношению к языку факты. Обратимся теперь к особенностям лексики и грамматического строя русского языка на современном этапе.

Начнем с заимствований: как известно, именно они вызывают наибольшее возмущение в обществе при обсуждении «порчи языка».

Прежде всего, следует напомнить, что заимствования – это нормальное явление в любом языке в любую эпоху. Более того, способность языка перенимать и обрабатывать новые слова означает, что язык жив. Что касается русского языка, то заимствованные слова появлялись в нем и на протяжении всей его письменной истории, и даже в дописьменную эпоху. Многие слова, которые нам сейчас кажутся исконно русскими, на самом деле пришли из других языков. Например, *очаг*, *деньги*, *казна* – старые тюркизмы, *изба*, *хлеб*, *буква* – еще более старые германизмы. Особенно высокий уровень заимствований был в конце XVII – XVIII вв., начиная с петровских реформ. Поток заимствований, как хорошо видно по документам того времени, на порядок превосходил количество сегодняшних заимствований.

Литературный русский язык, который неспециалистам кажется чем-то цельным и «исконным», на самом деле представляет собой сложное образование, в котором доля чисто русского элемента не так уж значительна. Это своеобразный сплав из русского и церковнославянского языков с существенным вкладом германизмов, галлицизмов и тюркизмов (и многих других языков тоже). Без заимствований этого языка просто не было бы. Заимствование – естественный процесс, который происходил и происходит по необходимости. Если заимствованное слово языку не нужно, оно никогда не задержится в языке надолго.

Часть заимствований приходит в язык по объективным причинам: с появлением новых реалий, новых технологий, социальных и экономических инноваций. Но с этими типами заимствований мы еще готовы мириться. Гораздо больше нас возмущают иностранные слова, для которых в нашем языке как будто бы есть синоним: зачем заимствовать то, для чего уже есть свое название? Но для появления заимствований всегда есть объективная необходимость. И связана она в первую очередь с фактором престижа, ведь чужое всегда кажется привлекательнее. Свое слово, может быть, и обозначает близкое понятие, но всегда имеет другую стилистическую окраску. Пример такого престижного заимствования приводит В. Маяковский в 1927 г.:

*Он был монтером Ваней,
но... в духе парижан
себе присвоил званье
«электротехник Жан».*

Примеров таких замен достаточно. Для повышения статуса мероприятия *выездное заседание* теперь называют *региональным митин-*

гом. Большинству из нас такое выражение кажется уродливым, но закрепится ли оно в языке – покажет время. Например, иностранное словосочетание *дипломатический офис* вполне прижилось и никому не приходит в голову пытаться заменить его на исконно русский *посольский приказ*.

Надо понимать, что заимствования – не просто механическая вещь, а обогащение существующей системы языка, между элементами которой имеется множество сложных связей. Яркое чужое слово бывает полезно и уместно – и тогда, когда оно осознается как чужое и когда оно прочно входит в язык. Тут я хотел бы обратиться к несколько менее тривиальному сюжету и рассмотреть не заимствования в русский язык, а, наоборот, заимствования из русского. Такие тоже существуют, и давайте посмотрим на то, как себя ведут несколько русских слов во французском языке. Вот, например, во французском существует слово *oukase* и означает оно нелепое авторитарное распоряжение; еще существует замечательное слово *niet*, которое означает решительный, категорический отказ. Пример употребления первого слова из французской прессы, описывающий перипетии предвыборной борьбы во Франции в 2011 г.: *Le Nouveau parti anticapitaliste (NPA) a dénoncé mercredi 21 décembre un "oukase" de Martine Aubry, qui a demandé dans une lettre que tous les élus socialistes apportent leur parrainage à François Hollande, et pas aux autres candidats de gauche*; в переводе это означает: «Новая антикапиталистическая партия (НПА) в среду 21 декабря выступила против «указа» (= диктаторского распоряжения) Мартины Обри, которая в своем письме призвала всех социалистических делегатов поддержать кандидатуру Франсуа Олланда в качестве единственного представителя левых сил» (М. Обри – тогдашний лидер Социалистической партии Франции; видно, что НПА, называя ее распоряжение «указом», сильно его не одобряет).

Таким образом, точка зрения, согласно которой творческие силы языка иссякают по мере того, насколько много слов он заимствует, неверна. Язык может прекрасно существовать, принимая заимствованные слова, и производить свои слова, используя внутренний потенциал.

Иностранные экономические термины тоже явление не новое. Одним из первых подобных слов, пришедших в русский язык, было хорошо всем знакомое слово *деньги* (единственное число *деньга* восходит к тюркскому *тенге*; современная валюта Казахстана называется именно так). Из более новых *бюджет*, *кредит*, *депозит*, *менеджмент*... Казалось бы, в этом потоке в сотни и сотни слов нет места исконной лексике. Но это не совсем так. Исконно русские слова в поле

экономических отношений присутствуют, но только семантика их оказывается несколько неожиданной. Одно из первых исконных слов в этой области – *взятка*, емкое и точное. Есть не менее удачные примеры языковой точности и для обозначения современных реалий: *распил* и *откат*. Посмотрите, как удачно русский язык здесь использует весь свой богатейший арсенал – лексические метафоры, глагольные приставки и т. п. Слово *откат* даже вошло в другие языки: например, в литовском любой бизнесмен свободно владеет таким термином, как *atkatas*. Более того, в русском языке появляются не только собственные новые слова – недавно возник даже новый суффикс. Он выделяется в составе целого ряда очень выразительных экспрессивных образований типа *кидалово* (тоже, кстати, своего рода экономический термин). Таким образом, творческие силы языка прекрасно работают даже в такой области, где, казалось бы, правят бал одни сплошные заимствования. Конечно, кто-то может спросить, почему это *финансы*, *бюджет* и *менеджмент* у нас заемные, а свои – только *взятка*, *распил* и *откат*. Но это вопрос не к языку, язык тут ни при чем.

Говоря о заимствованиях, необходимо также помнить, что значение заимствованного слова в принимающем языке редко остается таким же, как в исходном. В принимающем языке почти всегда работает некий семантический фильтр, так что новое слово встраивается в систему принимающего языка с определенными, иногда очень сильными изменениями. Историю с русским *указом* в французском мы уже приводили. Не менее интересна судьба старых заимствований из польского в русском (их довольно много, главным образом это наследие XVI – XVII вв.). Вот заимствование *гонор*, которое в польском (как, собственно, и в латинском, откуда оно попало в польский) означает ‘честь’ – на русской почве оно приобрело совершенно иной смысл. Или слово *шкодить*: в польском его значение достаточно простое – ‘вредить, ранить’, а в русском языке оно означает вред особого типа, связанный с причинением мелких пакостей. Или известный пример с французским заимствованием *кураж*: во французском *courage* означает ‘смелость, мужество, стойкость’ (это важное и очень позитивное понятие французской культуры), а в русском слово *кураж* семантически сузилось и приобрело скорее негативную окраску, ассоциируясь с развязным поведением (*пьяный кураж*), показной смелостью и т. п.

Видно, что наиболее яркие семантические особенности этих слов отсутствовали в языке-источнике, русский язык добавил их и заставил заимствования работать по-новому. Такие явления показывают, что адаптация заимствований – это отнюдь не механический процесс, и

язык выступает полноценным ответственным субъектом, принимая новые слова.

Еще одна проблема, волнующая общество, – это активное вторжение в русскую речь «сниженной» лексики. Но опять же следует помнить, что подобные процессы происходили всегда, это не исключительная особенность нынешней эпохи. Сниженная лексика является постоянным и в каком-то смысле основным источником обогащения лексического фонда языка. Язык берет новые слова из низовых пластов, поскольку ему брать их больше неоткуда. Это известный механизм, так называемое «экспрессивное замещение». Экспрессивность со временем выветривается, а слово остается в основном пласте языка, вытесняя те слова, которые использовались до этого. Это абсолютно универсальный процесс. Очень ярко он проявился в лексике современных романских языков. Все знают, что они берут свое начало в латыни, но это не классическая латынь Цицерона, Горация и Вергилия, а речь самых низов римского общества, чудовищная для слуха рафинированного римского гражданина первых веков нашей эры. И такой язык не только лег в основу всех романских языков, но и породил гибкие современные лексические системы, где ничто уже не напоминает об их сомнительном происхождении. Только историки теперь могут сказать, что, например, в современном французском слово *tête* ‘голова’ восходит к латинскому *testa* ‘черепок’, слово *manger* ‘есть’ – к латинскому *manducare* ‘жевать’ (точно так же мы вполне можем сказать «дай чего-нибудь пожевать, у меня череп трещит»), а румынское *bărbat* ‘мужчина’ – это бывшее латинское *barbatus* ‘бородач’.

Языку необходимо обновление, и он берет новые слова из сниженной лексики. Образно и филологически очень точно сказал об этом Семен Липкин в стихотворении, которое так и называется – «Молдавский язык» (1962 г.):

*Степь шумит, приближаясь к ночлегу,
Загоняя закат за курган,
И тяжелую тащит телегу
Ломовая латынь молдаван.*

*Слышишь медных глаголов дрожанье?
Это римские речи звучат.
Сотворили-то их каторжане,
А не гордый и грозный сенат.*

<...>

*Точно так же блатная музЫка,
Со словесной порвав чистотой,
Сочиняется вольно и дико
В стане варваров за Воркутой.*

<...>

*Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке.*

Таким образом, процессы, происходящие в обществе, не следует смешивать с их языковым отражением. Язык делает свою работу хорошо. Как зеркало, он без прикрас отражает перемены, происходящие в обществе. Более того, со временем эта способность языка только улучшается. Языковые изменения – это естественный процесс, в который никто сознательно вмешиваться и «портить» язык не может.

Перед лингвистами стоит несколько задач. Во-первых, это изучение языка в его действительном, а не воображаемом состоянии. Для этого, наряду с традиционными методами изучения, в нашем распоряжении есть и более современные. Существует большой электронный корпус русского языка – так называемый Национальный корпус (www.ruscorpora.ru), это максимально полное собрание текстов всех типов.

Во-вторых, нужно просвещать людей, убежденных, что язык «портится». Необходимо объяснять, как устроены методы науки о языке, рассказывать о выводах, к которым приводит научное изучение языка.

Необходимо опровергать агрессивную лженауку, «любительскую лингвистику», по деликатному выражению академика А. А. Зализняка. Таких псевдонаучных теорий языка очень много – искателей славяно-шумерских параллелей и всяческих «белых альв», сеющих ложные представления о языке и засоряющих информационное пространство; в последнее время наблюдается особая мода на всякого рода «интерпретаторов алфавита». Огромную сложность представляет для средне-статистического читателя найти полезную, не вводящую в заблуждение литературу. Возможно, стоит сотрудничать с книжными магазинами и библиотеками и объяснять, что нельзя, грубо говоря, ставить на одну полку издания профессиональных ученых и книги представителей «альтернативной» науки (точнее, псевдонауки).

Наряду с этим ни в коем случае не стоит бороться с заимствованиями, ибо это так же бесплодно, как борьба с ветряными мельницами. Язык – явление природы, он неподвластен воле человека, и никому еще эффективно воздействовать на язык не удавалось.

Список литературы

Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX – XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012.

V. A. Plungyan

The Russian Language in the Modern World

The article considers the position of the Russian language in the modern world. It provides statistical data on the number of native speakers of the Russian language at different periods of time. The author discusses the problem of loanwords and the attitudes towards the process of borrowing.

Keywords: Russian language, number of native Russian speakers, loanwords.

И. Е. Ким

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА

Цель статьи – показать влияние Тотального диктанта как филологической практики на состав и структуру русского языкового сообщества – части русскоязычной среды общения. Как показало сопоставление Тотального диктанта с орфографическими реформами, близкими ему по масштабу вовлечения членов русского языкового сообщества, функции, которые выполняют в каждой из практик разные части русского языкового сообщества, различны. Новыми для филологической практики в Тотальном диктанте являются роли автора диктанта, совмещающего в тексте художественно-публицистическое содержание и заданную языковую форму, филологических менеджеров – лиц, организующих филологическое мероприятие, а также по-настоящему массовое участие «безмолвствующего большинства» (А. Я. Гуревич) языкового сообщества.

Ключевые слова: Тотальный диктант; языковое сообщество; орфографическая реформа; филологическая практика.

В русском этносе как языковом коллективе (среде общения) можно выделить часть, интерес которой направлен на язык, его качество, организацию, функционирование, собственное отношение к нему. Эту часть я предлагаю называть русским языковым сообществом, имея в виду именно ее активность по отношению к языку. Понятие среды общения используется в отечественной социолингвистике, например, в работе В. А. Аврорина [1975]. Языковой коллектив, понимаемый как среда общения, в силу внутренней формы термина, лишен важной характеристики – активности по отношению к языку. Среда косна, ее давление на участника коммуникации опосредованно, а отношение к языку определяется узусом – речевыми привычками большинства, с которыми коммуникант должен считаться. Понятие языкового сообщества также используется в социолингвистических работах (см., например, [Беликов, Крысин 2001: 11]). Однако определение В. И. Беликова и Л. П. Крысина, по сути, уравнивает языковое сообщество и среду общения: «Языковое сообщество – это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, полити-

ческими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности» [Беликов, Крысин 2001: 11].

Таким образом, русское языковое сообщество, в моем понимании, это неявно выделяемое сообщество русскоговорящих, объединенных тем, что для них имеет ценность их языковое существование и бытование языка в обществе. Соответственно, я понимаю под языковым сообществом нечто существенно отличное от того, как его понимают В. И. Беликов и Л. П. Крысин. Здесь актуально сформулированное В. Беккером различие между обществом и сообществом как двумя формами организации социума [Беккер: filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/]. С его точки зрения, англо-американская социально-философская и социологическая традиция, которую он называет островной, исходит из понятия «сообщество» – объединение людей на основе «общественного договора» равноправных и отдельных индивидов. В противоположность этому подходу, «континентальная» традиция (французская, немецкая и русская) исходит из изначальности «общества» – надличностной структуры, задающей нормы для индивида, который в большой степени является составной частью общества.

Русское языковое сообщество виртуально-потенциально, его существование в обычных условиях невидимо и неочевидно. К большей его части применимо понятие безмолвствующего большинства. Образ «безмолвствующего большинства» подарен гуманитарным наукам А. Я. Гуревичем. Одна из его книг называлась «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» [Гуревич 1990]. Это понятие прямо соотносится с последней ремаркой А. С. Пушкина в «Борисе Годунове»: *Народ безмолвствует*. Как понять, что выражает это народное безмолвие? Удивительным образом понятие помогает осознать один из ключевых методов исследования массового общественного сознания, активно применяемый исследователями уже прошедших периодов жизни общества, когда невозможно обратиться к членам социума непосредственно, а документов, прямо отражающих взгляды «безмолвствующего большинства», просто не существует и никогда не существовало. Представления неграмотной и /или не включенной в полноценную документальную коммуникацию части общества о власти, о социальной организации общества, о мироустройстве изучаются по косвенным источникам, например жалобам крестьян в государственные органы в XIX в. [Литвак 1971] или материалам уголовных дел

XVII в. [Лукин 2000]. Для нас же более важно, что это «безмолвствующее большинство» социума обнаруживает свою солидарную активность только в особые моменты истории общества.

Попробуем стратифицировать русское языковое сообщество, выделив в нем и относительно «безмолвствующую» часть.

Сразу отмечу, что есть два параметра стратификации, которые делят сообщество в разных отношениях, – это степень лингвистической квалификации и языковой компетенции, а для высокой степени квалификации также творческий или аналитический характер обращения с языком.

По первому параметру сообщество можно распределить по следующим группам:

1) лингвисты-русисты, ученые и вузовские преподаватели. Внутри можно предположить свою стратификацию в зависимости от ученой степени, должности и звания, научного и научно-педагогического стажа;

2) методисты и школьные преподаватели русского языка²;

3) творческие словесные работники³: писатели, журналисты, литературные работники, создающие письменные тексты; дикторы радио и телевидения, телеведущие, ди- и виджеи, актеры театра, кино, телевидения, участвующие в устной коммуникации; специалисты по связям с общественностью – универсальные работники, к тому же еще и связанные с аналитической работой с текстами. Особенность работы и тех, и других, и третьих – публичный и даже массовый характер деятельности;

4) практические филологи: литературные редакторы и корректоры, издатели, копи-, веб- и спичрайтеры⁴ – промежуточные участники публичной и массовой коммуникации;

² К какой категории относить преподавателей средних специальных учебных заведений, сказать сложно. Условно отнесем их в ту же группу, что и школьных учителей, хотя их квалификация обычно выше. Отметим, что в педагогических колледжах (училищах) существует филологическая специализация обучаемых, что говорит о высоких требованиях к квалификации преподавателей русского языка в этих учебных заведениях, что позволяет отнести их к той же группе, что и преподавателей вузов.

³ Показательно, что в состав Государственной орфографической комиссии, сформированной для подготовки несостоявшейся реформы 1964 г., вошли 14 ученых-языковедов, 8 методистов, 2 школьных преподавателя русского языка, 2 писателя – представители первых трех выделенных мной групп.

⁴ О понятии «райтер» по отношению к платным создателям потенциально оригинального контента (текстов, заполняющих интернет-страницы) см.

5) программисты, которые занимаются разработкой и внедрением программного обеспечения для лингвистических нужд: систем перевода, проверки правописания, обучающих средств;

6) студенты-филологи, по всей видимости в основном русисты;

7) коммуникативные работники: политики, менеджеры, чиновники, риелторы, преподаватели нефилологических специальностей и другие, которым требуются специальные коммуникативные навыки, но не требуется филологического образования;

8) любители русского языка, языковая общественность – безмолвствующее (не в коммуникативном смысле, а по отношению к языку) большинство. Степень безмолвствования этой группы все-таки не предельна благодаря Интернету и языковым службам, общение «рядовых» носителей языка с которыми, опять же благодаря Интернету, часто оказывается публичным и даже массовым.

Граница между специалистами и рядовыми членами сообщества, по всей видимости, проходит в районе группы студентов-филологов. Не став еще квалифицированными филологами, они тем не менее внутренне присваивают лингвистическое самосознание, хотя и не всегда готовы его реализовать, поскольку включены в активные филологические социальные практики только как реципиенты.

По независимому параметру «аналитическая / творческая работа с языком» следует выделить в творческие работники третью группу, а также часть четвертой группы – «райтеров». Их языковая деятельность имеет творческий характер, который заключается в создании оригинальных текстов⁵. Копи-, спич- и другие «райтеры» отличаются от писателей и, с некоторыми оговорками, от журналистов тем, что их авторство анонимно.

Языковое сообщество и его безмолвствующее большинство, чтобы быть обнаруженным, должно проявляться, и это проявление должно быть коммуникативным и публично-массовым.

Приведем список видимых оставшейся части русскоязычного языкового коллектива проявлений русского языкового сообщества, в том числе его «безмолвствующего большинства».

1. Интернет-сообщества и форумы на темы русского языка – постоянное существование небольших частей языкового сообщества, реализуемое в совместной коммуникации (см., например, анализ неко-

<http://blog.ac-u.ru/kopirajjter-ili-rajjter-mnogoznachnost-ili-neodnoznachnost/> (дата обращения: 29.09.2016).

⁵ В данном случае я не хочу обсуждать творчество как искусство. Я имею в виду только то, что люди, входящие в эти группы, создают новые тексты на русском языке, но в общем случае не о языке.

торых тем в одном из таких интернет-сообществ в работах [Басалаева, Шпильман, 2015; Басалаева, Ружа, Шпильман, 2016]).

2. Общение с языковыми порталами, службами, например «Грамота.ру» (gramota.ru) или «Культура письменной речи» (gramma.ru), – тоже регулярное существование, но уже индивидов – членов сообщества. Частично общение связано с профессиональными заботами специалистов или учебными нуждами школьников и студентов. Но многие вопросы ставятся «из чистого любопытства».

3. Языковые изменения, чаще скачкообразные: резкие изменения языковой ситуации, реформы. Так, до сих пор многие члены языкового сообщества публично обсуждают проблему близкой смерти русского языка и его чистоты или защиты от разрушительных влияний со стороны иностранных языков. Началом дискуссии о состоянии русского языка можно считать доклад Ю. Н. Караулова [1991]. Апокалиптическое ощущение конца русского языка было вызвано языковой ситуацией 90-х гг. XX в., когда в одночасье вместе с социалистической государственностью и коммунистической идеологией была разрушена система стабилизации публичного и массового языкового общения в нашей стране, в результате чего в публичную и массовую коммуникацию стали активно проникать элементы уголовного жаргона и американизмы. Именно интенсивность этих языковых процессов вызвала бурную реакцию русскоязычного сообщества. Не менее мощным раздражителем выступают официальные реформы в области языка. Такие реформы, в силу фактурных особенностей, могут касаться в основном только письма и прежде всего его нормативного аспекта – правописания. Дискретный, скачкообразный характер реформы, закрепляющий изменение нормы правописания, превращает большую часть языкового коллектива в той или иной степени из грамотной в неграмотную. Особенно болезненна реакция на вводимые изменения у людей, связанных со словесным творчеством, – писателей, для которых язык является таким же инструментом, как для живописцев кисти и краски, в меньшей мере для журналистов, а также для литературных редакторов и корректоров.

4. Мероприятия и акции, например, объявляемые государством календарные периоды поддержки русского языка⁶. Такие мероприятия обычно поддерживаются бюджетом и привлекают административный ресурс, иногда довольно высокого уровня.

Формы, посредством которых происходит участие членов сообщества, разнообразны: участие в опросах (пассивная форма), статьи, вы-

⁶ Ср., например, Год русского языка, объявленный по отношению к 2007 г. [Указ, 2006].

ступления в дискуссиях, интервью, посты в блогах и социальных сетях и комментарии к ним, презентации лингвистической литературы.

Из перечисленных выше социальных практик, в которых языковое сообщество способно проявить себя, самой масштабной по степени участия членов сообщества по опыту XX и начала XXI вв. являются орфографические реформы. Осмыслить масштабные стихийные языковые изменения в эпоху перемен неспециалисту чрезвычайно сложно, поэтому публично о судьбах языка обычно говорят и пишут лингвисты и писатели. А вот реформирование, которое касается конкретных фактов письма, легче поддается осмыслению неспециалиста. Кроме того, реформы правописания, как правило, предваряются широким обсуждением в СМИ и благодаря этому получают большое количество предварительных откликов со стороны языковой общественности.

Опыт такого рода обсуждений проанализирован в лингвистической литературе [Обзор предложений 1965; Бреусова 2000; Григорьева 2004; Арутюнова 2016; и др.].

В последнее время к практикам, способным продемонстрировать масштабы языкового сообщества, присоединилась ежегодная акция «Тотальный диктант». Начиная с 2011 г. она приобрела всероссийский, а затем и международный характер. Она оказалась чрезвычайно массовой. Так, в 2016 г. в ней участвовали 146 тыс. человек в 732 городах мира (http://www.nsk.aif.ru/dontknows/kak_napisali_totalnyy_diktant-2016; дата обращения: 28.09.2016).

Содержание акции – массовое написание диктанта, оригинальный текст которого создан известным писателем при взаимодействии с лингвистами-русистами. Текст состоит из трех частей, разные части пишут в разных зонах России и мира, поделенных по принципу следования часовых поясов. Локально написание текста происходит на «площадке», которая представляет собой одно или несколько помещений в пределах одного здания и / или учреждения, оборудованных мультимедийными средствами. Текст читается автором в транслируемом видеофайле, а затем диктуется диктором, в шутку именуемым «тотальным диктатором». В качестве диктора обычно выступает филолог с опытом диктовки или популярная, как правило медийная, персона, что, с одной стороны, способствует популярности диктанта и, с другой стороны, служит свидетельством общественного признания самого «диктатора». Параллельно с диктантом, проводимым на площадках, по этим же текстам проводится онлайн-диктант в Интернете.

Существует также система поддерживающих мероприятий, включающих, помимо всего прочего, серию подготовительных занятий

(«Русский по пятницам»), большую научную конференцию и школу-семинар по организации и проведению Тотального диктанта.

Масштабность акции делает ее сопоставимой с реформами письма по возможности для языкового сообщества «проявиться». Однако в том, каким образом и какой своей частью проявляется языковое сообщество, между акцией и реформой наблюдаются существенные различия.

Для начала обратим внимание на то, что акция и реформа представляют собой социальное событие. У события есть повод, цель, участники, которые могут быть описаны «феноменально», в соответствии со сценарием, объект – то, над чем производится действие, бенефициент – тот, в чью пользу оно производится, в более широком смысле – для кого небезразличны результаты события.

В сценарий реформы входят разработка проекта, обсуждение, внесение изменений, утверждение, реакции. Проект готовится небольшой частью лингвистов-профессионалов, в настоящее время – специалистов по лингвистической ортологии, входящих в официальную орфографическую комиссию. Обсуждение происходит в периодической печати, в других СМИ, в настоящее время – и в Интернете общественностью, но в основном специалистами. Изменения вносятся по итогам обсуждения той же небольшой частью лингвистов-профессионалов. Утверждается проект и формируется законопроект органами власти. Ими также разрабатывается серия мероприятий по реализации реформы.

Акция «Тотальный диктант» готовится и проводится по следующему сценарию. Писателем готовится проект текста, в котором сочетается творческий характер с заданными языковыми свойствами. Таким образом, писатель вынужден в известной мере проявлять умения лингвиста. Небольшим коллективом лингвистов текст апробируется и предлагаются изменения. Автор вносит или одобряет изменения. Большим количеством организаторов параллельно с работой над текстом готовятся площадки для проведения диктанта. В больших городах количество организуемых площадок исчисляется десятками. Мы оказываемся в новой, не осмысленной лингвистами ситуации, когда обществу требуется масса филологических менеджеров – людей, организаторские усилия которых связаны с филологическим мероприятием.

В день акции языковая общественность является участниками, пишущими диктант, а филологи-специалисты и популярные «медийные» персоны выступают дикторами. Организаторы обеспечивают акцию технически и организационно. В несколько последующих дней фило-

логи-специалисты с привлечением студентов-русистов проверяют диктант, а организаторы и программисты обеспечивают информирование участников. Отмечу, что это очень схематичное описание действий всех участников акции.

Различия в социальных ролях, выполняемых участниками разных групп в двух видах социальной практики, отражено в таблице:

Участники	Событие	
	Реформа	Тотальный диктант
Лингвисты-русисты	Авторы проекта, критики, авторы изменений	Редакторы, дикторы, проверяющие, ведущие занятий и консультаций
Методисты, школьные преподаватели русского языка	Критики, авторы изменений	Участники, дикторы, проверяющие
Творческие работники	Критики, авторы изменений; журналисты – авторы информации о реформе	Писатель – автор текста; журналисты – дикторы, авторы информации об акции; участники
Практические филологи	–	Проверяющие, участники
Программисты, занимающиеся языком	–	Разработчики программы для онлайн-диктанта, участники
Студенты-филологи	–	Проверяющие, участники
Коммуникативные работники	–	Участники
Любители русского языка	–	Участники

Таким образом, реформа – это действие узкого круга лиц для массовой практики, т. е. для всего русского этноса, включающего и русское языковое сообщество. Тотальный диктант – это действие большей части сообщества для индивида – лица, которое стремится определить границы своей языковой компетенции. Здесь мы как раз и обнаружи-

ваем противоположность двух моделей, реализуемых этими практиками: модели общества и модели сообщества [Беккер: filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/]. Реформа письма реализует модель общества, в которой социум выступает надличностной силой, определяющей поведение индивида, а Тотальный диктант – модель сообщества, в которой социум реализует потребности индивида, которые он не вполне может реализовать самостоятельно.

Подводя итог, можно сказать, что Тотальный диктант как общественная практика обнаруживает новые черты в русском языковом сообществе:

- включение писателя в активную лингвистическую практику – создание текста с особыми языковыми свойствами для сугубо лингвистического мероприятия;

- появление в числе популяризаторов языковой грамотности медиаперсон;

- появление филологических менеджеров – лиц, организующих и информационно обеспечивающих филологическое мероприятие;

- расширение круга медийных филологов, вовлеченных в популяризацию лингвистического знания;

- по-настоящему массовое участие русского языкового сообщества в общественной филологической практике.

Список литературы

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1975. 276 с.

Арутюнова Е. В. Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 5–16.

Басалаева Е. Г., Ружа О. А., Шильман М. В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59–69.

Басалаева Е. Г., Шильман М. В. Многогочие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.

Беккер В. Сообщество и общество: Об основных понятиях социальной философии в некоторой исторической неизбежности. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/> (дата обращения: 21.09.2016).

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебное пособие. М., 2001. 315 с.

Бреусова Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2000. 22 с. URL: <http://linguists.narod.ru/downloads4.html> (дата обращения: 21.09.2016).

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии. М., 2004. 456 с.

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Рус. яз. и современность. Пробл. и перспективы развития русистики» и материалы почт. дискус., в которой приняли участие Ю. Д. Апресян и др. М., 1991. 65 с.

Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 190 – 214.

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 298 с.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) / Под ред. М. В. Панова. М., 1965.

Указ Президента Российской Федерации № 1488 от 29.12.2006 «О проведении Года русского языка» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/24798> (дата обращения: 21.09.2016).

I. E. Kim

The Total Dictation as a form of self-manifestation of the Russian-Speaking Community

The aim of this article is to demonstrate the impact of the Total Dictation as a philological practice on the structure of the Russian-speaking community. The comparison of the Total Dictation with the reforms of orthography comparable by the number of people involved shows the difference between the functions performed by parts of the Russian-speaking community in each of the practices. Total Dictation has introduced some innovations in linguistic practices by introducing new roles of the dictation author who combines creative content and strict linguistic forms in the same text and of philological managers organizing linguistic events. Another novelty is a truly total participation of the "silent majority" (A. Ya. Gurevich) of the speech community in a philological event.

Keywords: Total Dictation, speech community, reform of orthography, linguistic practice.

Г. М. Мандрикова

Новосибирский государственный технический университет

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ: ТЕРРИТОРИЯ СМЫСЛОВ

В статье предпринимается попытка рассмотреть написание Тотального диктанта как коммуникативного события с тремя коммуникантами (автор – диктатор – пишущий). Такой подход позволяет решить проблему квалификации ошибок, традиционно помещаемых проверяющим в сомнительную группу «описки? ослышки? орфографические ошибки?», рассматривая их как коммуникативные неудачи (или коммуникативные сбои) в процессе написания текста диктанта. Анализ подобных неожиданно образовавшихся эрративов в психолингвистическом, когнитивном, лингвокультурологическом аспектах подтверждает возможность обращения к написанным обычными носителями языка текстам Тотального диктанта как своего рода широкомасштабному лингвистическому эксперименту.

Ключевые слова: Тотальный диктант; коммуникативное событие; асимметрия «говорящий – слушающий»; коммуникативная неудача; коммуникативная готовность слова.

Как известно, одним из требований, предъявляемых к текстам Тотальных диктантов последних лет (начиная с 2010 г.), является наличие в нем некоей социально-культурной проблемы, возможно даже нескольких проблем (ср. «В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?», «Орфография как закон природы», «А вам не все равно?», «Евангелие от Интернета»), или того, что имеет непосредственное отношение к нашей жизни, прошлой или настоящей, к нашей культуре, истории, традициям (ср. «Поезд “Чусовская – Тагил”», «Волшебный фонарь»), призванных сделать текст диктанта безразличным его участнику.

Понятно, что для идеологии Тотального диктанта очень важно личное включение пишущего в текст, его «проживание» этого текста, пропуск «через себя» во время написания. Такая ситуация – при всей ее несомненной привлекательности для автора и участников Тотального диктанта – порождает немало проблем для тех, кто его проверяет. В данном случае речь идет о пресловутом влиянии смысла на форму, которое чаще всего проявляется в том, что пишущие расставляют знаки препинания в соответствии с тем, как они расставляют смысловые акценты в авторском тексте. При этом – обратим внимание! – сам автор может «чувствовать» свой текст иначе, чем тот, кто его пишет, а

пишущий, возможно, понимает звучащий текст через призму читающего – «диктатора», который, в свою очередь, хочет прочитать текст диктанта как можно лучше, порой помимовольно вкладывая в него что-то свое... И тогда возникают и *машинист Хохмач* или *машинист-басмач* (вместо *машиниста-хохмача*) или *райские пуцц* (вместо *райских куц*), а *поездка по-невскому* (вместо *по Невскому*) на имперiale вызывает, как сейчас модно говорить, просто-таки когнитивный дисонанс.

Посмотрим на эту ситуацию с коммуникативной точки зрения, представляя написание Тотального диктанта как коммуникативное событие с тремя коммуникантами (автором, диктатором и пишущим), чем, по сути, оно и является. Вспомним термин К. Ажежа «психо-социальный субъект высказывания», который автор использует при объяснении взаимодействия говорящего и слушающего. По мысли К. Ажежа, такое взаимодействие нужно понимать не в смысле «говорящий» тире «слушающий», а как «говорящий плюс слушающий», так как речь идет вовсе не о двух взаимозаменяемых сущностях, поскольку ментальные процессы кодирования и декодирования не конвертируемы. К. Ажеж пытается доказать, что «психо-социальный субъект высказывания – это не мифическое пространство пермутации между говорящим и слушающим, наделенными одинаковыми достоинствами и способностями» [Ажеж 2003: 225]. Иначе говоря, понятие психо-социального субъекта высказывания заставляет учитывать асимметрию между слушающим и говорящим [Мандрикова 2007].

Еще одна мысль К. Ажежа сводится к тому, что коммуникативное сотрудничество возможно лишь тогда, когда партнеры «заняты построением смысла, который составляет основу и оправдание их взаимоотношений» [Ажеж 2003: 223]. Другие лингвисты называют такое сотрудничество поисками точек коммуникативного согласования, когда языковые единицы, используемые коммуникантами, обладают (или должны обладать) общим денотативным и ментальным наполнением. Результаты проверки текста диктанта показывают, что есть случаи, когда мы имеем дело, скорее, с точками коммуникативного рассогласования (термин А. А. Романова), причины появления которых мы и попытаемся выяснить.

Часть ошибок, которые делают участники диктанта, проверяющие склонны записывать в лучшем случае в описки или ослышки, а в худшем – считать орфографическими, поскольку здесь явным образом нарушается внешний облик слова. На наш взгляд, если Тотальный диктант описывать как своего рода коммуникативный процесс, то такие ошибки можно считать, скорее, коммуникативными неудачами

(сбоями, помехами). Обычно под коммуникативными неудачами понимают «полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Городецкий, Кобозева, Сабурова, 1985: 64–66].

Н. Д. Голев и Л. Г. Ким считают, что во всех определениях коммуникативных неудач преобладает «автоцентрическое» понимание неудачи. Соглашусь с ними в том, что о наличии коммуникативной неудачи можно говорить только тогда, когда получаемое адресатом речевое произведение не вписывается в «вертикальный» (интенция, «коммуникативное удовлетворение») и «горизонтальный» (речевой, коммуникативно-ситуативный, жизненный) контексты адресанта. При этом именно адресат, а не адресант, осознает процесс коммуникации несостоявшимся [Голев, Ким 2007: 242].

Таким образом, дешифруя звуковой код, полученный от диктатора, и придавая ему графический вид, пишущий естественным для него образом, сталкиваясь с не очень понятной ему на слух языковой единицей, меняет ее орфографический облик в тексте на свой, понятный ему «вертикально» и «горизонтально», ср.: *Тётки вылетели на платформу и, проклиная машиниста как моча* (вместо *машиниста-хохмача*), *который не дал гудок...* Появление нелестного для машиниста сравнения может «оправдываться» пишущим наличием глагола *проклиная*, а некоторые случающиеся при этом «грамматические издержки» для него не так важны, как общий смысл высказывания.

Возникающие в процессе диктанта опiski и ослышки непосредственным образом связаны с агнонимией, т. е. незнанием или недостаточным знанием слова, использованного автором в тексте диктанта (случаи «просто не расслышал», при условии, что пишущий слушает текст как минимум 3 раза, мы не рассматриваем). Однако практика показывает, что, увидев авторский текст, участники диктанта, допустившие обсуждаемые нами так называемые опiski / ослышки, часто сокрушаются о том, что не «узнали» известные им слова в процессе диктовки. Выходит, дело не в агнонимии? Но понимание агнонимии как случая неправильного понимания слова по причине его незнания / недостаточного знания этим не ограничивается. Агнонимия может проявляться и в словоизменении, и в образовании дериватов, которых нет в языке (типа **диспутариий* от *диспут*), и в нарушении типичной сочетаемости слова, и – как в случае Тотального диктанта – может быть искажено его написание, ср. *райские пуци* (вместо *куци*) или *презентовые* (вместо *брезентовые*) *палатки*.

Значит, речь идет все-таки об агнонии, пусть и частичной. Главное в том, что конкретное слово может быть знакомо говорящему, но оно плохо вписано в его личный тезаурус: не входит в его речевую деятельность (и не только в повседневную), являясь по сути рецептивным, а не продуктивным языковым средством, опознаваемым при чтении, но остающимся «неузнанным» в случае его письменного воспроизведения.

По мнению Н. И. Формановской, причинами коммуникативных неудач могут являться: 1) социально-культурные различия (несовпадения в картинах мира); 2) психосоциальные различия (разные ментальные модели фрагментов действительности, несовпадение оценок фрагментов и явлений действительности, нарушение речевого поведения, нарушение канала связи, неправильное прочтение речевой интенции и др.); 3) собственно языковые трудности (употребление окказионализмов, неточное понимание значений грамматических средств, неточная референциальная отнесенность, многозначность, параномия, омонимия и др.) [Формановская 2002: 170–174]. Как видим, причины коммуникативных неудач носят комплексный характер. К примеру, приписывание текста Е. Водолазкина некоей Еве Даласкиной может вызвать удивление у кого угодно, только не у экспертов ЕГЭ, поскольку именно там наблюдается подобная ситуация, когда пишущий искажает фамилию автора текста (часто известного русского или советского писателя) поскольку видит (даже не слышит!) ее в первый раз. Понятно, что фраза неопытного и волнующегося диктатора-нефилолога вроде «мы сейчас будем писать текст Е. Водолазкина [евадаласкина]» при отсутствии видеосюжета может привести к появлению Евы Даласкиной, и тогда практически все вышеназванные причины коммуникативных неудач могут быть названы в качестве основания для появления подобной ошибки / описки / ослышки.

Понятно, что большая часть подобного рода коммуникативных рассогласований наблюдается в работах молодых участников Тотального диктанта, скорее всего, школьников. На наш взгляд, именно отсутствие коммуникативного опыта, а также опыта взаимодействия с «живым» текстом, написанным современным автором современным же языком, требующим расстановки смысловых вех текста для его понимания-«проживания», о чем речь шла в начале статьи, невысокая скорость письма при отсутствии должной практики вполне прогнозируемо «обрекают» эту группу пишущих на коммуникативные неудачи в ходе Тотального диктанта. Не имея возможности быстро принять решение относительно орфографического облика малознакомой или плохо воспринимаемой со слуха единицы, как правило, не входящей в

актуальный словарный запас, пишущий зачастую пользуется механизмом «коммуникативной готовности слова».

Коммуникативная готовность слова состоит в той или иной степени его употребительности в речевом поведении человека, обусловленной возрастом, образованием, жизненным и коммуникативным опытом, сферой деятельности и интересов и т. п., ср.: *...они плывут мимо замершей толпы под кока-кольный (вместо колокольный) звон.* В данном случае ясно, что пишущий «услышал» именно знакомое и понятное ему слово (более частотный вариант «подавил» менее частотный), хотя возникает вопрос, как он соотнес этот «звон» с контекстом... Еще один пример: *Я очень хотел стать бандмейстром (вместо брендмейстером);* здесь также наблюдается попытка «найти знакомое в незнакомом», и смысл, с точки зрения автора этого предложения, не теряется: герой, по мысли пишущего, хотел быть главным в некоем подразделении («банде») (примеры см. [Барабаш 2015]).

Вспоминая еще раз *расхлистанного / разрысанного* (вместо *расхристанного* в тексте диктанта 2014 г.), *райские пуци* (вместо *куци* в тексте 2013 г.), *эйленов* (вместо *эллинов* в тексте 2016 г.) или *проезжая по-невскому на имперiale* (вместо *проезжая по Невскому на имперiale* в тексте 2015 г.), мы сталкиваемся не с чем иным, как с серьезными лингвокультурными потерями (пусть даже у отдельных людей). Следствием чего они являются – низкого уровня нашего образования или отсутствия привычки к чтению – это отдельная тема для разговора, поскольку коммуникативное рассогласование между Автором и его читателем (в данном случае – пишущим) есть серьезный повод для беспокойства не только для филологического сообщества, принимающего участие в работе Тотального диктанта.

Итак, появление ошибок, связанных с изменением орфографического облика слова, а также заменой слов, их искажением, часто относимое проверяющим к опискам / ослышкам, на наш взгляд, является естественным следствием написания Тотального диктанта, если рассматривать его как коммуникативное событие. Названные коммуникативные сбои (коммуникативные рассогласования) возникают и по вине самого пишущего, и по вине организаторов процесса диктовки (неподготовленная аудитория (нет видео с автором, слайдов-помощников), и по вине диктатора. К основным причинам появления данных ошибок мы относим, прежде всего, недостаточную степень коммуникативной готовности слов, встречающихся в тексте Тотального диктанта, в языковом сознании некоторой части пишущих (в первую очередь школьников и молодежи), обусловленную различными причинами, в первую очередь агнонимией, и дефицит времени, отпущенного для записи

диктуемого текста. Анализ подобных случаев в тексте Тотального диктанта представляет интересный материал для лингвистов не только в ортологическом, но и в психолингвистическом, когнитивном, лингвокультурологическом и других аспектах, а сам «Тотальный диктант становится бесценным инструментом для научных исследований, которые позволят узнать много нового и о нас, и о языке, и о языке в нас» [Арутюнова, Пахомов 2016].

Список литературы

Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Арутюнова Е. В., Пахомов В. М. Тотальные задачи тотального диктанта [Рукопись].

Барабаш О. Кока-кольный звон Евы Даласкиной // ГодЛитературы.РФ. 29.04.2015. URL: <https://godliteratury.ru/projects/koka-kolnuuzvon-evy-dalaskinoy> (дата обращения: 10.09.2016).

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.

Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64–78.

Мандрикова Г. М. «Говорящий» + «слушающий» и «говорящий» – «слушающий»: когнитивная интерпретация агнонимов // *Lingua mobilis*. № 2. Челябинск, 2007. С. 102–108.

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

G. M. Mandrikova

The Total Dictation: the Territory of Speculations

The process of writing the Total Dictation is seen as a communicative situation with three participants; the author of the text – the dictating person - the person writing the dictation. Such a method makes it possible to solve the problem of categorizing the mistakes that have been traditionally put into an ambiguous category of ‘slips of the pen/mishearing/misppelling’. These mistakes are regarded as communicative failures in the process of dictation writing. The analysis of such unexpected errors in terms of psycholinguistic, cognitive and linguacultural aspects affirms the possibility to consider the texts of the Total Dictation written by average native speakers as a large scale linguistic experiment.

Keywords: Total Dictation, communicative situation, asymmetry ‘speaker-listener, communicative failure, communicative readiness of a word.

Н. В. Кузнецова

Тюменский государственный университет, Тюмень

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА

В статье дается обзор научных публикаций, связанных с вопросами орфографии и пунктуации, по материалам Тотального диктанта, а также анализируются программы научных конференций, ежегодно проводимых в рамках акции «Тотальный диктант».

Ключевые слова: Тотальный диктант; орфография; пунктуация.

Филологическая составляющая Тотального диктанта растет вместе с проектом. Филологи-эксперты готовят комментарии к тексту, проверяют работы, ведут подготовительные курсы, консультируют участников после написания диктанта. Каждая из этих задач становится предметом научного осмысления и профессионального общения – как по электронной почте, так и на мероприятиях в г. Новосибирске, организованных фондом поддержки языковой культуры граждан «Тотальный диктант» и Новосибирским государственным университетом.

2–3 февраля 2013 г. состоялись первая школа организаторов Тотального диктанта и научно-практический семинар «Динамические процессы в области пунктуационных норм и проблема их кодификации». Мероприятия собрали участников из 20 городов России. Основным предметом обсуждений на семинаре стали проблемные случаи в текстах прошедших к тому времени диктантов, в частности пунктуация при вводных словах на границе однородных частей предложения и при обороте с предлогами *от ... до*, оформление прямой речи, вводной словом *т.е.* В выступлении председателя Экспертного совета Тотального диктанта Н. Б. Кошкаревой была поставлена проблема лакун (в частности, сочетания *вроде бы* и *как будто* могут не только выступать в роли частиц – показателей недостоверности сообщаемых фактов, но и быть первой частью скреп уступительно-противительной семантики) и псевдоисключений (яркими примерами которых являются прилагательные *ветренный* и *тундреный*) в правилах современной русской орфографии и пунктуации. Кроме того, участники семинара обменялись опытом организации занятий по подготовке к диктанту и проведения консультаций.

С 28 февраля по 2 марта 2014 г. прошла научно-практическая конференция Тотального диктанта «Актуальные вопросы кодификации

норм правописания: теория и практика». Участниками конференции стали филологи из 53 городов России и мира – от Галлина до Владивостока и от Нарьян-Мара до Геленджика. Научные доклады были посвящены как трудным случаям в текстах прошедших диктантов (например, постановке тире между подлежащим и именным сказуемым (Н. Б. Кошкарева), восприятию и написанию агнонимов (Г. М. Мандрикова), так и актуальным проблемам современной русской орфографии и пунктуации: графическому освоению заимствованных слов (Н. М. Лебедева, Л. К. Крылова), употреблению кавычек (А. Г. Жукова) и т. д.⁷ Значимым фактом стало участие в конференции члена Орфографической комиссии РАН А. Д. Шмелева и редактора популярного интернет-портала «Грамота.ру» В. В. Свинцова. Были высказаны предложения по уточнению и дополнению некоторых правил – в частности, постановки тире между подлежащим и сказуемым, выраженными инфинитивами, в связи с результатами Тотального диктанта. Большой интерес филологов-экспертов и организаторов диктанта из разных городов вызвал круглый стол «Нормы правописания: модернизировать нельзя консервировать?».

С 29 января по 1 февраля 2015 г. работала III научно-практическая конференция Тотального диктанта «Актуальные вопросы кодификации норм правописания: теория и практика». В тренингах и мастер-классах по организации акции и в научном обсуждении ее результатов участвовали представители 60 российских и зарубежных городов. Кроме того, более 150 новосибирцев посетили публичные мероприятия, проходившие в рамках конференции. Был проведен эксперимент по написанию участниками конференции специально подготовленного диктанта и тренинг по его проверке. Научные доклады касались соотношения рекомендаций справочников и практики письма (Г. М. Мандрикова, В. М. Пахомов, С. А. Никишина, Е. В. Арутюнова, Т. А. Ялышева), научным принципам русской пунктуации (И. Е. Ким), орфографии и пунктуации как объекту языковой рефлексии в Интернете (Е. Г. Басалаева), конкуренции знаков препинания в русском письме (Т. Н. Пермякова, Н. В. Кузнецова), роли Национального корпуса русского языка в разработке критериев проверки диктанта (Н. Б. Кошкарева). Участники конференции приняли решение усилить научно-методическую составляющую проекта, в первую очередь за счет привлечения научного сообщества к изучению проблем практической грамотности. В состав Экспертного совета Тотального диктанта

⁷ Материалы конференции опубликованы в журнале «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология». 2014. Т. 13. № 9. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1372020>.

вошел известный российский лингвист, член Совета по русскому языку при Президенте РФ академик Российской академии наук проф. В. А. Плуменян (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). Была достигнута договоренность о сотрудничестве между Экспертным советом Тотального диктанта и ведущими интернет-порталами, посвященными русскому языку, – «Культура письменной речи» (<http://www.grammar.ru>) и «Грамота.ру» (<http://www.gramota.ru>). Целью такого сотрудничества является совершенствование критериев проверки Тотального диктанта и обсуждение возможностей влияния итогов акции на практику кодификации норм русской орфографии и пунктуации.

4–7 февраля 2016 г. состоялась IV Международная научно-практическая конференция Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке», на которую прибыли участники из 66 городов России и мира. Работали ставшие уже традиционными мастер-классы и тренинги по организации диктанта, были организованы открытые мероприятия, в которых приняли участие жители Новосибирска: круглый стол «Русский язык в СМИ: между правдой и вымыслом», публичная лекция автора популярных книг об активных процессах в русском языке к. филол. н. И. Б. Левонтиной и др. Научная филологическая составляющая конференции значительно расширилась. Кроме основной секции «Проблемы кодификации норм правописания», на которой обсуждались актуальные вопросы современной русистики, проблемы динамики, вариативности и кодификации нормы, филологи приняли участие в секциях «Компьютерная лингвистика (новые технологии в преподавании, изучении и продвижении русского языка)» и «Русский язык как иностранный», а также в мастер-классе «Интернет-ресурсы по русской словесности» (Ю. А. Сафонова). В основной секции освещались проблемы кодификации вариативных написаний (Е. В. Бешенкова), правописания слов на *-мый* (Н. Б. Кошкарёва), обособления инфинитивных определений (Е. В. Арутюнова), слитного / раздельного написания частей союзов типа *(от)того* (В. М. Пахомов), использования прописных букв (Е. О. Филинкова) и т. п. В других секциях предметом обсуждений становились, в частности, псевдонимы и кодовые слова пишущих Тотальный диктант (А. Ч. Пиперски), пилотный проект теста Тотального диктанта для иностранцев, изучающих русский язык (Т. И. Белица), явления в поведении современных учащихся, связанные с цифровыми технологиями, такие как фаббинг или номофобия (Е. В. Рублева). В конференции приняли участие известные лингвисты: А. Д. Шмелев (доклад «Вариативность в орфографии»), В. И. Беликов (доклад «Что и

как получает лингвист из оцифрованных текстов)), представители интернет-порталов «Грамота.ру» (В. М. Пахомов и Е. В. Арутюнова) и «Культура письменной речи» (С. В. Друговейко-Должанская)⁸. Состоялся круглый стол, посвященный организации проверки диктанта и проведению консультаций.

В развитии научной филологической составляющей проекта штаб Тотального диктанта руководствуется представлением, что диктант сегодня является не «акцией одного дня», а «масштабной общественной системой дополнительного образования в сфере русского языка». Вокруг проекта объединяются специалисты, изучающие и популяризирующие русский язык у нас в стране и за рубежом.

N. V. Kuznetsova

The Academic Life of the Total Dictation

The article provides an overview of scientific publications related to the issues of orthography and punctuation based on the Total Dictation materials. It also gives an analysis of the programs of scientific conferences held annually as a part of the 'Total Dictation' campaign.

Keywords: Total Dictation, spelling, orthography, punctuation.

⁸ Материалы конференции опубликованы в «Сибирском филологическом журнале». 2016. № 3. URL: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/content.php?vol=48>

О. М. Сичинава

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РЕСПУБЛИКАХ РФ

Проблемам русского языка в нашей стране уделяется должное внимание: проводятся форумы, семинары, различные мероприятия, акции. Без преувеличения одной из самых масштабных акций по привлечению внимания к проблемам грамотности можно считать Тотальный диктант. Однако в последнее время все больше регионов проводят аналог Тотального диктанта – диктант на родном языке. Проблема билингвизма, двуязычия и реализация этнолингвистического фактора в процессе межкультурного взаимодействия таким образом решаются в значительной степени.

Ключевые слова: язык; ошибки; этнолингвистический фактор; Тотальный диктант.

Тотальный диктант – акция, которая ставит для себя важную цель: «привлечь внимание к вопросам грамотности и развить культуру грамотного письма»⁹. Термин *культура письма* относится не только к области лингвистики и риторики, но охватывает и область психологии, философии и культурологии. Это связано с тем, что человек должен не только владеть грамматикой языка, но знать его историю, этикетные нормы, ментальные характеристики и прочее. В данном случае культура письма непосредственно связана с этнолингвистическим фактором, который рассматривает язык в качестве непосредственного проводника в области культуры народа. Под этнолингвистическим фактором понимается важная составляющая национальной идентичности, объединяющее начало, выраженное в существовании некоей неразрывной связи и взаимодействии языка и культуры. Этнолингвистический фактор присущ каждой этнической общности, которая стремится «сохранить свой язык и культуру и найти язык общения для облегчения всесторонних контактов, академической мобильности, обмена информацией и т. д.» [Бондаренко 2009: 14]. Поэтому можно говорить, что проведение акции по проверке грамотности «Тотальный диктант» не

⁹ Тотальный диктант // URL: <http://totaldict.ru/about> (дата обращения: 10.06.2016).

только проверяет уровень грамотности среди носителей русского языка, но и способствует привлечению внимания к русской культуре и российской идентичности.

Тотальный диктант проводится с 2004 г. и за это время вызвал значительный интерес не только в нашей стране, но и за ее пределами. Так, в 2011 г. акция проводилась в двух странах и 13 городах, а в 2016 г. – в 68 странах и 732 городах (по данным сайта «Тотальный диктант» и «Российской газеты»). Реализация этнолингвистического фактора, которому способствует ежегодная акция, наглядно прослеживается на уровне страны и в особенности отдельных регионов, для которых характерен билингвизм или сосуществование нескольких равносильных языков.

В Чеченской республике государственными языками являются русский и чеченский. В 2016 г. Тотальный диктант проводился в республике «при грантовой поддержке министерства образования и науки ЧР в рамках Программы мероприятий, направленных на повышение качества преподавания и изучения русского языка»¹⁰. Так, о значимости подобного рода просветительских акций говорится на уровне политики и образования. Программа мероприятий направлена не только на повышение результатов ЕГЭ по русскому языку выпускников чеченских школ, но и на осознание особой роли русского языка как языка государственного значения, языка межнационального общения.

По словам координатора проекта «Тотальный диктант» в г. Грозном Р. А. Бураловой, «прежде всего следует понимать, что Тотальный диктант – это не самоцель, а средство привлечения внимания к проблемам речевой культуры жителей нашей республики», «наличие навыков грамотной устной и письменной русской речи – непереносимое условие получения качественного среднего общего и высшего образования. <...> Именно в таких гражданах, грамотных, образованных, высокопрофессиональных специалистах, нуждается наша малая Родина – Чеченская Республика»¹¹. Организаторы также отмечают, что грамотность – это не только соблюдение правил, это еще и индикатор культуры любого человека. Таким образом, просветительское и культурное значение акции не менее важно в плане формирования российской идентичности.

В республике Татарстан акция проводится также не в первый раз. В 2016 г. Тотальный диктант написали 2 481 человек. Статистика гра-

¹⁰ Быть грамотным – не только модно, но и престижно // Информационное агентство «Грозный Информ». URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/culture-71335/> (дата обращения: 20.06.2016).

¹¹ Там же.

мотности не отличается по сравнению с общей статистикой по стране: 1 % татарстанцев написали Тотальный диктант 2016 г. на «отлично». Но организаторы снова оценивают приоритет акции двояко: грамотность важна, но культурную составляющую не стоит отрицать. Так, по словам координатора проекта в Набережных Челнах Ю. Логинской, «люди идут сюда (на Тотальный диктант) не за оценкой, а чтобы найти пробелы в знаниях. Это культурная акция, а не олимпиада»¹². Республика Татарстан имеет два государственных языка – татарский и русский, и такой билингвизм отражается также в проведении акций. Например, 23 апреля 2016 г. в Татарстане прошла акция «Бердәм диктант» (аналог Тотального диктанта), текст которого был написан на татарском языке и представлял собой отрывок из романа национально-го писателя Абдрахмана Абсалямова «Белые цветы». Отметим, что если в чеченской республике мероприятия направлены на повышения грамотности на русском языке, то в Татарстане в последние годы все больше внимания уделяется сохранению и развитию татарского языка, его популяризации. Диктор образовательной акции «Бердәм диктант» А. Мусина считает, что акция «делается для того, чтобы сохранить наш родной язык. Также чтобы знали историю, культуру татарского народа»¹³. Данная акция проводится в рамках реализации республиканского законодательства о языках. Ментальная и культурная составляющая, несомненно, остаются на первом плане. Однако результаты проведения акции «Бердәм диктант» показывают высокий уровень владения татарским языком: диктант на татарском языке написали на «пятерку» 10 % участников, т. е. в 10 раз лучше, чем на русском. В целом же, самые частотные ошибки и в Тотальном диктанте, и в «Бердәм диктант» были пунктуационные. Татары сделали большое количество ошибок в раздельном написании сложных слов (*шулхэтле*, *шулкадэр*) и слитном написании частиц *да-дэ*, *та-тэ*. В Тотальном диктанте, по словам доцента кафедры русского языка и прикладной лингвистики КФУ Ольги Чупряковой, жители Татарстана «часто ошибались с написанием прописных и строчных букв, оформлением деепричастных и причастных оборотов, вводных конструкций». «Также совершались ошибки, связанные с написанием названий различных племен и народов. По мнению спикера, это может быть связано с не-

¹² Результаты «Тотального диктанта» в Казани хуже, чем в других городах // События. URL: <http://sntat.ru/obrazovanie/40052-rezultaty-totalnogo-diktanta-v-kazani-khuzhe-chem-v-drugikh-gorodakh> (дата обращения: 25.06.2016).

¹³ Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана «Наш дом – Татарстан». URL: <http://addnt.ru/v-tatarstane-napisali-totalnyjj-dikt/> (дата обращения: 25.06.2016).

достаточным знанием истории»¹⁴. Взаимосвязь истории, культуры и языка является неотъемлемым условием функционирования этнолингвистического фактора. Но наличие таких ошибок говорит о сбоях, существующих в обществе (а точнее, государстве) в разных сферах существования, в частности в культурной, духовной.

Чувашская республика также имеет два государственных языка – чувашский и русский. Тотальный диктант проводится в Чувашии не первый год, как и акция «Единый всечувашский диктант» на чувашском, которая проходит в республике с 2013 г. Так же как и в республике Татарстан, автором текста на родном языке стал национальный поэт Чувашии Ю. С. Семенов-Семендер. Среди задач проведения акции организаторы отмечают необходимость «привлечь внимание общества к проблеме грамотности населения чувашской национальности; предоставить возможность всем желающим проверить свою грамотность в ходе добровольного диктанта и пробудить у них желание развивать культуру письменной речи по чувашскому языку»¹⁵. Поэтому приоритет акции и в данной республике не сводится лишь к организаторскому мероприятию.

В республике Коми также присоединились к проведению диктанта на родном языке (государственными языками здесь являются язык коми и русский); он получил название «Отувъя диктант» и был проведен в 2015 г. Автором текста стал народный поэт Республики Коми Владимир Тимин. Значение такой акции организаторы видят в «привлечении внимания жителей республики к родному языку, к значимости родной земли»¹⁶. Отметим, что всеобщий диктант на коми языке прошел не только в республике Коми (в Ухте, Удорском, Корткеросском, Ижемском, Прилузском, Сысольском, Усть-Куломском, Сыктывдинском районах), но и в Москве и Санкт-Петербурге.

Ханты-Мансийский автономный округ проводит Тотальный диктант на родных языках (хантыйском, мансийском, ненецком) с 2015 г. Цель – «пропагандировать родные языки как средство общения, сохранение традиционной культуры и этнического самосознания наро-

¹⁴ «Тотальный диктант» в Татарстане: что, где, когда // События. URL: <http://sntat.ru/obrazovanie/39576-totalnyj-diktant-v-tatarstane-cto-gde-kogda> (дата обращения: 23.06.2016).

¹⁵ Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. [Официальный сайт]. URL: <http://www.chgpu.edu.ru/novosti/1446-edinyy-vsechuvashskiy-diktant-2013.html> (дата обращения: 24.06.2016).

¹⁶ Тотальный диктант по-коми // Комсомольская правда. URL: <http://www.kuban.kp.ru/daily/26344.4/3226763/> (дата обращения: 26.06.2016).

да»¹⁷. В этой формулировке как нельзя лучше отражается этнолингвистический фактор.

В республике Тыва диктант на родном языке – тувинском – проводится с 2011 г. Текстами диктанта, так же как и в других республиках, являются произведения народных писателей. Например, в 2011 г. это был отрывок из романа И. Бадыра «Арзылан Кудерек». Организаторы такого национального диктанта определяют цель акции следующим образом: «формирование у населения уважительного и позитивного отношения к своему родному языку», а также «привлечение молодежи к проблемам сохранения тувинского языка»¹⁸.

Итак, многие республики восприняли Тотальный диктант как отправную точку для реализации этнолингвистического фактора в своем регионе. Написание диктанта на русском и на родном языке способствует развитию грамотности и уважительному отношению к обоим языкам. Билингвизм, который в этих регионах выражен даже на уровне законодательства (официальные языки), не позволяет пропагандировать приоритет одного языка. Сама культурная составляющая, история, ментальность чаще связаны с родным языком, а значит, отрицание роли родного языка грозит утратой самобытности, идентичности, ментальных составляющих. Русский язык в регионах связан с современностью, поэтому невозможно без него представить межкультурную коммуникацию на данном этапе развития.

Список литературы

Бондаренко С. А. Этнолингвистические проблемы формирования общего образовательного пространства европейского союза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2009. 22 с.

¹⁷ Порядок проведения образовательной акции «Тотальный диктант на хантыйском, мансийском, ненецком языках» в 2015 году. URL: <http://www.оуипир.рф> (дата обращения: 30.06.2016).

¹⁸ В Туве прошел первый тотальный диктант по тувинскому языку // Новые исследования Тувы. URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/3055-diktant.html> (дата обращения: 30.06.2016).

O. M. Sichinava

**The Total Dictation as Realization of Ethno-Linguistic Factors
in Republics of the Russian Federation**

The issues of the Russian language in our country (Russia) is given due attention: various forums, seminars and other events are held regularly. The Total Dictation can be considered, without exaggeration, one of the largest-scale events to raise awareness of literacy issues. However, lately more and more regions are organizing analogs to the Total Dictation – dictations in their native languages. Through this, the problem of bilingualism and ethno-linguistic factors in intercultural cooperation has been solved to a large extent.

Keywords: language; error; ethno-linguistic factors; Total Dictation.

В. В. Журбина, Е. Н. Шмыгалина

Средняя общеобразовательная школа № 6, г. Ахтубинск

АНАЛИЗ ТЕКСТА ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА 2016 г. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОРФОГРАФИИ

Статья посвящена анализу третьей части текста Тотального диктанта 2016 г., написанного Андреем Усачевым, с точки зрения орфографии. В ней объясняется, почему Тотальный диктант сложно написать на «отлично», чем он отличается от школьного диктанта. В статье дан «паспорт орфографической трудности» текста Тотального диктанта 2016 г.

Ключевые слова: Тотальный диктант; русский язык; орфограмма.

Ежегодная образовательная акция «Тотальный диктант» охватила в 2016 г. 19 часовых поясов, 6 континентов планеты. В ней приняли участие 148 тысяч человек. По данным пресс-службы проекта, количество пятерок составило 1 %. Исходя из этой цифры, многие утверждают, что уровень грамотности россиян снижается. Так ли это? Почему так сложно написать Тотальный диктант на «отлично»? Ответим на эти вопросы, проанализировав с точки зрения орфографии 3-ю часть текста Тотального диктанта 2016 г. «Вкратце об истории Олимпийских игр» А. Усачева¹⁹.

У большинства людей Тотальный диктант ассоциируется со школьным диктантом – одной из основных форм проверки орфографической и пунктуационной грамотности. К такому диктанту и его проверке согласно «Нормам оценки знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку» предъявляются следующие требования²⁰:

- объем – 150–170 слов;
- количество проверяемых орфограмм не должно быть больше 24;
- в тексте должно быть не более 10 различных слов с непроверяемыми и труднопроверяемыми написаниями, правописанию которых ученики специально обучались.

¹⁹ Усачев Андрей. Этот древний-древний-древний мир! Часть 3. Вкратце об истории Олимпийских игр // Тотальный диктант. Тексты. URL: <http://litcult.ru/blog/19027> (дата обращения: 08.06.2016).

²⁰ Нормы диктанта для 9-го класса.

При оценке диктанта не учитываются некоторые орфографические ошибки, например на правила, которые не включены в школьную программу; однако учитывается характер ошибки. Среди ошибок выделяют негрубые, т. е. не имеющие существенного значения для характеристики грамотности. При подсчете ошибок две негрубые считаются за одну. К негрубым относятся ошибки в исключениях из правил, в написании большой буквы в составных собственных наименованиях, в случаях слитного и раздельного написания приставок в наречиях, образованных от существительных с предлогами, правописание которых не регулируется правилами, раздельное и слитное написание *не* с прилагательными и причастиями, выступающими в роли сказуемого, и другие. При проверке школьного диктанта также учитывается повторяемость и однотипность ошибок.

На степень сложности текста влияют следующие характеристики: 1) источник материала, 2) количество слов в тексте (диктант большего объема содержит больше ошибокопасных мест), 3) перечень основных орфограмм, 4) среднее значение трудности вариантов орфограммы «Проверяемые безударные гласные в корне слова». Последний критерий высчитывается следующим образом: суммируются индексы трудности всех слов текста с безударными гласными, после чего полученный результат делится на количество слов с анализируемой орфограммой. На этой основе можно составить «паспорт орфографической трудности» [Короленко 2005, 2010] текста Тотального диктанта 2016 г.

Паспорт текста

1. Источник материала – «Вкратце об истории Олимпийских игр» («Этот древний-древний-древний мир!», автор – А. Усачев).

2. Количество слов – 289.

3. Перечень основных орфограмм, встречающихся в тексте: проверяемые безударные гласные в корне слова, непроверяемые гласные и согласные, большая буква в собственных наименованиях, гласные в приставках *пре-* и *при-*, *не* с различными частями речи, правописание наречий.

4. Среднее значение трудностей орфограммы «Проверяемые безударные гласные в корне слова» – 1,7 (выше среднего)²¹.

²¹ Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку // Падеж. ру. URL: http://padej.ru/index.php?id=12&Itemid=56&option=com_content&view=article (дата обращения: 08.06.2016).

Надо отметить, что в школе изучается 71 орфограмма. В тексте встречаются 40 (в школьном диктанте их должно быть не более 24), словарных слов – 33, т. е. приблизительно 1 словарное слово на 9 слов (в школьном диктанте 1 словарное слово на 17 слов). Отсюда следует, что текст Тотального диктанта отличается большой насыщенностью орфограмм, что делает его сложным. Кроме того, при проверке работ не учитываются типичные и негрубые ошибки. Однако любое количество ошибок в слове *эллины* (*эйлены*, *элены* и др.), кроме прописной буквы (прописная буква – отдельная ошибка), и любое количество ошибок на слитное, раздельное, дефисное написание в сочетании *из поднебесья* считались за одну ошибку.

Таким образом, Тотальный диктант отличается от школьного тем, что в нем высокая концентрация слов с непроверяемыми гласными и согласными, сложными орфограммами. Все это в сочетании с пунктограммами делает его трудным. Также необходимо учитывать, что критерии оценки Тотального диктанта более строгие и что его может написать любой желающий независимо от возраста и образования, например пятиклассник, который не изучил еще правила русского языка в полном объеме; следовательно, уже заранее можно предположить, каким будет его результат. Но, несмотря на это, нужно помнить, что Тотальный диктант – это образовательная акция, цель которой сделать популярным изучение русского языка, предоставить всем желающим шанс проверить свою грамотность и повысить уровень знания языка путем разбора допущенных ошибок.

Список литературы

Короленко А. Ю. Орфографическая трудность слова как методическое понятие // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, посвященной юбилею Уральского государственного пед. университета. Екатеринбург, 25–26 ноября 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. С. 46–48.

Короленко А. Ю. Методический паспорт текста как инструмент прогнозирования орфографической трудности диктанта в основной школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=156 (дата обращения: 08.06.2016).

V. V. Zhurbina, E. N. Shmygalina

The analysis of the Total Dictation 2016 text on the topic of orthography

The article analyzes the third part of the Total Dictation 2016 text (written by Andrei Usachev) on the topic of spelling. It explains the reasons that it is difficult to write the Total Dictation faultlessly and demonstrates how it differs from an average school dictation. The list of orthographic difficulties ('passport') of the text is also provided.

Keywords: Total Dictation; the Russian language; rules of orthography.

С. В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет

**ПУНКТУАЦИЯ В ТОТАЛЬНОМ ДИКТАНТЕ 2016 г.:
ОТ СИНОНИМОВ ДО ВАРИАНТОВ**

Рассматриваются отдельные случаи пунктуации в тексте Тотального диктанта 2016 г., затрагиваются вопросы о системных отношениях между знаками препинания, о выборе пунктуационного знака и его мотивированности.

Ключевые слова: Тотальный диктант; пунктуация; синоним; вариант.

Тотальный диктант – попадание в точку во многих отношениях. Мероприятие, удивительным образом совместившее в себе и «народную забаву», и мощный просветительский проект, и научно-экспериментальную площадку, дающую специалистам интересный материал для размышлений о проблемах орфографии и пунктуации, их преподавания и освоения на современном этапе. Следует отметить и методический потенциал акции: длительность и масштабность проекта позволяют совершенствовать методы и приемы проведения и проверки поистине «тотального» диктанта. Особого уважения заслуживает скрупулезная аналитическая работа Экспертного совета Тотального диктанта над пунктуацией предлагаемых текстов, выявление и комментирование допустимых в тех или иных случаях пунктуационных знаков, что способствует их систематизации, исследованию сложных и спорных случаев.

Как известно, пунктуация представляет собой систему графических внеалфавитных знаков, основным назначением которых является пунктуационное оформление письменного текста, что обуславливает иерархичность классификации знаков препинания и их полифункциональность (знаки, связанные с членением предложения и текста, раздельные и выделительные, одиночные и парные).

Теория и практика преподавания русской пунктуации позволили ученым выделить три основных ее принципа: смысловой, определяющий понимание письменного текста; грамматический, выявляющий синтаксическое строение письменного текста; интонационный, маркирующий ритмику и мелодику речи [Языкознание 2000: 407]. В последние десятилетия актуальным стало изучение пунктуации в функциональном и коммуникативном планах, акцентирующее внимание, соот-

ветственно, на функционировании знаков препинания в реальных текстах, с учетом их полифункциональности и взаимодействия, и на возможности подчеркивания с помощью пунктуационных знаков коммуникативной значимости слов / групп слов в письменном тексте [Там же].

Активизации коммуникативного и функционального подходов к пунктуации способствует современная культурно-языковая ситуация. Появление такого канала передачи информации, как Интернет, кардинально меняет коммуникативное пространство; расширяются коммуникативные возможности, жанровое многообразие письменных текстов; письменную фиксацию, неактивную до недавнего времени, получает разговорная речь с ее коммуникативным синтаксисом, противопоставленным логическому развертыванию книжной речи.

Тотальный диктант, благодаря своей нетривиальной форме и творческому к нему подходу организаторов, оказался на гребне волны, заостря внимание на таких проблемах пунктуации, как синонимия и вариативность пунктуационных знаков, полифункциональность и неоднозначность смыслового интерпретирования знаков препинания.

В настоящей статье мы остановимся на нескольких случаях неоднозначной постановки знаков препинания во второй части Тотального диктанта 2016 г. «Вкратце об истории письменности»²².

Языковая специфика текстов А. Усачева, выбранных в этом году для диктанта, определяется особенностями, нетипичными для текстов предыдущих Тотальных диктантов. Тем, кто решил проверить свою орфографическую и пунктуационную грамотность, были предложены фрагменты не художественных и даже не философско-публицистических текстов, традиционно использующихся при написании контрольных диктантов. Тексты А. Усачева можно охарактеризовать как фрагменты детской энциклопедии, написанные с большой любовью и тонким юмором. Этим объясняется лексическая простота языка, метаязыковые толкования используемых терминов и классический набор орфограмм. Иную картину представляет пунктуация, хотя она, на первый взгляд, выглядит столь же простой и ясной. Пунктуационную сложность текста мы видим в возможности широкой пунктуационной интерпретации предложений, что обусловлено стилистико-синтаксическим своеобразием повествования, его ярко выраженным разговорным характером, с превалированием бессоюзной и сочи-

²² Этот древний-древний-древний мир. Часть 2. Вкратце об истории письменности. URL: <http://totaldict.ru/dictants/etot-drevniy-drevniy-drevniy-mir/> (дата обращения: 18.07.2016).

нительной связи, уточняющих и присоединительных конструкций, инверсий. Так, например, последнее предложение текста о почерке врачей, похожем на иероглифы, в зависимости от интонационно-смысловых акцентов может иметь разное пунктуационное оформление: (1) *Поэтому у некоторых из них до сих пор такой почерк, что пишут они вроде бы буквы, а выходят иероглифы;* (2) *Поэтому у некоторых из них до сих пор такой почерк, что пишут они вроде бы буквы – а выходят иероглифы;* (3) *Поэтому у некоторых из них до сих пор такой почерк, что пишут они вроде бы буквы, а выходят – иероглифы.*

Все это дает повод еще раз поговорить о проблеме пунктуационной вариативности, о выборе пунктуационного знака и его мотивации.

Традиционно изучение проблемы варьирования тесно связано с изучением проблемы отдельности, тождества слова, в связи с чем варьирование понимается как «видоизменение внешней стороны слова, не затрагивающей его внутренней стороны – лексического значения» [Рогожникова 1966: 9] и ограничивается прежде всего фонетическим и морфологическим уровнями [Шанский 1972; Горбачевич 1978].

В пунктуации, связанной с синтаксической системой языка, вариативность отсутствует. В качестве исключения обычно называется графическая вариативность скобок и кавычек [Языкознание 2000: 406]. В применении к пунктуационным знакам речь может идти только о функциональной синонимии. И это понятно, так как знаки препинания маркируют функционально-смысловые отношения внутри предложения и текста; замена знака свидетельствует о трансформациях разной степени. Это роднит пунктуацию с лексикой и словообразовательными аффиксами.

Однако в науке вариативность (вариантность) понимается и более широко, как «характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений» [Солнцев 1984: 31]. В таком случае варьирование характеризует все уровни языка; выделяются фонетические, морфологические, лексико-семантические, синтаксические варианты [Мальшева 1986]. И тогда в этот список могут быть включены и пунктуационные варианты.

По крайней мере, проверка диктантов, сопоставление знаков препинания, предлагаемых Экспертным советом Тотального диктанта в качестве «вариантов знаков» и «допустимых вариантов знаков» в тех или иных случаях, а также комментариев к ним свидетельствуют о широком понимании экспертами термина «вариант» и заставляют за-

думаться о неоднородности отношений между пунктуационными знаками-вариантами. В одних случаях можно говорить о синонимических пунктуационных заменах; в других случаях смена пунктуационного знака свидетельствует о более существенной трансформации смысла высказывания; в третьих случаях представляется возможным говорить о вариантном употреблении знаков. Рассмотрим данные случаи замен на примере первого предложения текста: *В те незапамятные времена, когда в междуречье Тигра и Евфрата пришли шумеры, они говорили на никому не понятном языке [: / , / –] ведь шумеры были первооткрывателями новых земель [Ø / , / –] и язык у них был [Ø₂ / ,₃] как у настоящих разведчиков [,_{2,3} / –₂ / :₂] тайный, зашифрованный²³.*

Постановка двоеточия или запятой в первом ряду возможных пунктуационных знаков ([: / , / –]) связана с частеречной интерпретацией слова *ведь* (частица / союз) и дифференциацией сложноподчиненного и бессоюзного сложного предложений с одним и тем же значением – причины. Следовательно, в данном случае можно говорить о синонимических отношениях между знаками. Тире же, используемое вместо эталонного двоеточия в бессоюзном сложном предложении со второй частью, выражающей причину того, о чем говорится в первой части, представляет его вариант, так как не связано с какими-либо дополнительными семантико-стилистическими нюансами. Об этом свидетельствуют и пояснения Экспертного совета с ссылкой на Полный академический справочник по русской орфографии и пунктуации [ПАС 2006]: «NB. В правилах допускается постановка тире в бессоюзном сложном предложении для выражения отношений причины [ПАС. Пунктуация. § 129 Примечание 2 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. Однако эталонным знаком в подобных случаях является все-таки двоеточие»²⁴. Аналогичный случай представлен в предложении *Больше всех писали врачи [: / –] они выписывали рецепты²⁵.*

Пунктуационное выделение или невыделение конструкции *как у настоящих разведчиков* не может интерпретироваться ни как синонимическое, ни как вариантное, так как оно маркирует грамматико-смысловые модификации одной из частей сложного предложения. Ср. в комментарии: *...и язык у них был как у настоящих разведчиков –*

²³ ТД 2016. Часть 2. Текст с вариантами: 1. URL: <http://totaldict.ru/dictants/etot-drevniy-drevniy-drevniy-mir/> (дата обращения: 18.07.2016).

²⁴ ТД 2016. Комментарии_Часть 2: 11. URL: <http://totaldict.ru/dictants/etot-drevniy-drevniy-drevniy-mir/> (дата обращения: 18.07.2016).

²⁵ Там же: 76.

*тайный, зашифрованный; ...и язык у них был, как у настоящих разведчиков, тайный, зашифрованный*²⁶.

Перечисленные типы отношений между допустимыми пунктуационными заменами обнаруживаются и в других предложениях. Особый интерес, на наш взгляд, представляют знаки препинания, которые можно охарактеризовать как вариантные. Большинство из них связано с экспансией в современном русском письменном языке тире, дублирующего отдельные функции других знаков. Приведем еще пример из текста, в котором тире допускается как вариант запятой: *А для того чтобы поддерживать чистоту [, / –] должно быть чисто...* Эталонным знаком в данном случае является запятая, отделяющая придаточное цели от главного предложения. Косвенным свидетельством вариантного характера тире является тот факт, что в первоначальном комментарии экспертов тире не предлагается²⁷, оно появляется в «Дополнениях и уточнениях к комментариям к тексту Тотального диктанта – 2016» как факультативное, не запрещаемое ПАС после придаточного в препозиции.

К вариантным следует отнести и написания в кавычках или без них слов *эллины* и *иероглифы* в предложении *Такие слова-рисунки древние греки (или эллины, как они себя именовали) впоследствии назвали иероглифами*.

Не менее интересной представляется еще одна проблема, связанная с пунктуацией анализируемого текста, – допустимость или недопустимость тех или иных знаков препинания в определенных позициях.

Неоднозначным вследствие полифункциональной мотивированности оказался выбор пунктуационных знаков во второй части сложного предложения ¹*Во время уроков в шумерской школе ученики деревянными палочками выдавливали клинья на глиняных табличках,* ²*и оттого все вокруг было измазано глиной – от пола и до потолка.* Так, кроме тире, в качестве допустимых называются запятая и отсутствие пунктуационного знака: (1) *и оттого все вокруг было измазано глиной, от пола и до потолка;* (2) *и оттого все вокруг было измазано глиной от пола и до потолка.* Двоеточие в данном случае определяется как ошибочное и недопустимое, так как обстоятельства *от пола до потолка* связываются с личным местоимением *всё*, которое, будучи подлежа-

²⁶ ТД 2016. Часть 2. Текст с вариантами: 1. URL: <http://totaldict.ru/dictants/etot-drevniy-drevniy-drevniy-mir/> (дата обращения: 18.07.2016).

²⁷ ТД 2016. Комментарии_Часть 2: 50. URL: <http://totaldict.ru/dictants/etot-drevniy-drevniy-drevniy-mir/> (дата обращения: 18.07.2016).

щим, не может быть для них обобщающим словом; иначе говоря, не выдерживается принцип однородности²⁸. Если квалифицировать грамматические формы *от пола до потолка* как однородные члены, то они, действительно, не соотносятся с местоимением *всё* в силу разных синтаксических функций. Однако вне поля зрения почему-то осталось обстоятельство обобщающего характера *вокруг*, выступающее контекстуальным гиперонимом к уточняющим обстоятельствам *от пола до потолка*, дистантное расположение которых обусловлено экспрессивным синтаксисом текста. Об однородности данных членов предложения свидетельствует возможность замены наречия *вокруг* сочетанием *от пола до потолка*: *и оттого все от пола и до потолка было измазано глиной*. Следовательно, двоеточие здесь вполне допустимо.

В большей степени формальным, нежели опирающимся на коммуникативные особенности текста, представляется нам запрет на возможную постановку тире между подлежащим и сказуемым в первой части сложного предложения *Мы люди работающие, ремесленники и мореплаватели, и нам не нужна изощренная каллиграфия, пусть у нас будет письменность попроще*. Выводы об ошибочности тире в данном случае опираются на правило: тире между подлежащим, выраженным личным местоимением, и именным сказуемым не ставится [ПАС 2006: § 15]. Однако в данном правиле есть «исключения», которые в справочниках по орфографии и пунктуации формулируются так: «тире возможно при противопоставлении» [ПАС 2000: § 15], «тире в этом случае ставится при противопоставлении или логическом подчеркивании сказуемого» [Розенталь 2002: § 5, п. 8]. Ключевым, как видим, является противопоставление, актуализирующее логическое подчеркивание сказуемого. Ср. примеры из указанных выше справочников: *Я – учитель, а ты – инженер; Ты – старый ребенок, теоретик, а я – молодой старик и практик...* (Чехов). Именно отсутствие подобного противопоставления как основания для постановки тире в анализируемом предложении акцентируется в комментариях к тексту Тотального диктанта 2016 г.: «в предложении из текста диктанта говорящий утверждает, что финикийцы – народ работающий, а не сопоставляет финикийцев с другими народами»²⁹. Действительно, классическое противопоставление с противительным союзом здесь отсутствует, однако специфика коммуникативного синтаксиса, представленного в тексте, лексико-грамматические особенности прямой речи, в состав которой вхо-

²⁸ ТД 2016. Комментарии_Часть 2: 43. Дополнения и уточнения к комментариям к тексту Тотального диктанта – 2016. Часть вторая.

²⁹ Дополнения и уточнения к комментариям к тексту Тотального диктанта – 2016. Часть вторая.

дит фраза *Мы люди работающие*, позволяют, на наш взгляд, актуализировать сопоставление финикийцев, как людей работающих, которым нужна была «письменность попроще», с другими древними народами, для которых письмо было «настоящим искусством». Приведем для наглядности анализируемое предложение целиком, а также начальную фразу прямой речи и предшествующее ей предложение, определяющие возможное логическое противопоставление, а следовательно, и постановку тире после подлежащего, выраженного личным местоимением: *Уроки письма по-древнеегипетски скорее напоминали уроки рисования, а выводить иероглифы было настоящим искусством.*

– Ну нет, – сказали финикийцы. – Мы [–] люди работающие, ремесленники и мореплаватели, и нам не нужна изощренная каллиграфия, пусть у нас будет письменность попроще.

В заключение наших рассуждений хочется остановиться еще на одном предложении, спектр предлагаемых вариантных знаков препинания в котором представляется слишком широким. Речь идет о двоеточии и допустимых в данной позиции пунктуационных знаках в предложении *А между тем народ в Месопотамии уже вовсю пользовался клиньями: [– / , / ;] юноши подбивали клинья под девушек (так они за ними ухаживали); мечи и ножи, выкованные из дамасской стали, имели клиновидную форму; даже журавли – и те летали клином.* Точка с запятой и запятая в указанной позиции не поддерживаются контекстом и даже противоречат ему (о чем свидетельствуют, как минимум, два лексико-грамматических структурных элемента *уже вовсю* и *даже ... и те*, маркирующие отношения пояснения между первой и остальными частями предложения), что подтверждает и комментарий экспертов к ним: «Возможна постановка запятой или точки с запятой, если отношения между первой и остальными частями конструкции интерпретируются как перечислительные [ПАС. Пунктуация. § 127, 128 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. Выбор запятой или точки с запятой указывает на то, что пишущий не распознал смыслы, которые вкладывает в это высказывание автор»³⁰. Закономерно возникает вопрос: следует ли в просветительском проекте такого масштаба делать уступку логике пишущего, если она однозначно неправильная? Нам представляется целесообразным в подобных случаях объяснять причины ошибочной постановки тех или иных пунктуационных знаков, что будет на пользу участникам Тотального диктанта и позволит не только проверять грамотность, но и

³⁰ ТД 2016. Комментарии_Часть 2: 22.

развивать внимательное отношение к тексту, к его коммуникативно-прагматическим и стилистическим нюансам.

Подытоживая сказанное, хочется добавить, что Тотальный диктант, может быть, не отражает общей картины орфографической и пунктуационной грамотности в стране, как утверждают некоторые, однако позволяет обратить внимание на актуальные проблемы пунктуации и тенденции пунктуационного оформления современного текста.

Список литературы

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. 238 с.

Мальшева И. А. Варьирование языковых средств как отражение становления нормы русского языка (на материале письменных памятников XVIII в. // Становление и развитие норм русского языка XVIII–XX в.: Межвуз. сб. научн. трудов / Под ред. Л. М. Городиловой. Хабаровск, 1986. С. 56–73.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М.: Просвещение, 1966. 160 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М., 2002. 350 с.

Солнцев В. М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 14–17.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1972. 327 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

S. V. Rusanova

Punctuation in the Total Dictation 2016: from Synonyms to Variations

The article studies individual punctuation patterns in the Total Dictation 2016 text. It addresses the issues of the systemic relationships of punctuation marks and of choosing a punctuation sign and the motivation behind that choice.

Keywords: dictation; punctuation; synonym; variation.

Н. Б. Кошкарева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный университет*

**ТУНДРОВЫЙ, ТУНДРЯНОЙ,
ТУНДРЕННЫЙ или *ТУНДРЕННЫЙ,
или О том, как Интернет способствует появлению
и закреплению исключений**

Рассматривается процесс закрепления периферийных исключений из орфографических правил на примере слов *тундровый*, *тундряной*, *тундренный* и **тундренный*, которое происходит благодаря доступности лексикографических источников через Интернет.

Ключевые слова: орфография; орфографическое правило; исключение.

Правило русской орфографии, регулирующее написание одного или двух *н* в именах прилагательных, образованных от существительных при помощи суффиксов *-енн- / -онн-*, с одной стороны, и *-ин- / -ан- / -ян-*, с другой, является сравнительно несложным, исключения *оловянный*, *деревянный*, *стеклянный*, *ветренный* хорошо затверживаются в школьном курсе русского языка, и ошибки встречаются редко. Однако в Полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина в число исключений добавлено еще одно слово – *тундренный*: «Различаются, с одной стороны, прилагательные *ветренный* и *тундренный* (*ветренная погода*, *ветренный человек*, *тундренная растительность* и т. п.), где как исключение в суффиксе пишется одно *н* (см. § 97, примечание), а с другой – прилагательные *ветряной* в значении ‘приводимый в действие силой ветра’ (*ветряная мельница*, *ветряной двигатель*), *ветряный* (только в названии болезни *ветряная оспа*, *ветрянка*), *тундряный* (только в названии птицы *тундряная куропатка*, *тундрянка*), где суффикс *-ян-*» [ПАС § 45, Примечание 2: 60]³¹.

³¹ Интересно отметить, что в электронной системе «Орфографическое комментирование русского словаря» (<http://ruslang-oross.ru/paragraph/14>) это исключение отсутствует.

Еще в 2012 г. поисковые программы не давали примеров употребления слова *тундреный*, предлагая замены на *тундровый* и *тундряной*. Однако ситуация стремительно меняется: в марте 2014 г. на запрос *тундреный* поисковые программы предлагали 2 940 результатов, *тундренный* – 4 820, *тундровый* – около 60 500, т. е. написание *тундренный* встречалось в 1,6 раза чаще, чем *тундреный*. В октябре 2016 г. поисковая программа Яндекс показывала соотношение в употреблении этих слов 13 тыс. к 10 тыс., т. е. разрыв сократился до 1,3 раза. Google фиксирует 912 употреблений слова *тундренный*, 1 170 *тундреный*, 73 800 *тундровый* и 6 780 *тундряной*, тем самым количество употреблений прилагательного *тундреный* с одним *н* неуклонно растет и за пять лет стало более частотным, чем соответствующее правилу *тундренный*.

Возможности Интернета закрепляют это искусственно созданное исключение и тиражируют ошибку, которая, вероятно, некогда была допущена при составлении «Словаря современного русского литературного языка»: в нем слово *тундреный* дается как заглавное в словарной статье, однако в примере, иллюстрирующем его употребление, приводится другое слово – *тундряный*: *Тундреный* – свойственный тундре, имеющий место, обитающий в тундре. *Тундр. озера*. Я застрелил несколько *тундряных* куропаток, они похожи на белых, но живут выше в горах, в каменистой тундре. Туров. К истокам Чулышмана; с иным написанием и произношением *тундряный*. Слов. Акад. Росс. 1 794 [БАС: 1132]³². Ср. также это слово в «Словаре русского языка»: *тундреный* – то же, что *тундровый* [МАС: 584].

Несмотря на то, что слово *тундреный* довольно давно зафиксировано в самых авторитетных лексикографических источниках, широкого распространения оно не получало, так как его написание отклоняется от логично сформулированного правила. Но с размещением словарей в Интернете количество упоминаний этого слова возросло многократно. Несмотря на то, что поисковые системы показывают большое количество результатов для этого слова, в основном это ссылки на одну и ту же словарную статью, которые тиражируются многократно и без изменений. В этом отношении количество ссылок не является показателем для определения частотности этого слова.

Представление о реальном употреблении того или иного слова может дать «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru),

³² Обратим внимание на то, что ссылка в примере дается на словарь 1794 г., который в настоящее время вряд ли может считаться образцом современного кодифицированного русского литературного языка.

в котором³³ не зафиксировано ни одного употребления слова *тундренный* в контекстах художественных или любых других произведений.

Слово *тундренный* зарегистрировано 7 раз. Однако все примеры его употребления однотипны (*тундренные и топкие места*) и отмечены в двух произведениях одного и того же автора первой половины XIX в.: *Низкие тундренные и топкие места занимают великое пространство земли в Западной и часть в Восточной Сибири, между 60 градусом северной широты и Ледовитым морем* [Г. С. Батеньков. Записка о заселении Сибири (1820–1822)].

В XX в. это слово в варианте *тундр=енн=ый* (с двумя *нн*, т. е. в полном соответствии с правилом образования имен прилагательных от существительных с помощью суффикса *-енн-*) закрепилось в термине, обозначающем один из диалектов юкагирского языка³⁴, – *язык тундренных юкагиров* или *тундренный диалект юкагирского языка*, т. е. язык юкагиров, проживающих в тундре, в противопоставление языку *лесных юкагиров*, проживающих в лесной зоне. Так называется этот диалект в классической работе по юкагирскому языку Е. А. Крейновича [1958], во многих лингвистических словарях и справочниках [Тихонов и др. 2014: 805–807]. В научной литературе на протяжении многих лет использовался только один вариант для наименования этого диалекта – *тундренный диалект*, однако в школьных изданиях последних лет стал закрепляться и вариант *тундреный*: Э. С. Атласова. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (тундренный диалект): Пособие для учащихся 5–9 классов. СПб, 2007; Э. С. Атласова. Толковый словарь юкагирского языка: (тундренный диалект): 1–4-е кл.: учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2009. Естественно, это происходит в соответствии с теми нормами и рекомендациями, которые предложены в Полном академическом справочнике и строго соблюдаются в учебной литературе для школьников.

Слово *тундряной* появилось в «Орфографическом словаре русского языка» между 1968 и 1986 гг., до этого было зарегистрировано только слово *тундровый*. Аналогично и в словаре Д. Н. Ушакова. В «Национальном корпусе русского языка» оно употребляется 16 раз: *Западник Симеон Полоцкий благоденствовал в стольном граде, «близ царя», а его знакомец и оппонент протопоп Аввакум, вождь староб-*

³³ По состоянию корпуса на конец 2016 г.: 109 028 документов, 22 209 999 предложений, 265 401 717 слов.

³⁴ Юкагирский язык – один из языков коренных малочисленных народов Сибири, находящийся на грани исчезновения. Ср., однако, аналогичное название одного из диалектов ненецкого языка – *тундровый диалект*.

рядчества, томился в земляной тюрьме в далеком Пустозерске на Печоре, «в месте тундряном и безлесном» [Александр Панченко. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // «Звезда», 2002]; *Урками начальник рыбного участка называл бригадников, волохающих на тундряных озерах немысленно тяжелую работу – пешнями долбят двухметровый лед, и, пока доберутся до воды, делают три уступа, майна скрывает человека с головой* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]; *Ни днем, ни ночью, ни по утренней заре, ни по вечерней, ни в обыден, ни мужик, ни колдун с колдуньей, ни баба, ни пожилой, ни старый, ни сама тундряная ведьма с тем словом моим, залятым, верным не совладают, не перемогнут его* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]; *Он-то ко всему привычный, лесной-тундряной, не женатый, холостой* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]; *Не уживаются вместе нынешние люди, тундряная блажь на их накатывает* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]; *Круглое тундряное озеро (чарус) с плачущими гагарами лежит в версте от Лайского дока, где мы жили* [Б. В. Шергин. Из дневников (1930–1960)].

В ПАС отмечено ударение *т'ундряный* (только в названии птицы *т'ундряная куропатка*) [ПАС 2007: 60]. Однако в профессиональной речи биологов возможно ударение на последнем слоге – *тундряная куропатка* (по аналогии с *ветряной – ветряная мельница, ветряной двигатель*). Слово *тундр=ян=ой* употребляется как составная часть терминов, обозначающих виды птиц, животных и растений, распространенных или обитающих в тундре: *тундряная куропатка, тундряная чечетка, тундряная бурозубка, тундряной лебедь, тундряной жаворонок, тундряной волк, тундряной олень, тундряной сланец, тундряная растительность* и др. Еще словаре В. Даля были отмечены такие словосочетания, как *тундряная глушь, тундряная область, тундряные кочевники*. Таким образом, данное прилагательное широко употребляется в профессиональной сфере и для прояснения ударения в данном терминологическом имени нужны консультации с биологами – специалистами в этой области.

Самым распространенным в серии этих однокоренных слов является, конечно, слово *тундровый*. В «Национальном корпусе русского языка» это слово отмечено 166 раз (*тундровая река, дорога, яранга, кочка, зона, равнина, растительность, трава, незабудка, поросль, ива, березка, пустота; тундровое озеро, болото, место, пространство, урочище, хозяйство, воспитание, любопытство; тундровый гнус, медведь, пожар, кустарник, мох, холм, житель, быт, обиход; тундровые почвы, пастища, цветы, районы, птицы* и др.).

В «Словаре синонимов» *тундр=ов=ый*, *тундр=енн=ый* и *тундр=ен=ый* даются как синонимы, но при этом для каждого из них характерна собственная зона сочетаемости: общеупотребительным в современном русском языке является прилагательное *тундровый*, слова *тундренный* (диалект) и *тундряной* (для обозначения животных и птиц, обитающих в тундре, а также растительности) закреплены в терминологической сфере. Слово *тундренный* фиксируется в источниках недавнего времени, вытесняя соответствующее правилам слово *тундренный*. Происходит процесс, нетипичный для исключений: слова-исключения типа *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный* выравниваются под общее правило, без специальной тренировки по аналогии с другими словами в них пишут одну букву *н*, что оценивается как безусловная орфографическая ошибка, тогда как «неправильное» слово *тундренный*, наоборот, с легкостью вытесняет легитимное *тундренный*, вероятно в силу ограниченной сферы употребления последнего – только по отношению к диалекту мало известного языка. Если слово встречается редко, легче запомнить исключение из правила, чем само это слово.

На протяжении длительного периода времени слово *тундренный* существовало лишь в академических словарях, но фактически не использовалось. Электронные версии словарей и Полный академический справочник сделали данное исключение запоминающимся. Компьютерные средства обработки текстов обеспечивают полный охват всех явлений, существующих в языке, в том числе делают видимыми единичные употребления того или иного слова, зафиксированные 200 лет назад, активизируют их. Но они не должны подменять собой кодификаторскую работу лингвистов, ответственных за включение или невключение тех или иных явлений в словари и справочники. Применительно к словам, рассматриваемым в данной статье, на наш взгляд, был допущен «кодификаторский субъективизм» (термин И. В. Нечаевой [Нечаева 2012]), и слово *тундренный* должно быть удалено из числа исключений и остаться лишь в истории русского языка, уступив место общеупотребительному *тундровый*.

Список литературы

- БАС* – Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. М., 1963. Т. 15.
- Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.: Л., 1958.
- МАС* – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1961. Т. IV.

Нечаева И. В. Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений // Язык и социальная действительность: научный журнал / Учредитель и издатель: ФГАОУ «Сибирский федеральный университет». № 1–2 (3–4). Красноярск, СФУ, 2012. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/nechaeva2012a.pdf>.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М: АСТ, 2007.

Тихонов А. Н., Хашимов Р. И., Журавлева Г. С., Лапыгин М. А., Ломов А. М., Рацибурская Л. В., Тихонова Е. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. 2-е издание, стереотипное / Под общей ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. II. М.: Флинта, 2014.

N. B. Koshkareva

The way the Internet facilitates the appearance and establishment of linguistic exceptions

The article discusses the process of establishing peripheral orthographical exceptions on the example of the words *тундровый*, *тундряной*, *тундренный* and **тундреный*. The phenomenon is due to the availability of lexicographical sources and the National corpus of the Russian language due to the availability of lexicographers through the Internet.

Keywords: orthography, rules of orthography, linguistic exceptions.

Е. В. Арутюнова¹, В. М. Пахомов²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва

²Справочно-информационный портал «Грамота.ру», Москва

**ПРАВИЛО ВОСТРЕБОВАН(Н)О, НО ОГРАНИЧЕН(Н)О.
К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ОДНОЙ И ДВУХ *Н*
В КРАТКИХ ФОРМАХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**

В статье подробно изложена история кодификации написания *н* и *nn* в кратких отглагольных прилагательных, проанализированы основания для выбора *н* или *nn* в кратких формах слов *ограниченный* и *востребованный* и практика их написания по данным Национального корпуса русского языка и результатам социолингвистического эксперимента. Сделан вывод о возможных путях эволюции правила, регулирующего написание *н* и *nn* в кратких формах прилагательных.

Ключевые слова: орфография; правописание; кодификация; норма; правила орфографии; история кодификации; краткие отглагольные прилагательные; краткие причастия; Тотальный диктант.

Написание *н* / *nn* в кратких формах прилагательных и причастий представляет собой одну из наиболее сложных орфографических проблем для всех пишущих по-русски. Разграничение кратких форм типа *взволнована* – *взволнованна* требует от пишущего «тонкого лингвистического анализа» [Обзор 1965: 173]. Нередко носителям русского языка не удается решить эту проблему самостоятельно, и они обращаются за помощью к лингвистам – сотрудникам справочных служб русского языка.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые сложные случаи из практики работы «Справочного бюро» портала «Грамота.ру».

Один из самых часто задаваемых вопросов, связанных с написанием *н* / *nn* в краткой форме, – это вопрос о количестве букв *н* в слове *ограничен?о* во фразе *количество товара ограничен?о*. Известно, что эта фраза весьма частотна в рекламных текстах, приглашающих потребителей принять участие в тех или иных акциях, распродажах и др.

Справочное бюро портала «Грамота.ру» неизменно отвечает, что в данном слове надо писать две буквы *н*, и такой ответ часто вызывает недоуменную реакцию посетителей портала. Например: «Почему на вашем сайте слово *ограничено* в контексте *количество товаров, при-*

нимающих участие в акции, ограничено рекомендуют писать с *nn* и называют кратким прилагательным? Ведь прилагательное образуется от существительного либо глагола несовершенного вида. Глагол *ограничить* же совершенного вида, значит от него можно образовать только причастие, а значит в данных контекстах слово *ограничено* – краткое причастие и пишется с *н*. Пожалуйста, дайте комментарий» (вопрос № 276867).

Не менее сложного случая касается другой вопрос: «Скажите, пожалуйста, *востребованный* – отглагольное прилагательное или причастие? Интересует количество *н* в краткой форме: *В текстильной промышленности эти решения весьма востребован(н)ы*».

История орфографической кодификации кратких форм страдательных причастий прошедшего времени и омонимичных им форм прилагательных связана с поиском критериев, разграничивающих употребление в этих формах одной и двух *н*. Я. К. Грот в «Спорных вопросах правописания от Петра Великого доньяне» еще не фиксирует правило, но уже отмечает тенденцию: написание *н / nn* в кратких формах причастий и отглагольных прилагательных позволяет дифференцировать эти формы. «Часто от той или другой формы зависит различие между причастиями и прилагательными; напр. не все равно, сказать ли: *понятие определено*, или: *понятие определенно*»³⁵ [Грот 2010: 225]. Далее же Гротом выявляется и один из критериев, позволяющих различать разные части речи и, как следствие, написания, а именно возможность (необходимость) присоединить к причастию дополнение, тогда как прилагательное, обладающее семантической полнотой, этого не требует. Я. К. Грот пишет: «...в первом случае (причастие) является вопрос: *чем?* во втором (прилаг.) смысл полон» [Грот 2010: 225].

Обращают внимание на орфографическое различие кратких причастий и кратких прилагательных К. И. Былинский и Н. Н. Никольский. Их «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» предупреждает: «Не следует смешивать правописание кратких прилагательных с правописанием кратких причастий, образованных соответственно от таких полных прилагательных и причастий, которые совпадают по написанию». Авторы приводят уже 6 подобных пар: *организована – организованна, взволновано – взволнованно, воспитана – воспитанна, рассеяны – рассеянны, ограничены – ограниченны, возвышены – возвышенны* [Былинский 1952: 29–30; Былинский, 1970: 32].

³⁵ В цитате сохранена пунктуация источника.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. четко проводится разграничение между краткими причастиями, которые пишутся с одной *н*, и краткими прилагательными, где необходимы две буквы *н*: «Двойное *н* пишется во множ. ч. и в женском и среднем роде ед. ч. кратких прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий прошедшего времени, в полной форме которых – двойное *н*, например: *группы дисциплинированны и организованны; девочка воспитанна и умна; они очень рассеянны*. Краткие же страдательные причастия пишутся с одним *н*, например: *сломан, сломана, сломано, сломаны; юноша воспитан комсомолом; девочка изнежена воспитанием; мы ограничены временем; ученики организованы в группу*» [Правила 1956: 31]. При этом не предлагается никаких критериев, помогающих пишущему понять, как отличить причастие от прилагательного.

В справочниках Д. Э. Розенталя, изданных после 1956 г., наряду с необходимостью дифференцировать краткие причастия и прилагательные с помощью *н* и *нн*, говорится (в примечании к основному правилу) о возможности написания в кратких прилагательных не только двух *н*, но и одной *н*: *глаза заплаканы, ножи заржавлены, платье поношено* (прилагательные пишутся с одной *н* «подобно причастиям, с которыми их сближает наличие приставки и значение вида»); *сестра намерена вскоре уехать, мы преданы Родине* (на написание с одной *н* влияет наличие дополнения) [Розенталь 1967: 68; Розенталь 1978: 55; Розенталь 1999: 62].

В полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина [2006] примечание Д. Э. Розенталя о возможности написания кратких прилагательных с одной *н* переводится в статус основного правила. Согласно рекомендациям справочника, краткие формы страдательных причастий прошедшего времени пишутся с одним *н* (*прочитано, помечены, накурено*), а вот краткие формы прилагательных могут иметь как одну *н*, так и две *н*. С двумя *н* пишутся «краткие формы (кроме формы мужского рода) прилагательных с качественным значением, совпадающих по форме со страдательными причастиями прошедшего времени глаголов»: *воспитанна, воспитанно, воспитанны* (от прилагательного *воспитанный* ‘обнаруживающий результаты хорошего воспитания’); *избалованна, избалованно, избалованны* (от прилагательного *избалованный* ‘привыкший к исполнению своих прихотей’); *возвышенна, возвышенно, возвышенны* (от прилагательного *возвышенный* ‘полный высокого содержания’). Такие прилагательные имеют формы сравнительной степени: *воспитаннее, избалованнее, возвышеннее*.

Если же прилагательные требуют зависимых слов и не имеют формы сравнительной степени, они пишутся в краткой форме с одной *н*: *привязанный к кому-либо* ‘испытывающий привязанность’ – *Она к нему очень привязана*; *исполненный чего-либо* ‘полный, проникнутый’ – *Душа исполнена печали*; *наслышанный о чем-либо* ‘хорошо осведомленный’ – *Мы наслышаны о его проделках*.

В справочнике отмечено, что «некоторые прилагательные имеют в разных значениях по-разному пишущиеся краткие формы. Ср. разное написание кратких форм слова *преданный*: *Она добра и преданна* и *Она предана делу*. В первом примере *преданный* – такое же прилагательное, как *воспитанный*, *избалованный*, *возвышенный*, у него есть сравнительная степень *преданнее*; во втором – такое же, как *привязанный*, *исполненный*, *наслышанный* (требует зависимых слов: *кому-, чему-либо*)». Кроме того, «краткие формы прилагательных, выражающих различные эмоциональные состояния, могут быть написаны с *н* или с *ни* в зависимости от передаваемых оттенков значения. Например: *Она взволнована* (она испытывает волнение) – *Ее речь взволнованна* (ее речь обнаруживает, выражает волнение). В первом случае возможно и написание *взволнованна* (которым подчеркивалось бы, что ее облик выражает волнение), а во втором случае написание *взволнована* невозможно (так как речь не может ‘испытывать волнение’)» [ПАС 2006: 92–93].

В трудных случаях для различения кратких форм справочник рекомендует обращаться к академическому «Русскому орфографическому словарю».

Можно предположить, что эволюция правила и кодификация написания кратких прилагательных с одной *н* основана на наблюдениях за практикой письма и выявлении многочисленных отступлений от зафиксированной «Правилами» 1956 г. орфографической нормы. Так, Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой было установлено, что «из 125 слов на букву *з*, отмеченных хоть в одном словаре как прилагательное, всего 40 слов хоть один словарь³⁶ рекомендует писать с *ни* (в РОСе таких слов всего 10)», а «по данным М. С. Картышевой, сохраняется абсолютное преобладание слов с одной *н* в кратких формах отглагольных прилагательных: приблизительно $\frac{3}{4}$ от всех прилагательных по данным словарей пишется с одной буквой *н* в кратких формах» [Бешенкова, Иванова 2016: 90–91].

Таким образом, в настоящее время дифференцирующая функция, отмеченная еще Я. К. Гротом, ослаблена: написание *н / ни* зависит не

³⁶ Авторы исследования использовали следующие словари: [Зализняк 1987; Сазонова 1989; 2002; Еськова 2014; Ефремова 2000; РОС 2012].

только от частеречной принадлежности слова, но и, в случае если речь идет о прилагательном, от лексико-грамматического разряда слова, наличия / отсутствия зависимых слов, а также от оттенков значения. Иными словами, для ответа на вопрос, с одной или двумя *n* следует писать сомнительное слово в краткой форме, в соответствии с современными правилами надо выполнить несколько далеко не самых простых операций: во-первых, определить, является ли оно причастием или прилагательным (ни в одном правиле критерии для различения этих частей речи не приводятся), во-вторых, если спорное слово является прилагательным, то требует ли оно зависимых слов и имеет ли сравнительную степень, а в некоторых случаях – в каком значении употребляется в тексте. Тем самым для нефилолога практическое применение этого правила крайне затруднительно.

Снять многие вопросы должно помочь обращение к орфографическим словарям, однако, по наблюдениям Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой, правилу не соответствует более 50 % зафиксированных в словарях написаний. Так, на основе анализа только части слов – слов, начинающихся на букву *з*, исследователями выявлено значительное число написаний с одной *n* в кратких формах: *забалованы, заболочены, забюрократизированы, завшивлены, загажены, загазованы, заговорены, загримированы, загроможжены, загрязнены, загущены, задавлены, задушены* (о крике, голосе), *задымлены, зажмурены, заимствованы, заинтересованы в чем-то, закисленны, закомплексованы, закопчены, закрепощены, закручены, закурчавлены, закустарены, закутаны, залапаны, заласканы, залатаны, зализаны, заложены* (носы), *замаслены, заморожены, замучены, занижены, запачканы, заплаканы, заплатаны, зарешечены, зарубцованы, засахарены, заснежены, засорены, застужены* и др. [Бешенкова, Иванова 2016: 90]. Более того, «сравнение кодификации словарей показало, что, во-первых, словари значительно расходятся в своих рекомендациях, а во-вторых, что не прослеживается ясного критерия, которым руководствуются составители словарей при выборе той или иной рекомендации». Попытка найти семантический критерий, который определял бы написание *n / nn* в прилагательных, начинающихся на букву *з*, не дала желаемого результата [Бешенкова, Иванова 2016: 91–92].

Для того чтобы предложить пишущим наиболее точный критерий выбора написания *n / nn*, отражающий действующие в языке тенденции, в «Правилах русской орфографии с комментариями» Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой предложена новая формулировка правила: «В кратких формах отлагольных прилагательных с обязательным зависимым словом пишется одно *n*. В остальных случаях на-

писание определяется по словарю. И с к л ю ч е н и я: *склонна к, воздержанна в*». Авторы отмечают, что круг слов, подпадающих под это правило, можно расширить, если ослабить требование и говорить не об обязательной валентности, а о факультативной: *влюблена* (в кого-что), *возмущена* (чем), *обрадована* (чем), *одарена* (чем), *растрогана* (чем), *раздосадована* (на что, чем), *удивлена* (чем, чему), *удовлетворена* (чем), *утомлена* (чем), *удручена* (чем)» [Бешенкова, Иванова 2012: 28–29].

Вернемся к примерам из вопросов пользователей «Справочного бюро» о кратких формах слов *ограниченный* и *востребованный*. Принципиальная разница между этими словами в том, что первое зафиксировано в толковых словарях русского языка как имя прилагательное, а второе нет.

Приведем словарные статьи, посвященные прилагательному *ограниченный*:

ОГРАНИЧЕННЫЙ. 1. Незначительный, небольшой; узкий. *Ограниченные средства. Ограниченные интересы.* 2. Имеющий небольшие познания, узкий кругозор, узкие интересы. *Ограниченный человек. Ограниченный ум* [ТСОШ].

ОГРАНИЧЕННЫЙ. 1. Небольшой, незначительный. *О-ые средства. Соль следует употреблять в ограниченном количестве. О. обзор. О. круг знакомых. Человек ограниченных способностей.* 2. С недостаточными знаниями, с узким кругозором. *Очень о. и самоуверенный человек. О-ые люди редко сомневаются в своих способностях.* < Ограниченно, нареч. Ограниченность, -и; ж. *Отличается ограниченностью. Его умственная о. очевидна. Самоуверенная о.* [БТС].

В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка при прилагательном *ограниченный* отсутствует помета, указывающая на то, что от прилагательного не образуется сравнительная степень. При этом дается ссылка на параграф, означающий, что существуют омонимичные прилагательное и причастие, различающиеся количеством *н* в кратких формах: *-н-* в кратких формах причастия, *-нн-* в кратких формах прилагательного.

Обращение к словарям позволяет сделать однозначный вывод, что прилагательное *ограниченный* имеет в кратких формах (кроме формы мужского рода) две *н*, а причастие *ограниченный* имеет в кратких формах одну *н*.

Во фразе *количество товара ограничено* слово *ограничено* не требует зависимых слов, его можно заменить другим прилагательным (*невелико, незначительно*), что согласуется с фиксацией в толковых

словарях. Это дает основания считать правильным написание рассматриваемого слова с двумя *н*.

Такая рекомендация подтверждается справочными пособиями [Розенталь 1978: 54; Розенталь 1999: 61; Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2010: 77] и «Русским орфографическим словарем» РАН.

В указанных справочниках в качестве иллюстрации к правилу приведен следующий пример: *Масштабы работ были **ограничены** (причастие: их ограничили) отпущенными средствами. – Его возможности **ограниченны** (прилагательное: малы).*

В «Русском орфографическом словаре» РАН указано, что выбор одной и двух *н* зависит от наличия или отсутствия дополнения:

ограниченный; *кр. ф. прич.* -ен, -ена; *кр. ф. прил.* -ен, -ена (*с доп.*: ее интересы ограничены домом и детьми) и -ен, -енна (*без доп.*: наши возможности ограничены; она самоуверенна и ограничена).

Данные Национального корпуса русского языка показывают, что пишущие используют возможность графически разграничить причастие и прилагательное *ограниченный*. Формы с двумя *н* не единичны, а довольно частотны (см. таблицу) и употребляются в основном правильно, хотя отступления от кодифицированной нормы встречаются.

Форма слова	Количество документов/вхождений	
	<i>н</i>	<i>нн</i>
ограниче?а	618 / 720	39 / 41
ограниче?о	630 / 736	56 / 56
ограниче?ы	803 / 933	114 / 120

Приведем корректные (соответствующие кодификации) примеры употребления краткой формы прилагательного *ограниченный* с двумя *н* из текстов разных лет:

*Возможности децентрализации доходов **ограниченны*** [Н. Зубаревич. Ржавые скрепы сверхцентрализации // «Эксперт», 2014]; *Арсений же знал, что возможности его **ограниченны**, и толпа знала о его знании, и знание толпы передавалось Арсению* [Е. Водолазкин. Лавр (2012)]; *Большинство из них – пенсионерки, многие стремятся подработать не для себя даже (потребности старушечьи **ограниченны**), а для детей, для внуков* [И. Грекова. Перелом (1987)]; *Все, с чем зоолог успел уже ознакомиться с помощью чудесного корабля за короткий срок работы, показало ему насколько **ограни-***

ченны, скудны, случайны сведения, которыми располагала до сих пор наука о море, его жизни и о жизни в нем [Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)]; Нет, автор, конечно, не врач, и знания его в этой сфере ограничены [М. Зошенко. Возвращенная молодость (1933)].

Не соответствуют кодификации следующие примеры употребления краткой формы прилагательного *ограниченный*:

Ты знаешь наши возможности. Теперь они довольно ограничены [А. Терехов. Каменный мост (1997–2008)]; С одной стороны, человеческие возможности ограничены, а с другой – еще не до конца использованы резервы, заложенные в методиках подготовки [Е. Гик, Е. Гупало. Самые быстрые // «Наука и жизнь», 2007]; Например: силы ученого ограничены, и невозможно совместить детальное, долговременное изучение организма с многочисленностью опытов [Е. Косилова. Чудаки, одиночки и научная мысль // «Знание – сила», 2006]; У технологии получения белка из бактерий, выращенных на нефтепродуктах, есть один существенный недостаток – естественные запасы питательной среды ограничены [В. Котелев. «Водородный» белок – соперник «нефтяного» // «Техника – молодежи», 1974]; Если верить существующим сведениям о ресурсах Земли, некоторые из них идут к быстрому концу: через 20 лет окончится вся нефть, через 19 вся медь, через 12 – ртуть, и многие другие близки к концу, очень ограничены энергетические ресурсы и пресная вода [А. Солженицын. Письмо вождям Советского Союза (1974)]; Поэтому долг ученых во всех областях как естественных, так и гуманитарных наук – организовывать общественное самосознание людей, чтобы они действовали сообща в решении экологических проблем на всем нашем земном шаре, размеры которого, как теперь стало ясно, весьма ограничены [П. Капица. Глобальные научные проблемы ближайшего будущего (1972)]; Мои знания очень ограничены. Что вас интересует? [И. Ефремов. Час быка (1968–1969)]; Мой поэтический дар и мастерство весьма ограничены... [И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 7 (1960–1965)]; Нельзя же допустить, что все люди настолько глупы, настолько ограничены, настолько злы, чтобы вкладывать в дело искусства всю свою «жизненную силу»... [Рид Грачев (Вите). Почему искусство не спасает мир (1950–1959)].

В пограничных случаях (когда слово может быть воспринято пишущим и как причастие, и как прилагательное) выбирается одна *n*:

Поскольку двигатели работают с уровня Земли, то, естественно, давление продуктов сгорания на срезе их сопел ограничено: оно не может быть намного меньше атмосферного [Б. Каторгин. Перспективы создания мощных жидкостных ракетных двигателей // «Вестник

РАН», 2004]; *Следует отметить, что и предложение страхования ВВВ ограничено* [Л. Орланюк-Малицкая. Страховые компании в корпоративном секторе экономики (2004) // «Финансы и кредит», 2004.11.22]; *В то же время надо признать, что мы сегодня не знаем, в какой степени ограничено наше знание о самих себе* [В. Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)].

В отличие от *ограниченный*, слово *востребованный* не зафиксировано как прилагательное в толковых словарях русского языка. «Русский орфографический словарь» дает указание, что в кратких формах этого слова пишется одна *н*:

востребованный; *кр. ф.* -ан, -ана

В соответствии со словарной рекомендацией спелл-чекер программы «Ворд» автоматически меняет в краткой форме этого слова два *н* на одно.

И тем не менее представляется, что есть существенная семантическая разница между *письма востребованы получателем* и *эти решения весьма востребованы*. В первом случае перед нами – несомненно, причастие от *востребовать* ‘(офиц.) потребовать выдачи чего-н. (предназначенного, посланного)’ [ТСОШ], тогда как во втором примере слово имеет другое значение – ‘решения своевременны и очень нужны’.

Однако данные Национального корпуса русского языка показывают, что рекомендации справочников соответствуют практике письма: в корпусе встречается лишь семь примеров употребления краткой формы с двумя *н* на несколько сотен примеров с одной (более точные данные см. в таблице).

Формы слова	Количество документов/вхождений	
	<i>н</i>	<i>нн</i>
востребова?а	186 / 193	1 / 1
востребова?о	84 / 86	2 / 2
востребова?ы	351 / 388	4 / 4

В некоторой части найденных примеров формы *востребована*, *востребовано*, *востребованы* являются причастиями, сохраняя глагольное значение, например:

...Чтобы та сумма, которая не будет востребована проигравшими у него лицами, была обращена в пользу колонии и приюта для малолетних преступников в окрестностях Петербурга [А. Кони.

Игорный дом Колемина (1908–1914)]; *Увы, премия академии по сей день не **востребована*** [Б. Рябинкин. Не правда ли, парадокс! // «Техника – молодежи», 1976].

При этом употребление слова в другом значении более частотно. Приведем несколько примеров:

*Другое дело, будут ли **востребованы** в своей стране эти молодые специалисты, повально получившие высшее образование, не придется ли им потом переоценивать свои жизненные установки?* [Ю. Флоринская, Т. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005]; *Как никогда, оказались **востребованы** последние достижения информационных технологий...* [Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004]; *Хорошие специалисты оказались **востребованы*** [В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002]; *Наверное, они [присущие женщинам черты характера] в авиации особенно **востребованы**. Какой бы мужественной ни была профессия летчика, они остаются женщинами.* [А. Дмитриев. Небесные ласточки // «Огонек», 2015]; *Иконопись – это ремесло, а не искусство. И оно очень **востребовано**. Воссоздаются храмы, многие богатые люди сегодня могут позволить заказать иконы себе лично, в свой дом* [Т. Харламова. Лики святых и их творцы (2001) // «Аргументы и факты», 2001.04.04]

Подобное употребление позволяет предположить, что перед нами новое прилагательное *востребованный* ‘нужный, своевременный’, не зафиксированное пока толковыми словарями русского языка. Первые примеры использования кратких форм слова *востребованный* в этом значении датированы в Национальном корпусе русского языка 1990-ми гг. Если согласиться с тем, что это имя прилагательное, то в краткой форме правило позволяет писать его с двумя буквами *н*: оно не требует зависимых слов; не кажется невозможной фраза *сегодня эти профессии гораздо востребованнее, чем несколько лет назад*, т. е. можно говорить о допустимости употребления этого слова в сравнительной степени.

Рекомендация писать *востребованна, востребованно, востребованны* соответствует правилу, но противоречит практике письма и словарным рекомендациям. Для ответа на вопрос, как воспринимают это слово носители языка, нами был проведен следующий эксперимент. 22.07.2016 участникам Форума стратегических инициатив, проходившего в Москве, было предложено принять участие в образовательной акции «Тотальный диктант», точнее в ее «демоверсии». Участники форума писали текст по рассказу Кира Булычева «Два вида телепорта-

ции». В завершение диктанта мы попросили участников написать фразу *Эти решения сегодня востребованы?*, заранее предупредив, что мы проводим лингвистический эксперимент и никакого влияния на оценку за диктант написание этой фразы не окажет.

Подсчет количества написаний спорного слова с одной и двумя буквами *н* мы проводили после того, как были проверены все работы участников диктанта и выставлены оценки. В результате оказалось, что чаще выбирали написание *востребованны* только участники, получившие неудовлетворительную оценку за диктант: такой вариант встретился в 11 из 17 работ (64,7 %). В то же время участники, получившие за диктант оценки «4» и «5», т. е. люди, в целом хорошо владеющие нормами русского письма, в подавляющем большинстве случаев выбирали написание *востребованы*: такой вариант встретился в 24 работах из 32 (75 %).

Этот результат соответствует кодификации в «Русском орфографическом словаре» и практике письма, но противоречит правилу, если считать слово *востребован(?)ы* кратким прилагательным. Если же и в указанном значении считать *востребован(?)ы* причастием, тогда практика письма, словарная кодификация и правила согласуются друг с другом, но остается непонятным, как пишущему (неспециалисту) отличить причастие от прилагательного и выбрать верное написание.

Таким образом, очевидна эволюция правила в сторону признания нормативным все большего числа написаний кратких прилагательных с одной *н* и поиска дополнительных критериев, влияющих на выбор такого варианта. Следовательно, вопрос о том, что считать нормой для данных написаний и что считать ошибкой, остается открытым. Исключением, пожалуй, можно считать (1) прилагательные с ударным суффиксом (т. е. слова на *-ённа, -о, -ы, -енна, -о, -ы, -анна, -о, -ы*), например: *заворожённы, закалённы* (дети), *закруглённы* (фразы, движения, формы), *заморённы, заострённы, заселённы, затаённы* (чувства), *затруднённы*; (2) несколько прилагательных, фиксация которых с двумя *н* в краткой форме в справочниках и учебниках имеет давнюю традицию: *взволнованный, возвышенный, воспитанный, запутанный, избалованный, обоснованный, ограниченный, озабоченный, оправданный, преданный, продуманный* и (3) некоторые другие прилагательные, которые и в словарях, и в речевой практике устойчиво пишутся с двумя *н*. При этом заметим, что краткие формы прилагательных из этого ряда иногда оказываются в таких контекстах, где возможна двоякая трактовка их частеречной принадлежности и / или значения. Видимо, в этих случаях следует признавать возможность двоякого написания (ср.

допустимые в [ПАС, 2006] варианты *Она взволнована* ‘она испытывает волнение’ и *Она взволнованна* ‘ее облик выражает волнение’).

Анализ написания слов *ограниченный* и *востребованный* в кратких формах, а также результаты исследований Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой показывают или по крайней мере дают основание предположить, что практика письма опережает даже эволюционирующее правило. В употреблении кратких форм слова *ограниченный* можно отметить следующие тенденции: а) противоречащее кодификации написание с одной *н* весьма частотно, б) в спорных случаях побеждает именно такой вариант, в) рекомендация лингвистов писать две *н* в соответствии с правилом вызывает недоуменную реакцию носителей языка. В тех же случаях, когда кодификации нет (если согласиться с тем, что *востребованный* в знач. ‘своевременный, нужный’ – прилагательное, не зафиксированное пока словарями русского языка), грамотные носители языка последовательно выбирают вариант с одной *н*.

Вероятно, до прояснения вопроса о норме в этой орфографической области, краткие формы прилагательных с безударным суффиксом (кроме исключений, указанных выше) нужно выводить из подсчета ошибок, признавая допустимыми оба варианта. Но неизбежно возникает вопрос: какова дальнейшая судьба правила написания *н / nn* в кратких прилагательных и причастиях? Еще большее увеличение числа факторов (если они будут найдены), влияющих на написание одной *н* в кратких прилагательных, затруднит применение и без того крайне непростого правила. Поэтому не исключено, что следующим шагом могло бы стать существенное изменение правила и перечисление критериев, влияющих на написание **не одной, а двух букв н** в кратких прилагательных. В этом случае написание *nn* в этих формах стало бы не основным правилом, а, наоборот, отступлением от общего правила, согласно которому в кратких формах прилагательных и причастий последовательно пишется одна *н*. Разумеется, данный вопрос требует дальнейшего исследования и обсуждения лингвистическим сообществом.

Список литературы

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями: Учебное пособие. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 187 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКРУС, 2016. 424 с.

Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 344 с.

Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 2-е изд., перераб. М.: Искусство, 1952. 312 с.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Под ред. Я. К. Грота. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 402 с.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII–XX вв.) / АН СССР; Ин-т рус. яз.; отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1965. 500 с.

Правила русской орфографии и пунктуации / Утвержд. АН СССР, Мин. высш. обр. СССР, Мин. просв. РСФСР. Изд. 2-е, стер. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 478 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 496 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 2-е изд., испр. М.: Айрис-пресс, 1999. 368 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Книга, 1978. 336 с.

Словари

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. Под ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2008.

Русский орфографический словарь РАН / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

ТСОШ – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ГЕМП, 2006.

Интернет-ресурсы

Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру». URL: <http://new.gramota.ru/>

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

E. V. Arutyunova, V. M. Pakhomov

**To the Problem of Opting for One or Two letters ‘H’
in Short Forms of Verbal Adjectives**

The article provides a detailed description of the history of codification of the rule regarding using one and two *h* in short forms of verbal adjectives. It analyzes the reasons for choosing *h* or *hh* in the short form of ‘ограниченный’ and ‘востребованный’ as well as the written practice on the data of the Russian National Corpus and the results of the provided sociolinguistic experiment. The article suggests possible ways the rules of spelling short forms of adjectives with *h* or *hh* may evolve.

Keywords: orthography; spelling; codification; norm; orthographic rules; codification history; short form of verbal adjectives; short form participles.

Е. О. Филинкова

Забайкальский государственный университет, Чита

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОПИСНЫХ БУКВ: ПРАВИЛА И ПРАКТИКА ПИСЬМА

Рассматривается использование прописных букв в тексте, их знаковый характер, описываются видоизменения написаний слов с использованием прописных букв в современных СМИ и в рекламе. Анализируются примеры использования прописных букв в текстах, устанавливаются причины появления новых, не регламентированных правилами приемов использования прописных букв.

Ключевые слова: орфография; прописная и строчная буква; функции прописной буквы; знаковый характер прописной буквы.

Одним из самых заметных орфографических средств современного письма являются прописные буквы, их правописание в своей основе относится к самым простым правилам, которые легко осваиваются читающими и пишущими.

Правила употребления прописных букв были и остаются традиционным и в достаточной степени разработанным разделом русской орфографии. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. правописание прописных букв излагалось в 18 параграфах (§§ 92–109). Современные «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», подготовленные Институтом русского языка им. В. В. Виноградова и Орфографической комиссией при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук, отводят правилам употребления прописных и строчных букв 47 параграфов (§§ 157–203) [ПАС 2007: 164–190]. Указанное пособие содержит общие сведения о прописных буквах, а также правила их употребления: написание собственных имен людей, животных, географических и административно-территориальных названий, названий исторических эпох, праздников, наград, органов власти и мн. др. В целом регламентация в данной сфере орфографии может считаться весьма подробной.

В указанном пособии названы две функции, в которых употребляется прописная буква: «во-первых, она служит для выделения начала определенных отрезков текста»; «во-вторых, ... служит для выделения отдельных слов независимо от строения текста» [ПАС 2007: 164–165].

С точки зрения семиотики, прописные буквы, выполняющие данные функции, имеют знаковый, иконический характер: «выступающие над строкой буквы делают слово более заметным для глаза» [Мечковская 2004: 152]. Таким образом, слова, написанные с прописной буквы, становятся более значимыми на фоне остальных слов, прописная буква подчеркивает их особое положение, и это осознается пишущими и читающими.

Однако практика письма показывает, что при наличии подробных правил орфографии, при осознаваемом носителями языка знаковым характере прописных букв, в области их использования наблюдаются различные новации и отклонения от стандарта. Причины их появления связаны, как правило, с экстралингвистическими факторами: появлением новых типов названий в различных сферах (официальной, религиозной, сфере рекламы), особенностями некоторых сфер применения письма (реклама, электронные и печатные СМИ), стремлением к особой выразительности печатного текста, современными полиграфическими возможностями и особенностями.

Помимо этого, в современных текстах рекламы и СМИ появляется еще одна особенность, связанная с рассматриваемым разделом орфографии: в некоторых случаях «отменяются» все функции прописных букв и их особая знаковость в письменном (печатном) тексте. Это те случаи, когда в тексте рекламы или в заголовках СМИ все используемые буквы одинаковы по размеру и начертанию, т. е. начало отрезков текста и отдельные слова не выделяются. Примеры: «ВЫ ПЕНСИОНЕР? / ДАДИМ ВАМ 12 %» (печатная реклама, 2016); «ТОСКУЕМ ПО СТАЛИНУ?» (заголовок, «Аргументы и факты» (далее – «АиФ»), 2016, № 3); «РАЙМОНДУ ПАУЛСУ – 80 ЛЕТ» (анонс на обложке, там же); «ЗАКАТ ЕВРОПЫ?» (заголовок, там же); «КАК КИТАЙ «ДЕРЖИТ» ДОЛЛАР?» (заголовок, там же); «ЮАНЬ ВКЛЮЧЕН В ПЯТЕРКУ РЕЗЕРВНЫХ ВАЛЮТ МВФ» (врезка в тексте, там же); «современная защита от ОРВИ И ГРИППА» («Комсомольская правда» (далее – «КП»), реклама, 2016); «ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ И КРИОЛОГИИ СО РАН» (вывеска, Чита, 2016); «купи 2 пачки – получи 500 руб.!» (реклама, АиФ, 2011).

Анализ подобных примеров показывает, что в указанных контекстах содержатся некоторые отрезки (фразы), это подчеркивается использованием знаков препинания, например в конце предложений. Однако начало данных отрезков текста не выделяется, используются только прописные или только строчные буквы. Далее, в приведенных примерах «отменяется» также функция выделения отдельных слов

(имен собственных и аббревиатур): «СТАЛИН», «РАЙМОНД ПАУЛС», «ЕВРОПА», «КИТАЙ», «МВФ», «ОРВИ», «СО РАН».

Причем такое использование прописных букв в печатных изданиях лишь вариант, он существует наряду с написанием, которое соответствует правилам. Ср.: «РАЙМОНДУ ПАУЛСУ – 80 ЛЕТ» и «Композитор Раймонд Паулс отметил 80-летний юбилей» (АиФ, 2016, № 3, с. 1 и 16); у статьи с заголовком «ЗАКАТ ЕВРОПЫ?» есть подзаголовок «Станет ли Старый свет исламским?» (АиФ, 2016, № 3, с. 6). Очевидно, рассмотренное использование прописных букв в печатных изданиях – полиграфический прием, поскольку оно наблюдается не в основном тексте, а в заголовках, во врезках в тексте, в названиях рубрик, однако это, безусловно, влияет на восприятие таких написаний, связанное со знаковым характером прописных букв.

Другой прием, также «отменяющий» функции прописных букв, можно наблюдать в рекламных текстах, где используется написание каждого слова с прописной буквы. Примеры: «Твой FOREX Теперь и в Чите» (щитовая реклама, Чита, 2016); «Ив Роше – Создатель Растительной Косметики», «Код Молодости. Омолаживающий Уход Против Морщин», «Содержит Кальций и Витамин Д для здорового роста». Можно предположить, что такое написание соответствует одной из функций прописных букв – выделяет важные для рекламы слова, однако это не так, поскольку выделенными оказываются все слова во фразе и, следовательно, ни одного. Кроме того, в данных примерах также разрушается знаковый характер прописной буквы, делающей заметным имя собственное. Можно предположить, что использование прописной буквы в начале каждого слова в предложении становится не орфографическим средством, а выразительным приемом письма, привлекающим внимание ко всей надписи в целом. Кроме того, в некоторых случаях такое написание связано со стремлением сохранить особенности оформления заголовков в английском письме (при переводе рекламных текстов) или с подражанием этим особенностям (при создании оригинальных текстов).

В современных текстах наблюдается также «подчеркнуто знаковое» использование прописной буквы: она появляется в начале тех слов, которым пишущий придает особо важное значение, хочет выделить в тексте. Примеры: «При поддержке Губернатора, Правительства и Министерства культуры Забайкальского края» (афиша, Чита, 2015); «ФГУП “Охрана” Министерства Внутренних Дел Российской Федерации по Забайкальскому краю» (вывеска, Чита, 2016); «Керамическая плитка Европейского качества» (реклама, Чита, 2014). В текстах печатных СМИ такое использование прописной буквы не отмечено.

Возможно, это связано с тем, что тексты печатных СМИ подвергаются корректорской и редакторской правке, тогда как тексты уличной рекламы, различных вывесок создаются в иных условиях, когда учитывается только их информативность и выразительность.

Кроме этого, в рекламе используется написание всего слова прописными буквами. Примеры: «На вопросы отвечает “ЭВАЛАР”» (АиФ, 2011); «АДЕНОМА? ПРОСТАТИТ? Проблемы с ПОТЕНЦИЕЙ?» (АиФ, 2016); «Volkswagen Jetta. Вкладывай в КОМФОРТ» («КП», 2016); «Многофункциональная стиральная машина ВЕКО с загрузкой 7 кг»; «Сверхэффективный КРЕМ-ЭКСПЕРТ черный жемчуг»; «Кофейня ГУРМЕ» (вывеска, Чита, 2016); «гостиница ЧИТА» (вывеска, Чита, 2016). Данный прием используется также для заметного выделения слова, акцентирования внимания на рекламируемом товаре, названии («Эвалар», «Веко», «Гурме», «Чита»), даже в ущерб правилам орфографии (так, не выделено собственное наименование «Черный жемчуг» в одном из примеров, отсутствуют кавычки).

Таким образом, некоторые примеры позволяют говорить либо о безразличном отношении к прописным и строчным буквам носителей языка, либо о придании им преувеличенно важного значения. Примеры того и другого в современном письме весьма многочисленны и заметны. Однако они показывают не изменения в орфографической практике, а своеобразные новации в данной области, которые связаны со стремлением пишущих к выразительности и эффективности создаваемых ими текстов. В то же время подобные примеры могут демонстрировать «расшатывание» семиотической системы письма, которая по определению является искусственной, основанной на «договоре» и закрытой. Как отмечается, такие системы «не могут незаметно, стихийно измениться в процессе функционирования» [Мечковская 2004: 203].

Итак, современная практика письма демонстрирует новые, не предусмотренные правилами орфографии приемы использования прописных букв. Рассмотренные примеры показывают, что основной причиной новаций в этой области является стремление придать рекламному сообщению (тексту) или газетному заголовку большую выразительность. Стоит отметить, что орфографическая норма предусматривает прописные буквы в особом стилистическом употреблении [ПАС 2007: 190], однако в рекламных текстах данная стилистическая функция прописных букв не только усиливается, но и воплощается в новых, необычных приемах, например в написании всего слова прописными буквами. Но вместе с тем они «размывают» представления носителей языка об использовании прописных и строчных букв.

Список литературы

Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

E. O. Filinkova

Capitalization: Rules and Writing Practice

The article discusses the use of upper case letters in text and their symbolic nature. It describes the spellings modifications (i.e. capitalizations) of words in modern mass media and in advertising. Textual examples containing capital letters are analyzed; the causes of the emergence of new unstructured rule for using upper case letters are determined.

Keywords: orthography, upper and lower case letter, upper case letter function, symbolic nature of upper case letters.

Т. Н. Пермякова

Новосибирский государственный технический университет

**СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В РАМКАХ ПРОЕКТА «РУССКИЙ ПО ПЯТНИЦАМ»**

Вопрос сохранения родного языка стал важным настолько, что люди больше не хотят оставаться в стороне от этой темы и активно посещают занятия по русскому языку в рамках проекта «Русский по пятницам». В статье представлен опыт проведения этих занятий, которые призваны подготовить слушателей к Тотальному диктанту и на которых в активной форме с помощью различных приемов актуализируются уже имеющиеся у слушателей знания орфографических и пунктуационных норм, вырабатываются навыки грамотного письма.

Ключевые слова: норма; орфограмма; пунктограмма; тематический диктант; педагогическая технология.

Хорошее знание родного языка и владение его нормами – это не только показатель общей культуры человека, но и залог его успешной карьеры. Именно поэтому акция по популяризации грамотности «Тотальный диктант», которую придумали студенты Новосибирского государственного университета, стала интересным делом, ее поддержали люди многих городов не только России, но и за ее пределами.

Радуется то, что русский язык и вопрос его сохранения стал важным настолько, что люди больше не хотят оставаться в стороне от этой темы. Подтверждением этому может послужить и тот факт, что занятия по русскому языку в рамках проекта «Русский по пятницам», направленные на подготовку к написанию Тотального диктанта, всегда востребованы слушателями, количество которых на площадке Новосибирского государственного технического университета превышает порой 200 (!) человек.

Эти занятия посещают не только студенты вузов и абитуриенты, мечтающие успешно сдать экзамены и поступить в то или иное учебное заведение, но и взрослые люди разного возраста и социального статуса.

С одной стороны, это большой плюс, а с другой – минус. Большой плюс в том, что у слушателей подобных курсов очень сильна мотива-

ция к обучению, поскольку грамотная письменная и устная речь – важный элемент имиджа современного человека. Минус же в том, что в основном это особая, специфическая аудитория, состоявшаяся личности с большим жизненным опытом, со сложившимися взглядами, определенными стереотипами мышления и поведения, под которые приходится порой очень аккуратно подстраиваться. То, как человек говорит и пишет на родном языке, не только отражает уровень его интеллекта, но и определяет, какое впечатление он производит на окружающих.

Проводимые нами занятия ставят целью не только усвоение теоретического материала по орфографии и пунктуации, но прежде всего приобретение участниками курсов (напомним, это в основном люди среднего и старшего поколения, которые давно закончили школу) практических навыков владения орфографическими нормами современной русской языка. К сожалению, школьной и даже вузовской подготовки часто оказывается недостаточно: приобретенные знания далеко не всегда активизируются в письменной речи. Тем более по прошествии некоторого времени взрослый человек обнаруживает, что помнит отдельные правила, но не обладает навыками грамотного письма.

Курс «Русский по пятницам» – небольшой по объему, поэтому перед преподавателем встает вопрос об отборе материала для занятий и – что еще более важно – целесообразных методах и формах обучения. Поскольку невозможно «объять необъятное», наше внимание на занятиях сосредоточено на тех орфограммах и пунктограммах, которые могут встретиться в диктанте и которые можно обозначить как «зоны риска», провокационные, «ошибкоопасные» места, например: правописание чередующихся гласных в корне слова, правописание *н* и *nn* в разных частях речи, знаки препинания в бессоюзном сложном предложении, тире в простом предложении и т. п.

И поскольку главное в курсе – это восполнение пробелов в знаниях, овладение орфографическими и пунктуационными нормами, формирование и закрепление навыков грамотного письма, кажется верным и, наверное, единственно возможным в максимально активной форме актуализировать уже имеющиеся у слушателей знания и перевести их в форму устойчивого навыка с помощью различных приемов, предлагаемых современными педагогическими технологиями (коллективная работа в малых группах, работа в парах и т. д.). Используя эти приемы, мы постарались придерживаться принципа *о сложном – просто, о скучном – интересно*, чтобы обеспечить возможность усвоения учеб-

ного материала и длительность его хранения в памяти. Таким образом, курс строится в активной форме.

На первом занятии проводится небольшой письменный опрос, результаты которого показывают, что, помимо «правильного написания слов» и «верной расстановки знаков препинания в предложениях», слушателям курсов важно «узнать, как правильно ставить ударение в словах» или «как правильно говорить» (из анкет слушателей курсов). Поэтому каждое занятие начинается с орфографических минуток, во время которых слушатели курсов не только самостоятельно выполняют упражнения, посвященные какой-либо одной орфограмме, но и осваивают орфоэпические нормы современного русского языка, происходит «знакомство» с нормативным произношением известных, казалось бы, слов, например: *новорожденный, квартал, ходатайствовать* и др. Очень часто времени на такие «пятиминутки» уходит гораздо больше, чем было запланировано, потому что слушатели – люди неравнодушные, интересующиеся – задают вопросы, ответы на которые мы часто ищем вместе, размышляя не только о «судьбах» некоторых слов, но и об уровне речевой культуры нашего общества. В любом случае, это хороший вызов не только для каждого конкретного занятия, но и для всего курса в целом: мотивация, целеполагание, интерес, актуализация предыдущих знаний, речемыслительная активность – практически все характеристики стадии вызова в той или иной степени можно наблюдать на каждом занятии.

Как уже было сказано, занятия проводятся с использованием разных приемов активного обучения. Так, например, на занятии, посвященном правописанию *н* и *nn* в разных частях речи, курсисты работают в малых группах, заполняя таблицу, в которой теоретический материал представлен следующим образом: в каждом разделе таблицы, соответствующем определенной части речи, приведены примеры, иллюстрирующие то или иное правило написания *н* и *nn*. Задача слушателей – самостоятельно сформулировать правило, опираясь на имеющиеся примеры и определив, с какой частью речи они «работают». В процессе занятия таким образом прорабатывается вся таблица, фрагмент которой представлен ниже.

Заметим, что, заполняя таблицу, слушатели пошагово осваивают алгоритм правописания *н* и *nn* в разных частях речи, отрабатывая его на каждом разделе. Кроме того, работая в малых группах, курсисты учатся слушать и слышать друг друга, критически оценивать получаемую информацию, что для взрослых людей также является важным умением.

	Н	НН
1	_____ <p>Дровяник, конопляник, нефтяник, песчаник, серебряник (мастер по серебру), сребреник (монета), гостиница.</p>	_____ <p>Гривенник, дружинник, малинник, рябинник, конница.</p>
2	_____ <p>Песчаный, гостиный, серебряный.</p> <p>_____ : стеклянный, оловянный, деревянный.</p>	_____ <p>а) Туманный, лимонный. б) Лекционный, естественный.</p>

Использование подобных приемов (анализ и синтез информации) помогает вызвать критическое отношение к догматическим формам познания, ведет к активному поиску, а значит – и к радости самостоятельного обретения нового знания.

На занятиях «Русский по пятницам» мы часто используем тексты, ориентированные на какую-нибудь одну орфограмму или пунктограмму. Такие тексты А. Г. Нарушевич предлагает именовать «тематическими диктантами» [Нарушевич 2000: 52–54]. По своей насыщенности словами с орфограммами они приближаются к словарным диктантам, положительно отличаясь от них связным содержанием. Незамысловатый, но забавный сюжет вкупе с высокой насыщенностью слов на то или иное правило орфографии не только вызывает улыбку, создает добрую атмосферу в аудитории, но и заставляет внимательно относиться к слову и к языку в целом. Удивление от существования большого количества слов на одно правило сменяется желанием слушателей курсов вспомнить как можно больше подобных слов. Приведем фрагмент такого текста, автором которого является Н. Г. Ткаченко:

Именинник

Именинник бешено вопил, иступленно размахивая над головой рваным башмаком, стащенным второях с ноги насмерть перепуганного соседа. Изумленные гости и родственники в первую минуту ошеломленно застыли, но потом под градом масляных вареников, пущенных в их сторону взбешенным именинником, вынужденно отступили к отворенным дверям. «Изменники! Подсунуть мне бесприданницу, за

которую никто гроша ломаного не давал!» – отчаянно визжал он, возмущенно скача на кованом сундуке, застеленном продранной клеенкой. «Она невоспитанна и необразованна, неслыханно глупа и невиданно уродлива, к тому же и вовсе без приданого», – кричал он, швыряя драный башимак в недавно купленный соломенный абажур лимонного цвета. Брошенная вслед за ним палка копченой колбасы угодила в стеклянную вазу, наполненную дистиллированной водой, и вместе с ней рухнула на коротко стриженную, крашенную под каштан голову обвиненной во всех грехах бесприданницы, с уязвленным видом жавшейся у двери <...> [Ткаченко 2011: 54].

Проверяются такие тексты в аудитории, здесь же они комментируются преподавателем, который объясняет каждое слово с орфограммой, обращая внимание на слова и синтаксические конструкции, на первый взгляд не имеющие отношения к изучаемому правилу, но значимые в его контексте. Так, например, в тексте на тему «*н* и *нн* в разных частях речи» важно обратить внимание на правописание гласных в формах страдательных причастий прошедшего времени, например: *выкачЕнный из гаража велосипед – выкачАнная из цистерны нефть, пристрелЯнное ружье – пристрелЕнный волк* и т. п.

Несомненным достоинством «тематических диктантов» можно считать и тот факт, что максимальное количество слов или предложений на определенное орфографическое или пунктуационное правило позволяет отработать это правило во всем его объеме. Следовательно, сложность тематических текстов, несмотря на некоторую искусственность их содержания, однотипность отражаемых каждым из таких текстов правил орфографии и пунктуации, служат эффективным средством отработки и закрепления отдельных правил. А форма работы – коллективная, дискуссионная, психологически раскованная – позволяет не только снять напряжение от учебы в группе с незнакомыми людьми, но и почувствовать то самое приращение знания, которое «добыто собственным трудом».

Таким образом, использование активного обучения в программе «Русский по пятницам» дает возможность более свободного общения как внутри коллектива, так и с преподавателем; помогает задать необходимые вопросы и получить на них ответы; позволяет слушателям наших курсов не только почувствовать уверенность в применении правил русской орфографии и пунктуации, но и поверить, что они не так сложны и неинтересны, как это казалось по школьным или институ-тским воспоминаниям об «уроках русского».

Закончить статью мне хочется цитатой из текста Дмитрия Быкова, который был написан им для Тотального диктанта 2011 г.: «Можно сымитировать ум, коммуникабельность, даже, пожалуй, интеллигентность. Невозможно сыграть только грамотность – утонченную форму вежливости, последний опознавательный знак смиренных и памятливых людей, чтущих законы языка как высшую форму законов природы»³⁷.

Список литературы

Нарушевич А. Г. «Тематический» диктант на уроках русского языка // Русская словесность. 2000. № 3. С. 52–54.

Ткаченко Н. Г. 300 диктантов для поступающих в вузы. М.: Айрис-пресс, 2011. 416 с.

T. N. Permyakova

Methods of Introducing Orthographic Norms in the Russian Language Classes of the “Russian on Fridays” Project

The problem of preserving a native language has become so important that people do not want to ignore the subject anymore and actively attend the Russian language classes of the “Russian on Fridays” project. The article describes the experience of teaching these classes that are aimed at providing training for the Total Dictation. The training process is based on methods which help the learners to enhance the knowledge of spelling and punctuation norms and to develop competence in writing.

Keywords: norm; spelling; rules of orthography; punctuation rules; thematic dictation; pedagogic technique.

³⁷ Быков Д. Орфография как закон природы // Тотальный диктант. URL: <http://totaldict.ru/dictants/> (дата обращения: 17.06.16).

Е. Н. Ищук

Тольяттинский государственный университет

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В статье показана эволюция представлений о составе пунктуационной системы и ее структуры, приведены классификации пунктуационных средств начиная с трудов М. В. Ломоносова и заканчивая современными теориями, авторы которых понимают пунктуацию широко и относят к ее средствам, помимо знаков препинания, различные параграфические элементы. Предложена классификация пунктуационных средств, являющаяся обобщением приведенных теорий и отражающая современные пунктуационные процессы.

Ключевые слова: знаки препинания; пунктуационные средства; небуквенные графические средства; структура пунктуации; классификация пунктуационных средств; ядро и периферия пунктуации; типографские средства; параграфемика; «компьютерные» значки; плоскостная синтагматика.

Наука о пунктуации – относительно молодая отрасль языкознания. В настоящее время она нуждается в кардинально новых подходах в изучении действующих процессов, требует новой терминологической базы, новых принципов классификации пунктуационных средств. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, пунктуация активно взаимодействует с другими областями знаний, например с параграфемикой и семиотикой. Во-вторых, в современную письменную речь, в том числе и художественную, хлынул большой поток символов из повседневного интернет-общения, которые порой выполняют функции знаков препинания и требуют определения своего положения в классификации пунктуационных средств наряду с традиционными знаками препинания. Все эти наблюдения заставили обратиться к истории изучения знаков препинания и пересмотреть действующие классификации пунктуационных средств.

Первая в истории изучения пунктуации классификация знаков была предложена М. В. Ломоносовым [Ломоносов 1755: 60–61]. В ее основе, как самый очевидный, лежит признак месторасположения, а также функция знаков. Знаки делятся на те, которые расположены внутри предложения, и те, которые ставятся в его конце. Особо выделены скобки как знак границы высказывания и дефис.

А. А. Барсов перечисляет три основные функции знаков: пояснение содержания, «перемена» голоса (интонация) и «отдохновение или удержание голоса» (цит. по: [Шапиро 1974: 19]), или паузы. Последнюю функцию, по мнению ученого, могут выполнять лишь некоторые знаки: запятая, точка с запятой, двоеточие, точка и тире (при запятой, по мнению автора, нужно «вымолчать» [Там же: 20] слово *один*, при точке с запятой – *один, два*, при двоеточии – досчитать до трех и так далее). Таким образом, была сделана попытка упорядочить знаки в форме градационного ряда.

Е. М. Филомафитский также расположил знаки в соответствии с определенной иерархией: самый меньший знак – тире, за ним следуют в порядке возрастания запятая, запятая с тире, точка с запятой, двоеточие, восклицательный и вопросительный знаки и точка. Каждый знак прикреплен к определенной части предложения. Исследователь также разделил знаки на постоянные (точка, вопросительный и восклицательный знаки) и заменяемые (все остальные) [Там же: 27–28]. Важным замечанием ученого стало выявление стилистической функции знаков препинания.

Идеи Е. М. Филомафитского нашли развитие в трудах И. И. Давыдова, который выдвинул следующую классификацию: знаки разделены на те, которые показывают отношения между предложениями (постоянные – точка и тире, заменяемые – двоеточие, точка с запятой и запятая), и те, которые отражают отношение говорящего к высказыванию (многоточие, вопросительный и восклицательный знаки). Деление на постоянные и заменяемые знаки основывается на прикрепленности знака к определенной части предложения. Скобки, кавычки, знак переноса, ударение и точки над буквой *ě* И. И. Давыдов считает не основными знаками, а вспомогательными [Там же: 31–34]. Таким образом начинает зарождаться представление о периферии системы пунктуации.

Ф. И. Буслаев в «Опыте исторической грамматики русского языка» [Буслаев 1858: 111–112] выделяет две группы знаков препинания по их функции: знаки, которые ставятся для ясности мысли, и знаки, которые выражают отношение лица к слушающему. К первой группе он относит запятую, точку с запятой, двоеточие, точку, ко второй – тире, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки. Скобки и кавычки у Ф. И. Буслаева – вспомогательные знаки [Там же: 116], находящиеся за пределами классификации.

В советский период утвердилась следующая традиция деления знаков препинания: знаки, связанные с членением предложения, стоящие в его середине, и знаки, связанные с членением текста, т. е. знаки

конца предложения. В каждой группе выделяются одиночные и парные знаки [Карапетян, Шварцкопф 1990: 406].

В классификации А. Б. Шапиро знаки делятся на основании их основных функций. К первой группе (отделяющие) относятся только одиночные знаки, ко второй (выделяющие) – только парные. Однако первая группа включает две подгруппы: знаки одиночные и повторяющиеся. Повторяющимися могут быть только запятая и точка с запятой, которые выполняют функцию разделения трех и более частей открытых синтаксических конструкций [Шапиро 1974: 70–72].

Аналогичная классификация знаков препинания представлена и в энциклопедии «Русский язык» (см. [Шварцкопф 1998: 139]). В ее основе лежит, как и у А. Б. Шапиро, противопоставление двух основных функций знаков препинания: разделения (или отделения) и выделения. В разделительной функции могут выступать и конечные знаки, и знаки середины предложения, однако знаки конца предложения не входят в состав выделительных.

Знаки препинания также могут делиться по признаку одиночности / парности [Там же]. Принцип деления знаков на группы в данной классификации отличается от принципа деления в предыдущей классификации, но знаки распределяются по группам аналогично. Парные запятые и парные тире впервые выделил А. Б. Шапиро в работе «Основы русской пунктуации» [Шапиро 1966: 76], а двойное многоточие – Б. С. Шварцкопф [Шварцкопф 1998: 139].

В основе другой классификации лежит деление знаков на формальные и смысловые [Шварцкопф 1998: 139–140]. Такое противопоставление обусловлено задачами синтаксического и смыслового членения текста / предложения. К формальным знакам относятся точка, запятая, точка с запятой, скобки, парные запятые и парные тире; к смысловым – вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, тире, двоеточие и кавычки.

В основе классификации пунктуационных знаков П. А. Леканта лежит синтаксический принцип, в соответствии с которым знаки пунктуации делятся на четыре группы:

- 1) знаки конца предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки);
- 2) знаки разделения частей предложения (запятая, тире, двоеточие и точка с запятой);
- 3) знаки, выделяющие отдельные слова или части предложения (скобки, кавычки, запятая, тире, сочетание запятой с тире);

4) многоточие (оно выделяется в отдельную группу, так как это смысловой знак, который может ставиться как в конце предложения, так и в его середине) [Современный русский язык 2001: 542–543].

Н. С. Валгина классифицирует знаки следующим образом: отдельные (точка, вопросительный и восклицательный знаки, точка с запятой, двоеточие, многоточие, абзац в значении «абзацный отступ») и выделительные (скобки и кавычки) [Валгина 2001: 393]. Запятая и тире выделяются в особую группу, так как они могут выполнять и ту, и другую функцию в зависимости от употребления (единичное или парное).

Л. М. Кольцова по признаку формального выражения знаков препинания представляет следующую классификацию:

1) парные знаки, состоящие из разных элементов: точка в конце предложения и прописная буква в начале предложения;

2) двойные знаки: скобки, кавычки, две запятые, два тире;

3) комплексные знаки, которые состоят из различных элементов, выполняющих одну и ту же функцию (например, запятая с тире);

4) комбинированные, составные – комплексы из знаков, имеющих разную функцию, но оказавшихся в одной и той же позиции;

5) диффузные знаки, возникающие при наложении дополнительных смыслов: прописная буква и другие выделительные средства [Кольцова 2007: 206].

В зависимости от роли знаков в тексте Л. М. Кольцова выделяет следующие функции: реляционно-референтная (функция связи элементов), интегрирующая (объединение разнородных текстов при помощи, например, кавычек в прямой речи), компрессионно-компенсирующая (или восполняющая – здесь выступают в основном двоеточие и многоточие), контрастивно-отождествительная (объединяюще-разделяющая роль тире и запятой с тире), аппликативная (при наложении дополнительной информации на основную употребляются, например, двойное тире или две запятые), экскламационная (ориентирующая на произношение) и дифференцирующая (или дистрибутивная – оформление пунктуационной периферией, различными шрифтовыми выделениями) [Там же: 207–210].

В лингвистической науке представлено также и другое основание классификации – деление знаков препинания по принципу ядра и периферии. А. А. Реформатский к ядру пунктуации относит собственно знаки препинания, а остальные средства (по поводу которых среди лингвистов однозначного мнения нет) относит к периферии – типографским средствам (абзац, звездочки, линейка – композиционно-пространственный подвид – и различные шрифтовые выделения).

Ученый включает в широкое понимание пунктуации средства для оформления сложных комплексов (прямая речь, рубрикация) [Карапетян, Шварцкопф 1990: 406].

Б. С. Шварцкопф дополняет эту классификацию и перераспределяет некоторые ее элементы. Среди типографских средств он выделяет следующие: композиционно-пространственные – это линейки (концевая и подстрочная), строка отточий, звездочка; выделительные – курсивный и полужирный шрифт; наборные – разрядка, дефисно-послоговое написание, сплошные прописные буквы; среди типографских средств Б. С. Шварцкопф называет и абзац. Он отмечает, что все типографские средства, кроме абзаца и линеек, носят факультативный характер. К периферии пунктуации, по его мнению, относятся также пунктуационно-орфографические комплексы: пунктуационные (одиночные и парные знаки препинания), орфографические (прописные и строчные написания), графические (абзац) – те средства, которые А. А. Реформатский связывает с оформлением прямой речи и рубрикации [Шварцкопф 1998: 401].

Несколько классификаций периферийной пунктуации приводится в диссертации И. Г. Меркуловой. Так, М. В. Арапов к «чистым» знакам препинания относит все значки, кроме букв, цифр и знаков, входящих в состав формул. Л. Г. Веденина отдельно классифицирует шрифты (по критериям рисунка, размера, цвета и пятна), а также к приемам графического оформления относит особое расположение текста на плоскости. Н. А. Шигаревская к «сопутствующим» средствам причисляет абзац, дефисное и сплошное прописное написание, курсив, звездочку, апостроф и рубрикацию. Н. Каташ к знакам «второго порядка» относит сплошные прописные, дефис, апостроф, пробелы, курсивное написание, подчеркивание и даже аббревиатуры. М. Арабьян «паратекстом» считает разнообразные шрифты, пробелы и заметки на полях. Ф. Ваной выделяет макро- и микропунктуацию: к макропунктуации относятся шрифтовые выделения и способ расположения строк (в том числе и на полях). Ж. Дрийон не определяет точного местоположения в классификации таких пунктуационных средств, как апостроф, абзац, дефис и курсивное написание, однако считает, что существует война между пунктуацией и типографией. И. Г. Меркулова резюмирует, что наиболее точными являются термины *ядро* и *периферия* пунктуации, так как они отражают и горизонтальные, и вертикальные отношения между элементами данной системы. Важен еще один вывод: средства периферии, независимые от центра, могут обладать особыми функциями [Меркулова 2001].

Т. А. Острикова основными небуквенными знаками считает знаки препинания и орфографические знаки дефиса, апострофа, знак ударения и косую черту. Правила употребления графических средств основаны на функциях правописания и технических функциях (издательские и библиографические предписания). Небуквенные средства употребляются, по наблюдениям Т. А. Остриковой, и как условные: в специальной литературе, например по математике или лингвистике. Так, запятая может употребляться при отделении целого числа от его дробной части (0,5), дефис – разграничивать морфемы в слове (*преддиплом-н-ый*), а точка – служить средством точечно-цифрового датирования (20.11.2007) или маркером при рубрикации. По мнению Т. А. Остриковой, следует также различать одиночную и двойную косую черту (в библиографии – это отсылка к источнику) и различные виды скобок (квадратные, треугольные, фигурные) [Острикова 2008].

Е. В. Дзякович затрагивает проблему места некоторых типографских средств в системе пунктуации (таких как абзац, знак параграфа, апостроф, звездочки, различные шрифтовые написания и отточия), т. е. графической организации текста при помощи невербальных средств, или параграфемике (метаграфемике). Часто термины параграфемика и метаграфемика выступают как синонимы. А. Б. Баранов и П. Б. Паршин выделяют три области метаграфемики: синграфемика (варьирование пунктуации), супраграфемика (шрифтовые варианты) и топографемика (разнообразная плоскостная синтагматика, т. е. расположение текста на странице). Таким образом, в приведенной классификации представлен широкий подход к параграфемике. И. Э. Ключанов параграфические элементы, не являющиеся знаками препинания, называет «паралингвистическими» знаками, функция которых – передавать коннотативные смыслы; они являются «графико-стилистическими приемами», так как направлены лишь на зрительное восприятие [Дзякович 1995: 36]. Особый статус имеют пунктуационные комплексы, состоящие из вопросительного или восклицательного знака в скобках, располагающиеся в середине предложения. Как считает И. Э. Ключанов, это элементы «околоязыкового характера», которые он называет «графическими междометиями» [Там же: 37].

Е. В. Дзякович приводит в своем диссертационном исследовании еще одну точку зрения – А. В. Терехина, который к сфере знаков препинания причисляет абзац, который, подобно пунктуационным знакам, членит текст. Однако Е. В. Дзякович отмечает отличие абзаца от знаков препинания: абзац в любой позиции играет соединительную роль [Там же: 36].

Н. Л. Шубина обращает внимание еще на один теоретический аспект, сформулированный И. Э. Клюкановой [Шубина 1999: 22–23]. По ее мнению, параграфемные средства бывают двух типов: графическое означающее, которое частично независимо от устной речи, и параграфемный экспонент, который абсолютно автономен от нее. Последний никак не соотносится со звучащей речью. Важно отметить, что к параграфемным средствам относят не только рисунки, графики, таблицы, но и цифры, так как они также являются небуквенными средствами, исходя из определения параграфематики. Отличие перечисленных графических средств от знаков препинания состоит в том, что последние представляют собой все-таки вспомогательную систему, а фотографии и рисунки могут существовать и самостоятельно. Однако имеются исключения. Известна самая короткая переписка в мире, которая принадлежит перу В. Гюго и издателю его романа «Отверженные»:

– ?

– ! (цит по: [Евграфова 2004: 237]).

Таким способом писатель поинтересовался судьбой своего романа и получил положительный ответ об успехе только что вышедшего литературного произведения.

Н. Л. Шубина при определении термина «пунктуация» ссылается также на выведенную Л. Г. Ведениной формулу «Пунктуация = Текстование – Орфография» [Шубина 1999: 30]. Пытаясь уточнить объем понятия, Н. Л. Шубина приходит к следующему решению: пунктуацию можно рассматривать как универсальный термин, параграфематику – как уникальный, так как эта наука касается частной лингвистики, а метаграфематику – как термин «концептуально-авторский» [Там же: 25], т. е. компромиссный, применяемый в конкретном исследовании.

И. Г. Меркулова на материале современной французской прозы выделяет знаки центра и периферии и рассматривает пунктуацию как семиотическую систему [Меркулова 2001]. К периферийным графическим средствам И. Г. Меркулова относит различные шрифтовые средства (курсив, полужирный, написание прописными буквами), наличие пробелов и особое расположение текста (иллюстрацией такого приема является «типографская поэзия» С. Малларме и Г. Аполлинера, в частности стихотворение «Дождь идет», строки которого располагаются в виде косых линий дождя). Этот список характеризуется открытостью, он может пополняться знаками, обладающими динамичными свойствами, так как периферийные области наиболее революционны и стремятся к усложнению, тогда как центр – к экономии. Перечисленные средства играют роль в наложении вербального и визуального, иллю-

стрируют существование видимого и читаемого – данные пласты не смешиваются, а полифонично дополняют друг друга. Результаты исследования позволяют И. Г. Меркуловой выделить во французской прозе второй половины XX в. (К. Барош, К. Симон, А. Сомон, М. Турнье, М. Уэльбек и др.) три группы текстов: тексты, где отображена «различная степень энонсиативной ответственности» (*énonciative* (фр.) ‘высказывание’), т. е. разная дистанция между субъектом говорения и его словами (курсивное написание увеличивает эту дистанцию); тексты, где возникают метадискурсы (с такими периферийными графическими средствами, как комментарии на полях); последний, третий тип – гипертекст-бумага, в котором необычно располагается текст, присутствуют пробелы, такие тексты характеризуются незаконченностью, как и гипертексты на экране. И. Г. Меркулова резюмирует: в современной литературе всё чаще сочетаются текст и картинка, всё большую роль играют периферийные средства пунктуации [Там же].

На основе сказанного выше мы предлагаем «ядерно-периферийную» классификацию пунктуационных средств, объединяющую различные существующие классификации. Ядерно-периферийная классификация наиболее удобна при широком понимании пунктуации как системы графических средств. В соответствии с нашей классификацией, ядро пунктуации составляют точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, тире и парные знаки – кавычки и скобки (по М. В. Арапову – «чистые» знаки), а также сочетания знаков препинания, прописанные в пунктуационных правилах. Ближний уровень периферии составляют различные типографские средства (здесь придерживаемся точки зрения Б. С. Шварцкопфа): шрифтовые выделения (курсив, полужирный шрифт, разрядка, подчеркивание), а также смена регистров, квадратные, треугольные и фигурные скобки; на стыке ядра, периферии первого уровня и области орфографии находятся абзац, дефисно-послоговое написание, прописная буква, сложные комплексы с прямой речью и рубрикация (средства, относимые к периферии пунктуации А. А. Реформатским и Б. С. Шварцкопфом). Такие типографские средства, как сноски, линейка, отточие, астеризм, различная длина отступа строки, заметки на полях, расположение текста в определенной форме и изображения, по смыслу связанные с текстом, т. е. графические средства на плоскости (относимые к периферии пунктуации Л. Г. Ведениной), мы размещаем на дальнем уровне периферии (по терминологии Е. В. Дзякович – это параграфические средства). Понятие типографских и композиционно-пространственных средств можно объединить в термине «макроуровень» пунктуации (по терми-

нологии Ф. Ваной), который противопоставлен «микроуровню» (ядру пунктуации).

Наряду с лингвистической и типографской группами знаков, функционирующими в современном письме, мы считаем необходимым выделить особую группу – «знаки клавиатуры» – и дифференцировать ее на пунктуационные и типографские знаки, а также выделить в особую подгруппу «компьютерные» значки («собака», слеш с наклоном в разные стороны и др.), которая составляет дальний уровень периферии нашей классификации. К подгруппе «компьютерных» значков мы относим знаки из различных областей, которые также могут выступать в роли пунктуационных средств в современных текстах: лингвистические знаки (ударение, апостроф, амперсанд и др.), математические (плюс, равно, параллельность, сумма, процент и др.), интернет-символы (слеш, «собака», вертикальная черта, решетка и др.) и т. д. К дальней периферии также можно отнести нетрадиционные сочетания знаков ядра системы. «Смайлики» (относимые к пунктуационным средствам М. Р. Нашхоевой [Нашхоева 2012: 20]) располагаются на границе дальнего уровня периферии и области семиотики, так как эти значки могут выполнять функцию пиктограмм и идеограмм.

«Знаки клавиатуры» выполняют следующие функции:

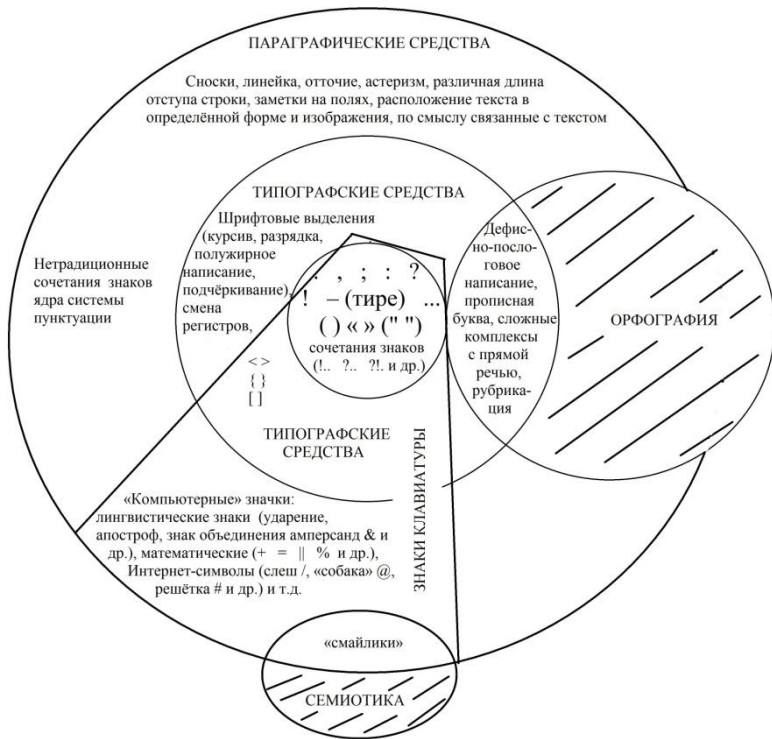
1) смысловые (выражение эмоционального состояния, обозначение связи между значениями разных слов, показ пути трансформации одного образа в другой) и функцию маркирования имплицитной информации;

2) синтаксические (обозначение границ синтагм, создание новых пунктуационных позиций между словами и внутри них, градация пауз по длительности путем увеличения количества слешей), в том числе композиционные (единственная на строке точка, делящая стихотворение на структурные части);

3) чисто стилистические (например, при употреблении круглых и квадратных скобок в одном контексте, препозиция вопросительного знака).

Графически представить классификацию пунктуационных средств можно в виде следующей схемы.

Классификация пунктуационных средств

Итак, в связи с расширением периферии пунктуации перед учеными остро встал вопрос о переструктурировании современной пунктуационной системы. Большинство современных исследователей придерживаются теории ядро-периферийной структуры, где ядро – собственно знаки препинания, а периферия – различные типографские средства. Но так как современный текст может бытовать как в письменном и печатном форматах, так и в виртуальном виде, а система пунктуации активно пополняется «знаками клавиатуры», мы предлагаем дополнить данную теорию и включить в периферию пласт «компьютерных значков». Периферию пунктуации составляют и элементы плоскостной синтагматики. Все эти изменения в пунктуационной системе параллельно нашли отражение в литературных текстах и существенно влияют на их пунктуационное оформление.

Список литературы

- Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М.: Университетская типография, 1858. 428 с.
- Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
- Дзякович Е. В.* Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приемы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 193 с.
- Евграфова С. М.* Принципы русской пунктуации // Языкознание: русский язык / Под ред. М. Аксеновой. М.: Аванта+, 2004. С. 232–240.
- Карпетян Г. К., Шварцкопф Б. С.* Пунктуация // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 406–407.
- Кольцова Л. М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2007. 377 с.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб.: Императорская академия наук, 1755. 213 с.
- Меркулова И. Г.* Периферийные знаки пунктуации в современной французской прозе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 167 с.
- Найхоева М. Р.* Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 29 с.
- Острикова Т. А.* Небуквенные графические знаки и их функции: лингвометодический аспект // Русский язык в школе. 2008. № 6. С. 34–38.
- Современный русский язык: учебник для вузов / Под ред. П. А. Леканта.* М.: Дрофа, 2001. 560 с.
- Шапиро А. Б.* Современный русский язык: пунктуация: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Просвещение, 1974. 287 с.
- Шапиро А. Б.* Современный русский язык: пунктуация: учебное пособие. М.: Просвещение, 1966. 296 с.
- Шварцкопф Б. С.* Знаки препинания. Пунктуация // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1998. С. 139–140, 400–401.
- Шубина Н. Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 455 с.

E. N. Ishchuk

To the Question of Modern Punctuation System's Structure

The article demonstrates the evolution of views on the elements of the punctuation system and its structure. It provides a classification of punctuation marks from a variety of sources: from the works of M. V. Lomonosov to modern theories, the authors of which have a broad understanding of punctuation and add various paragraph elements to the usual graphical marks. The author of this article also offers a classification of punctuation marks as a generalization of the given theories reflecting modern punctuation processes.

Keywords: punctuation; punctuation marks; non-alphabetical graphical marks; punctuation structure; the classification of punctuation marks; the core and periphery of punctuation; printing marks; paragraph elements; “computer” marks; planar syntagmatics.

С. В. Друговейко-Должанская

Санкт-Петербургский государственный университет

...И ТОЧКА!

**(О семантизации знаков препинания
в художественных текстах и фразеологии)**

Анализируются упоминания об основных пунктуационных знаках в художественных текстах и национальной фразеологии. Приведенный материал свидетельствует о том, что в сознании носителей языка пунктуационные символы отчетливо семантизированы и каждый из них наделен инвариантным значением.

Ключевые слова: знаки препинания; пунктуация; коммуникативный принцип пунктуации; семантизация.

Мало того, что вы знаки препинания правильно ставите... мало-с! Нужно сознательно ставить! Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего ее ставите... да-с! А это ваше бессознательное... рефлексорное правописание и гроша не стоит. Это машинное производство и больше ничего...

А. П. Чехов. Восклицательный знак

Итоги Тотального диктанта ясно показывают, что если в области орфографии лишь немногие правила неизвестны или не вполне ясны пишущим, то современная пунктуация в целом представляет для большинства фактически неразрешимую загадку: складывается впечатление, что многим носителям русского языка известен лишь один знак конца предложения – **точка** и лишь один знак середины предложения – **запятая**.

Между тем философ и культуролог Михаил Эпштейн в эссе «Дух буквы» весьма тонко замечает, что «в системе культурных рефлексов пунктуация едва ли не важнее орфографии» и потому «ошибки в ней менее прощательны»: «Буква – это материя письма, а пунктуация – его музыка. Если я путаю местами *e* и *и* в слове *винегрет*, то я совершаю преступление только против данного слова. Если же я не спосо-

бен выделить причастный оборот или поставить двоеточие после обобщения, я совершаю преступление против самого языка, против его вразумительного звучания, расчленяемого смысловыми паузами» [Эпштейн 2005: 265].

Думается, не будет слишком большой смелостью предположить, что корень проблемы неразличения функций знаков препинания отчасти кроется в методике школьного изучения пунктуационных правил, которая уделяет явно недостаточное внимание вопросу семантизации знаков.

«Традиционная концепция пунктуации более сосредоточена на разработке принципов системно-нормативной регламентации деятельности пишущего, сводящейся в первую очередь к правилам постановки знаков препинания», – отмечает Н. Д. Голев [Голев 2002: 147]. И, на наш взгляд, попытка объяснения пунктуационных правил с функционально-грамматической точки зрения на них всё более и более подтверждает свою несостоятельность. Неслучайно во второй половине XX столетия наряду с традиционными направлениями в оценке роли и принципов русской пунктуации (логическим, синтаксическим и интонационным) наметилось и коммуникативное понимание роли пунктуации – «возможность подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова / группы слов» [Карапетян, Шварцкопф 1990: 407]. Решению коммуникативной задачи подчинена и основная функция пунктуации – при помощи членения и графической организации письменного текста передать читающему смысл написанного таким, каким он задуман пишущим [Валгина 1979: 5].

Потому-то и можно утверждать, что «антропоцентрическая парадигма новейшей лингвистики допускает известную смену ракурса анализа», при котором объектом становится «свернутое» в пунктуационном знаке «эмоциональное состояние человека-говорящего» [Вардзелашвили 2009: 149].

Вопросам семантизации знаков письма в древнерусской и средневековой традиции посвящена обширная литература (см., например, [Мечковская 1985: 18]), однако современные тексты в этом отношении представляют для исследователей как будто бы куда меньший интерес (хотя есть несколько работ, непосредственно посвященных этой теме: [Шмелев 2006; Анна А. Зализняк 2007; Вардзелашвили 2009]).

И это тем более удивительно, что символический смысл знаков препинания, безусловно присутствующий в сознании носителей языка, в значительной мере явлен национальной фразеологией, не говоря уже о художественных и публицистических текстах. Не претендуя на пол-

ноту описания формально-грамматических функций знаков современной русской пунктуации, попробуем на основе анализа фразеологических речений, а также художественных и публицистических текстов отыскать своего рода инвариантное значение основных пунктуационных символов.

Точка, как сообщит нам любой справочник, обозначает полную законченность повествовательного предложения. Символическая суть этого определения – «полная законченность», т. е., образно говоря, финал, бесповоротная, непреклонная, неумолимая окончательность и определенность. Именно этот смысл обнаруживается у множества фразеологизмов, в составе которых имеется слово *точка*: *ставить точку (на чем)* ‘заканчивать что-либо, останавливаться на чем-либо’; *до точки* ‘досконально, в мельчайших подробностях, в совершенстве (знать, видеть и т. п.)’; *доходить [доводить, доиграться и т. д.] до точки* ‘доходить (доводить и т. д.) до безвыходного, отчаянного положения’. То же демонстрируют и художественные тексты: *Живем взахлеб, живем вовсю, / Не зная, где поставим точку* (Д. Самойлов)³⁸; *Все. Точка. / В просторечии – крышка* (Б. А. Слуцкий); *И глаза бы мои не глядели, как время мое / Через силу идет в коллективное небытие. / Обездолят вконец, раскулачат – и точка* (С. М. Гандлевский).

Недаром точка в конце текстовых сообщений всё реже встречается в интернет-коммуникации. По мнению американского лингвиста Джеффри Нюнберга, такая точка нагружена особым значением: она служит для читающего сигналом нежелания пишущего продолжать диалог – сообщает, что сказать ему больше нечего и потому длить разговор нет смысла (см. об этом: [Туркова 2016]).

Точка не только первый в истории письма знак препинания, но и главный, центральный символ пунктуационной системы – *точка отсчета, отправная точка, точка опоры* этой системы, та *точка зрения*, с которой носитель языка и оценивает все остальные пунктуационные знаки. **Точка** – своего рода нулевой знак пунктуационной системы (подробнее о нулевом знаке см.: [Шварцкопф 2004: 366]).

Символически противопоставлены точке в первую очередь те знаки препинания, которые маркируют конец предложения, – поскольку только она лишена какой бы то ни было экспрессии: «*Восклик*» – *командует, как часовой: «руки вверх!»*; *точка – знак спокойный, но бессмысленный, всего лишь дает паузу для вдоха-выдоха; многоточие – мнимомышление; ...а вот самый достойный знак в моем ощущении –*

³⁸ Здесь и далее в настоящей статье текстовые примеры отчасти почерпнуты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), а отчасти из собственной коллекции автора.

вопросительный (В. Аграновский). Неслучайно некоторые из обнаруженных нами контекстов демонстрируют исчерпывающий набор знаков (или их номинаций), которые возможны в такой позиции, причем заданную автором последовательность можно рассматривать как фигуру экспрессивного синтаксиса.

Так, в эссе Виктора Топорова «На допросе у вещего старца»³⁹ последовательность **восклицательный знак – вопросительный знак – многоточие – точка** складывается в фигуру антиградации – названия нагруженных эмоционально-экспрессивным содержанием знаков расположены по убыванию экспрессии (эмоция возмущения или восхищения сменяется «хотя бы» вопросом, переходя к «амбивалентности» и заканчиваясь «невзрачной, сиротливой взвешенностью или как бы взвешенностью»): *Трудно произнести такое – при всей очевидности, – еще труднее увенчать фразу не **восклицательным знаком** (возмущенным или восхищенным), не **вопросительным** («как он мог?») или хотя бы «неужели?»), не **пестрой**, как смешение рас, чередой вопросов и восклицаний и даже не амбивалентным в своей устремленности в будущее (которое, как известно, туманно) **многоточием**, а **невзрачной, сиротливой, взвешенной или по меньшей мере как бы взвешенной точкой**.*

Во фрагменте рассказа Татьяны Толстой «Милая Шура»: «*На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?*» – благодаря стилистически значимой последовательности **восклицательный знак – точка – многоточие – вопросительный знак** в конце назывных предложений (состоящих из слов, которые представляют собой замкнутую группу с общей семантикой ‘названия времен года’) не только задается ритм художественного текста, но и создается столь же замкнутая система знаков, внутри которой градуирована эмоционально-экспрессивная функция каждого из ее членов: от восторженности, выражаемой при помощи **восклицательного знака**, – через удовлетворенную завершенность, отмеченную **точкой**, – к недосказанности, символизируемой **многоточием**, – до недоумения, передаваемого **знаком вопроса**.

В статье Ирины Кравченко (*Есть что-то невероятно подкупающее в человеке, который в свои семьдесят четыре года чаще ставит **вопросительные знаки**, чем **восклицательные**, и **многоточия** вместо **точек***) попарно противопоставлены номинации **вопросительный знак / восклицательный знак** и **многоточие / точка**, и при таком противопоставлении выявляется общее значение двух первых и двух

³⁹ Топоров В. Л. Руки брадобрея. Избранная публицистика. СПб.: НОРД-ВЕСТ, 2003. С. 439.

вторых компонентов этих пар: если **вопросительный знак** и **многоточие** символизируют возможность продолжения и развития, то **восклицательный знак** и **точка** – решительную и бесповоротную законченность.

Из знаков середины предложения главный антагонист **точки** – **запятая**. С одной стороны, она, как и точка, не способна выражать какие-либо эмоции: *Он говорит удивительно гладко, не понижая и не повышая голоса. Говорит с безукоризненными запятыми. Знак восклицательный, знак вопроса и многоточие отсутствуют в его речи* (А. Мариенгоф). С другой же – **запятая** символизирует незаконченность, появление новых вариантов, их перечисление и перебор, и этот символический смысл запятой явлен в контекстах с условным значением ‘не точка, а запятая’: *Но ведь после ночи наступает утро. Значит, смерть – это не точка, а запятая* (В. Токарева); – *Бизнес должен принести деньги. – Бабло, и точка? – Запятая. Опасен всякий специалист, который работает только за деньги и кует только деньги* (Из интервью с бизнесменом); *Я к нему поднимусь в небо, / Я за ним упаду в пропасть, / Я за ним (извини, гордость), / Я за ним одним, я к нему одному. / Понимаю, что для вида я друзьям улыбаюсь – / Это не просто / Я поставила бы точку, но опять запятая – / Это серьезно* (И. Дубцова); *И вот пишу, и мечется рука / По запятыми полному листочку, / Но все же сил достаточно пока, / Чтоб не поставить там, где должно, точку, / Подобную / Могильному / Цветочку!* (Л. Н. Мартынов); *Обладминистрация считает, что это не точка, а лишь запятая в данном деле, и обещает обжаловать решение в Федеральном арбитражном суде Поволжского округа в Казани* (И. Воробьева); *И вот поставил точку, Труба трубит отбой, / А точка усмехнулась / И стала запятой* (Ю. Ким).

В «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [Фразеологический словарь... 2004: 420] толкуется устойчивое выражение *до последней запятой* ‘во всех подробностях, не упуская ничего’: *Что за дурная манера уточнять всё до последней запятой!* (Ю. О. Домбровский); *Они хотят, чтоб не упало / с телеги жизни прожитой / травинки даже самой малой, / последней даже запятой* (Я. В. Смеляков); *Поразительное богатство наблюдений – литературоведческих, персональных, сколько тонких, метких мыслей, по-новому раскрывающих строки, казалось бы, знакомые до последней запятой...* (Б. А. Кушнер). Однако ни в одном из известных нам фразеологических словарей не зафиксировано не менее употребительное **через запятую** – ‘на равных основаниях, без учета различий и внимания к значимым подробностям’: *Ахматовский «Рек-*

вием» запросто, **через запятую**, обсуждался вместе (и наравне) с романом Анатолия Злобина «Демонтаж» (Н. Иванова); Но даже **через запятую** в школьный стандарт не попали поэты, воспевавшие революцию: Тихонов, Багрицкий, Жаров, Светлов, Безыменский (И. Стрелкова); Ты исполнил миссию святую / По благоустройству бытия, – / За кумиром, **через запятую**, / Значится фамилия твоя (А. П. Межиров); Мы предлагаем весь материал давать пунктиром, как бы **через запятую**... (А. Владимирова); Необходимо иметь в виду, что в основополагающих работах Л. С. Выготского понятия «личность», «психическое развитие», «структура сознания» содержательно не были разведены, а иногда употреблялись как синонимы, **через запятую** (К. Н. Поливанова).

Таким образом, семантика знака **запятой**, явленная во фразеологических сочетаниях, оказывается амбивалентной и варьируется от ‘во всех подробностях’ до ‘без учета каких бы то ни было подробностей’, однако главный компонент этой семантики связан с непрерывным наличием в содержании высказывания деталей, ряда сопоставимых элементов, и потому (в противоположность семантике **точки**) – с потенциальной возможностью продолжения и развития сюжета.

Основываясь именно на этом свойстве **запятой**, Михаил Эпштейн предложил ввести в пунктуационную систему новый знак препинания – **многотые**, параллельный **многоточию**. Такой знак в виде трех запятых мог бы, по мнению ученого, использоваться для обозначения пропущенных при перечислении элементов высказывания и указывать на незавершенность или даже принципиальную незавершенность перечислительного ряда. Так, полагает М. Эпштейн, в примерах типа *Я мучусь, уговариваю, доказываю,, а ты ни слова в ответ!* **многотые** уместнее, чем **многоточие**. «**Многоточие** означает некую недоговоренность, невыразимый смысл позади слов. А **многотые** означает множество элементов перечисления, пропущенных для краткости, для скорости. Многоточие многозначительно, а **многотые** многопредметно. Оно указывает на ряд явлений, пропущенных в обзоре ради честного свидетельства о его неполноте. **Многотые** сигнализирует о пунктирном методе описания, о невидимых, неисчислимых “и”, пронизывающих текст. ,, выступает как замена другого, более громоздкого составного знака – повторяющегося соединительного союза: “и... и.... и...” “И мучусь..., и уговариваю..., и доказываю..., и...” Это за-икание было бы неуклюже, да и **многоточие** обманчиво отсылает в некую глубину, которая **многотыем** не предполагается» [Эпштейн 2006].

Семантика **точки с запятой** также формируется в противопоставлении семантике знака **точки** (в первую очередь) и знака **запятой** (во вторую). «Где **запятой** мало, а **точки** много, там надо **точку с запятой**», – простодушно формулирует герой чеховского рассказа «Восклицательный знак». Рискнем предположить, что **точка с запятой** столь редко используется пишущими не в последнюю очередь именно потому, что в этом знаке, с одной стороны, ощущается присущая **точке** символика завершенности (неслучайно в ряде контекстов упоминание о **точке с запятой** соседствует со словами, выражающими идею конца: *Того гляди, всё кончится бедой... / Но тут я ставлю **точку с запятой***; (М. Щербаков); – *Точка? / – Вывернулся ловко / Из-под крышки гробовой Теркин твой. – Лиха **концовка**. – **Точка** все же с **запятой**...* (А. Твардовский); с другой же – символика незаконченности, свойственная запятой: *Жизнь – только миг (и **точка с запятой**); / Жизнь – только миг; небытие – навеки. / Крутится во вселенной шар земной, / Живут и исчезают человеки. / Но суеце, рожденное во мгле, / Неустребимо на пути к рассвету. / Иные поколенья на Земле / Несут все дальше жизни эстафету* (Ю. Андропов).

В социальных сетях по хэштегу #ProjectSemicolon (**точка с запятой**) можно найти тысячи упоминаний о движении, в котором участвует множество людей, сделавших себе татуировку «точка с запятой». Участники этой кампании призывают окружающих поддержать тех, кто борется с депрессией, суицидальными расстройствами, зависимостями и желанием причинять себе вред. Девиз движения, указанный на сайте www.projectsemicolon.com, гласит: *A semicolon is used when an author could've ended a sentence but chose not to. You are the author and the sentence is your life* (Точка с запятой ставится, когда автор мог закончить предложение, но решил не делать этого. Автор – это вы, а предложение – это ваша жизнь). Иначе говоря, **точка с запятой** осознается как знак преодоления конца, еще мгновение назад казавшегося неотвратимым.

Кроме этого, **точка с запятой** связывается в сознании носителей языка с усложненностью высказывания (...*Вытесняются сложные предложения, что разрушает механизм нюансирующей оговорки. Не в первый раз поддаюсь искушению призвать всех на борьбу за **точку с запятой*** (С. Аверинцев); *Свободный синтаксис воспоминаний, / наплывы через **точку с запятой**...* (Г. Семенов)), а также манерностью способа изложения (*Забавно-обстоятельный слог, кропотливо вкрапленные наречия, страсть к **точке с запятой**, застревание мысли в предложении и неловкие попытки ее оттуда извлечь... – всё это так понравилось Федору Константиновичу, его так поразило и развесели-*

до допущение, что автор, с таким умственным и словесным стилем, мог как-либо повлиять на литературную судьбу России, что на другое же утро он выписал себе в государственной библиотеке полное собрание сочинений Чернышевского (В. В. Набоков); ...Остерман ... затеял длинную фразу, где родительные падежи громоздились бы горами сахару, а точки с запятой делали бы манерные паузы, – но я не дал его песне даже взлететь (К. Букша); Потом натолкнешься на «сатирические и философские сочинения господина Вольтера» и долго упиваешься милым и манерным слогом перевода: «Государь мой! Эразм сочинил в шестнадцатом столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, – точка с запятой); вы же приказываете мне превознести пред вами разум...» (И. Бунин)).

«Благодаря чему [...] мы можем различать графические знаки между собой или устанавливать их тождество? <...> Одинаковые зрительные впечатления вызывают одинаковые раздражения в коре головного мозга, подобные впечатления – подобные и раздражения, несхожие друг с другом впечатления вызывают также несхожие друг с другом и раздражения; а эти раздражения “проявляются” в сознании как переживания единства, подобия или контрастности» – такой тезис преподнес А. А. Реформатский своей работе «Техническая редакция книги» [Реформатский 1987: 141–142], посвященной теории информации. Исследуя вопросы пространственной организации знаков препинания, И. Е. Ким отмечает, что экспрессивность **тире** объясняется в том числе и протяженностью / мерностью этого знака, вследствие чего контексты, расположенные по левую и правую стороны от тире, оказываются визуально отдаленными друг от друга [Ким 2000: 100].

Тире как знак, основная характеристика которого – протяженность, длимость в пространстве и времени, метафоризируется в таком, например, контексте: *Экспериментаторы пожелали проверить, как скоро образ потерянного ребенка можно стереть из родительской памяти. То есть измерить длину тире в поговорке «с глаз долой – из сердца вон»* (Е. Чен). Неслучайно одна из основных функций **тире**, проявляющихся при упоминании об этом знаке в художественной речи, – значимое отсутствие. Так, в поэтических текстах **тире**, разделяющее даты рождения и смерти, нередко становится символом всей полноты человеческого существования: *Меж датами рожденья и кончины / <...> Стоит тире, стоит черта, / Стоит знак минус / И в этом знаке жизнь заключена...* (Э. Рязанов); *Тире, две даты – вот вся жизнь вкратце* (К. Симонов); *Вся жизнь с вопросами проклятыми, / Всё, всё поместится в тире, / Поставленное между датами...* (И. В. Елагин); *Я знаю – смерть придет, не разминуться с ней, / Две*

даты наберут под карточкой моей, / И краткое **тире**, что их соединит, / В какой-то миллиметр всю жизнь мою вместит (С. Ципачев).

Тире в первую очередь – умолчание, пропуск, брешь: *Эти пять дней я представляю себе на фоне всей моей жизни как длинное черное тире. Тире, и больше ничего. Сейчас я с большим трудом вспоминаю кое-какие подробности моей тогдашней деятельности* (А. Макаренко). Оно знаменует резкость перехода от сказанного к должностующему быть сказанным: *Весь поэт на одном тире / Держится...* (М. Цветаева).

Но, кроме этого, еще и приравнивание – и такое осмысление знака реализуется в связанном сочетании **через тире**: *Оркестр называется «Виртуозы Москвы», но **через тире** подразумевается – Владимир Спиваков (С. Спивакова); «Ее имя прочно связывают с вашим, ее и ваше имена пишут **через тире**», – подчеркнул он несколько раз (Н. Алексеева); У них и фамилии звучали будто **через тире**, одна без другой и смысла не имела. Шатрова – Вольский. Вольский – Шатрова (В. Колочкова); Объединять их **через тире** нелепо* (М. Барышев).

Двоеточие воспринимается как знак, разделяющий «общее» и «частное»: *Любимый знак препинания раннего Слуцкого – **двоеточие**. В «Зоопарке ночью» оно «разделяет» общее («И глухое сочувствие тихо во мне подымалось:») и частное («Величавость слонов, и печальная птичья малость, / И олень, и тюлень и любое другое зверье / Задевали и трогали / Сердце мое»). И так же в «Мосте нищих»: «И ко мне обращаются сразу <...> / Все: чернявые и белобрысы, / Даже рыжие, даже лысые...» А еще есть стихотворение, которое так и называется «После двоеточия» и в котором внутренние монологи, произносимые разными людьми «вечером после рабочего дня / По дороге в отдельные и коммунальные берлоги», предваряются словом «**двоеточие**» как заголовком (М. Копелиович). За ним последует либо перечисление (Дрозд начинает читать, мучительно растягивая свои яти: «По распоряджению начальника училища сегодня наряжены на бал, имеющий быть в Екатерининском женском институте, двадцать четыре юнкера, по шести от каждой роты. От четвертой роты поедут юнкера». Он делает небольшим молчанием **двоеточие**, совсем маленькое, всего в полторы секунды... (А. Куприн); – Кстати, что твоя любовь?.. – Я поставил уже точку... – Кажется, даже **двоеточие**? (Д. Мамин-Сибиряк)), либо разъяснение (Он тебя называет **двоеточием**, за которым последует неизвестно что, но – что-то оригинальное (М. Горький)).*

Все парные знаки препинания (двойная запятая (« , N , »), двойное тире (« – N – »), скобки и кавычки) в классификации А. А. Леонтьева

относятся к «включающим» [Леонтьев 2001]. Определим их инвариантное значение как способность ограничивать контекст, грамматически или семантически обособленный от основного высказывания.

Однако **кавычки** и **скобки** очевидно отличаются от прочих парных знаков препинания хотя бы тем, что их роль как семантического ограничителя явно превалирует над грамматической: *Земля луну замкнула в **скобки**, / А мы замкнем в **кавычки*** (В. Н. Маккавейский); *Мне вручено считать все крапинки вселенной, / ее погрешности с усмешкой отмечать / и к ней, зажатой в **скобки** и **кавычки**, / к ней подбирать ключи, подыскивать отмычки* (С. В. Петров). Как **скобки**, так и **кавычки** могут служить маркером комментария, создавая тем самым эффект диалогичности.

Так, в стихотворении Михаила Генделева и **скобки**, и **кавычки** семантизируются как знак иронии: *Ирония летает по ночам. / Сова ее, бессонная с заката, / при свете пристальном подслеповата – / сидит в дупле, но в полночный час / летит, добычица, и ищет нам добычу, / все видит, видит то, чего и нет, / и тушки теплые приносит на обед, / то в **скобках** клюва, то в когтях **кавычек***. (Заметим в **скобках**, что в этом тексте, как и в ряде других, проявляется метафоризация знаков препинания на основе их визуального сходства с иными предметами и субъектами. Ср.: **Знак вопросительный** – *состарившийся знак восклицательный* (М. Светлов); *...Рыжая бороденка, еще недавно столь победно проплывавшая над толпой, теперь намокла и скрутилась, как **вопросительный знак**...* (В. Аксенов); *...Брови задрались, как **запятые*** (В. Липатов) и т. п.)

А. П. Чехов в письме А. С. Лазареву (Грузинскому) аттестует **скобки** и **кавычки** как знак отстраненности говорящего от сказанного: *...В своих рассказах Вы боитесь дать волю своему темпераменту, боитесь порывов и ошибок... Вы излишне вылизываете и шлифуете, всё же, что кажется Вам смелым и резким, Вы спешите заключить в **скобки** и в **кавычки**... Ради создателя, бросьте и **скобки** и **кавычки**! <...> **Кавычки** употребляются двумя сортами писателей: робкими и бесталанными. Первые пугаются своей смелости и оригинальности, а вторые..., заключая какое-нибудь слово в **кавычки**, хотят этим сказать: гляди, читатель, какое оригинальное, смелое и новое слово я придумал!*

В лексикографических пособиях зафиксированы сочетания, содержащие номинации **кавычки** и **скобки**:

в кавычках ‘не в собственном смысле слова; иронически, презрительно (говорить о чем-либо)’: *Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в **кавычках**?* (А. Блок); *Один из признаков герман-*

ского шовинизма состоит в том, что «социалисты» – социалисты **в кавычках**, – говорят о независимости других народов кроме тех, которые узнены их собственной нацией. (В. И. Ленин); Термин «малые формы» (**в кавычках**), а главное интонация, с которой многие этот термин произносят, должны раз и навсегда исчезнуть из лексикона советского автора (А. Н. Толстой);

в скобках ‘между прочим, попутно, кстати (сказать, заметить, упомянуть и т. п.)’: И кстати я замечу **в скобках**, Что речь веду в моих строфах Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробах, Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир! (А. С. Пушкин); Вот почему, говоря **в скобках**, так хороши наши светские условия и приличия (Ф. М. Достоевский); Вообще, брат, скажу **в скобках**, гнетет меня судьба. В дугу гнет (А. П. Чехов).

Однако не менее употребительно не отмеченное словарями устойчивое выражение за скобками (*оставить*) ‘уменьшающая о чем-л., недостаточно важно в данном случае; не придавая значения чему-л.’: Мне легко *оставить за скобками* мою истинную цель приезда – Шуру (Г. Щербакова); Винодность принца здесь не очень прямая: все пакости за него творили другие. Кто, – разумеется, *оставлю за скобками* (А. Гусев); Но, *оставляя за скобками* (в черновых бумагах) мотивы языческой мифологии как материал понимания Пушкина, Достоевский в публичной речи строил о Пушкине миф христианский (С. Г. Бочаров); ...Нереальность происходящего *оставалась* как бы *за скобками* моего сознания; сам же вечер был вполне обычным... (В. Пелевин); В целом страна продемонстрировала консолидированную реакцию на убийство политика, а его спорное реноме *осталось за скобками* (П. Скоробогатый).

Таким образом, в сочетаниях **в скобках** и **за скобками** проявляется различное понимание говорящими функций этого знака: в первом случае **скобки** выключают из большого объема информации наименее важную ее часть, а во втором, напротив, включают наиболее важную. При этом остается неизменной способность **скобок** выделять в тексте какой-либо его фрагмент, так или иначе имеющий отдаленное отношение к основному сюжету высказывания.

Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что часть знаков пунктуационной системы русского языка «имея ...отношение к морфологии или расчленяемости писанной речи, подчеркивает главным образом семасиологическую сторону, указывая на настроение говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого» [Бодуэн де Куртенэ 1962: 238]. Можно полагать установленным, что отношение говорящего или пишущего к основным функциям зна-

ков препинания ясно проявляется при упоминании уже самих номинаций этих знаков в художественных текстах и национальной фразеологии, и материал, демонстрирующий подобную семантизацию символов пунктуации в сознании носителей языка, может быть использован в преподавании основ правописания.

Список литературы

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1962. Т. I. С. 238–239.

Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. Пособие для учителей. М., 1979. 125 с.

Вардзелашивили Ж. Семантизация знака. Многоточие как символика молчания // Славистика в Грузии. ТГУ. Вып. 10. Тб., 2009. С. 149.

Голев Н. Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России нач. XXI века. Т. 1. Кемерово, 2002. С. 146–159.

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007.

Карапетян Г. К., Шварцкопф Б. С. Пунктуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 407.

Ким И. Е. Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность: Доклады науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 2000. С. 95–104.

Леонтьев А. А. Функциональная классификация русских знаков препинания // Еженедельник «Русский язык» издательского дома «Первое сентября». 2001, № 07. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200100707> (дата обращения 18.07.2016).

Мечковская Н. Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв. // Уч. зап. Тартуского государственного университета / Тартус. гос. ун-т. Вып. 710: Slavica Tartuensia, 1: Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985. С. 15–54.

Реформатский А. А. Техническая редакция книги // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 141–142.

Туркова К. Свободная точка. URL: https://snob.ru/selected/entry/110386#comment_831624 (дата обращения: 18.07.2016).

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. А. Н. Тихонова / Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 420.

Шварцкопф Б. С. О пунктуационном нулевом знаке // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К 100-летию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004. 768 с.

Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М., 2006.

Эпштейн М. Н. Знак препинания многопятие // ДАР СЛОВА 161 (221). Проективный лексикон русского языка. 5 ноября 2006. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar161.html>.

Эпштейн М. Н. Из Америки. Екатеринбург, 2005. 544 с.

S. V. Drugoveyko-Dolzanskaya

...FULL STOP.

(the Semantization of Punctuation Marks in Literary Texts and Phraseology)

The article deals with an attempt to analyze the main punctuation marks in literary texts and Russian phraseology. The obtained material shows that to a native speaker all punctuation marks are distinctly semanticized and each of them has an invariant meaning.

Keywords: punctuation marks; communicative principle of punctuation; semantization.

Н. В. Кузнецова

Тюменский государственный университет

**«ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТОЧКИ»
КАК ЯВЛЕНИЕ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ**

В онлайн-коммуникации точка как знак конца предложения утрачивает традиционную функцию членения текста и приобретает новое значение. Многими участниками общения она воспринимается как сигнал недружелюбного отношения отправителя к получателю. Это явление впервые было отмечено три года назад в онлайн-коммуникации на английском языке. Сегодня оно наблюдается и в русском письме, о чем свидетельствуют факты языковой рефлексии и оценочные высказывания носителей русского языка. В статье рассматриваются предпосылки радикального переосмысления точки, которое представлено как часть процесса формирования особой системы знаков препинания, свойственной только онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: пунктуация; знаки конца предложения; точка; компьютерно-опосредованная коммуникация; онлайн-коммуникация; неформальное письмо.

Современные средства онлайн-коммуникации, предполагающие минимальный временной интервал между отправкой сообщения и ответом на него, послужили почвой для возникновения особой разновидности речи. Одна из ее особенностей заключается в том, что коммуниканты стихийно переосмыслили и наделили эмоциональным зарядом нейтральный до сих пор знак препинания – точку.

Такое переосмысление стало возможным потому, что в этой разновидности речи точка перестает употребляться в своей прямой функции – «членить письменный текст на значимые в грамматическом и смысловом отношении части» [Валгина 2004: 51]. Тенденция к пропуску знаков конца предложения, особенно точек, в онлайн-коммуникации отмечалась в исследованиях ранее, в частности в 2007 г. – на англоязычном материале SMS-сообщений и текстовых сообщений в мессенджерах [Baron 2007: 6], в 2011 г. – на русскоязычном материале чатов [Литневская 2011: 162]. В этих условиях, по выражению редактора интернет-портала TJournal, «точку заменила кнопка “Отправить”» [Лихачев 2015]. Если сообщение содержит несколько предложений, то каждое из них «отправляется по отдельности, в результате чего в чате

возникает несколько реплик одного и того же пользователя подряд, каждая без точки в конце:

<Salex> я посмотрел чё у него

<Salex> у него вся музыка безымянная

<Salex> наплодится такого мусора в сети» [Литневская 2011: 162]⁴⁰.

На плоскости экрана, как видим, точку заменяет появляющийся из-за нажатия пользователем кнопки «Отправить» разрыв строки (line break). Однако точка не исчезла из онлайн-коммуникации полностью, а приобрела новую функцию, которая до этого не была ей свойственна. Одним из первых текстов, где рассматривается факт переосмысления точки, следует считать, вероятно, статью Б. Крера на сайте New Republic [Crair 2013]. Автор отмечает, что современные подростки (в качестве примера упоминается 17-летний сын профессора Пенсильванского университета) воспринимают точку (period) не как знак законченности мысли, а как знак агрессии, раздражения собеседника. В конце 2015 г. была опубликована работа [Gunraj et al. 2016], целью которой стало обеспечить «интуицию Крера» эмпирическими данными. Авторы поставили эксперимент: 126 американским студентам предлагалось прочитать письменные диалоги на экране мобильного телефона, включающие утвердительные однословные реплики-реакции *Okay, Sure, Yeah, Yup*, в двух вариантах – с точкой и без точки после этих реплик – и оценить по семибальной шкале их искренность. Выяснилось, что реплики с точкой воспринимались как менее искренние: за вербально выраженным согла-

⁴⁰ Почему человек после каждого предложения нажимает кнопку «Отправить» вместо того, чтобы напечатать протяженный текст из нескольких предложений, каждое из которых оканчивается точкой, и отправить сообщение целиком? Вероятно, причин такого поведения много, но главной представляется следующая. Онлайн-коммуникация является в огромном большинстве случаев квазисинхронной: адресат не видит набираемый собеседником текст до тех пор, пока собеседник не нажмет «Отправить». Программы, в которых участник разговора сразу видит набираемый собеседником текст, существуют, но они непопулярны [Бердичевский 2014: 63]. При этом во многих программах для квазисинхронной коммуникации есть средства, приближающие ее к синхронной, – например, автоматически генерируемые служебные сообщения вида *Такой-то печатает вам сообщение*. «Тот, кто видит служебное сообщение, понимает, что он является (потенциальным) адресатом, но само печатаемое сообщение остается для него невидимым» [Бердичевский 2014: 67]. Вполне вероятно, отправка сообщения не единым текстом, а отдельными репликами обусловлена все тем же стремлением приблизить квазисинхронную коммуникацию к синхронной, стремлением участника общения показать, что он не выключился из процесса.

нием респонденты видели выраженное с помощью точки несогласие. Для сравнения тот же самый диалог – и тоже в двух вариантах, с точками и без точек после реплик-реакций, – был предложен участникам эксперимента в рукописном виде. В этом случае значимых расхождений в восприятии двух вариантов выявлено не было. Основные результаты исследования широко распространились по интернет-изданиям разных стран в заметках под заголовками типа «Точки делают сообщение неискренимым».

Об особой трактовке точки современной англоязычной молодежью (в возрасте 16–25 лет) упоминается и в исследовании Е. М. Мишиевой: «Следует также отметить, что постановка точки в конце предложения в рамках синхронной онлайн-коммуникации чаще всего воспринимается как то, что собеседник, поставивший ее, не в настроении, обижен или не хочет общаться и старается закончить разговор» [Мишиева 2015: 13]. В таком случае точка выступает как знак законченности – но законченности не предложения (или «мысли»), а «сеанса» коммуникации. Подобное отношение к точке зафиксировано и в недавних (2016 г.) статьях в популярных американских изданиях – «The Washington Post» [Guo 2016] и «The New York Times» [Bilefsky 2016]. В обоих случаях отмечается, что восприятие точки как средства выражения отрицательных эмоций собеседника свойственно только молодым людям и не свойственно их родителям, что влечет за собой непонимание между поколениями. Две упомянутые американские статьи, опубликованные почти одновременно, послужили информационным поводом для статьи уже в русскоязычном популярном издании «Сноб»: Ксения Туркова собрала мнения нескольких российских лингвистов о «проблеме точки» [Туркова 2016]. Высказывания лингвистов, а также комментарии – реакции на статью в социальных сетях свидетельствуют, что на материале русского языка стихийное переосмысление точки как знака препинания начинает осознаваться. При этом несомненно, что само явление в русскоязычной онлайн-коммуникации имеет место, ср., в частности, комментарии в социальных сетях, инициированные статьей Ксении Турковой (здесь и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация источника):

(1) Точка наводит на мысль об угрюмости того, кто пишет СМСку или коммент (Yuriy Dorman); (2) Я давно в комментах, смс-ках и ватсапе в конце предложения интуитивно ставлю смайлики. Точка мне кажется некой безапелляционностью, которая в речи (а всё это речь, а не текст) неуместна. Ставишь точку в конце коммента – как будто рубишь под корень все возражения угрюмым топором. Изрекаешь истину в последней инстанции, а я этого не люблю. Сразу хочется

сказать: сам дурак (Римма Осипенко); (3) Иногда, когда получаю сообщение с точкой, а не со смайликом на конце, не могу отделаться от ощущения, что собеседник недоволен (Екатерина Жукова).

Личный опыт изменения отношения к точке как знаку препинания описывает и автор колонки в TJournal:

(4) *Одна моя подруга имела привычку заканчивать предложения на закрывающие скобки «)»))» – но после продолжительного общения со мной от этого избавилась. Другую, вообще ничем не заканчивавшую предложения, удалось приучить ставить точки в конце. Всё было в порядке, но мне стало казаться, что тон общения с ее стороны сменился на холодный. (...) с тех пор я как-то поумерил свой пыл насчет точек. Ну правда: человек пишет, стараясь показать свою улыбку или хорошее настроение, а ты в ответ ему – холодный текст без эмоций [Лихачев 2015].*

Об актуальности явления в русскоязычной онлайн-коммуникации говорят и результаты интернет-опроса, проведенного в январе – феврале 2016 г. студенткой ТюмГУ К. Ивановой. Из 62 респондентов в возрасте от 12 до 30 лет 40% заявили, что не считают нужным ставить точку в конце сообщений в переписке с помощью мессенджеров; некоторые пояснили, что в этих случаях «точки никто не ставит». На вопрос, случались ли с ними ситуации, когда постановка или непостановка точки в конце сообщения приводила к разногласиям между собеседниками, половина опрошенных ответила утвердительно. Описание этих ситуаций весьма однотипно, в частности:

(5) *Возникали, почему-то считается, что точка в самом конце, в последней фразе означает злость, нервозность или обиденность (sic – Н.К.) пишущего;* (6) *Когда я ставлю точку, моя подруга часто обижается, думая что я с ней веду себя грубо;* (7) *Была. После того как сказала нетактичную вещь своему парню, он начал писать короткие сообщения с точками в конце. Ситуацию уладили просто: я извинилась:)*

Как и в комментариях к статье К. Турковой, в некоторых ответах противопоставляются точки и смайлы:

(8) *Просто привыкаешь в общении с некоторыми людьми получать сообщения со смайлами, и когда вместо них видишь обычную точку, кажется, что человек не в настроении или чем-то недоволен.*

Приведем также недавний диалог из практики коллеги-преподавателя (Преп.), переписывавшейся через мессенджер со студентами (Ст.) по учебным вопросам⁴¹:

⁴¹ Диалог предоставлен преподавателем кафедры русского языка ТюмГУ А. А. Сандуцей.

(9) Ст.: *Здравствуйте, Анастасия Анатольевна!* Я что-то не успеваю справиться с накопленными долгами, вы не могли бы обозначить крайний срок их сдачи?)

Ст.: *А то у меня там даже допуска нет*

Преп.: *Срок, как и обычно, до конца семестра, т. е. до конца декабря.*

Ст.: *Вы так грозно поставили точку в конце*

Ст.: *Теперь я волнуюсь перед завтрашней парой:)*

Реплика преподавателя носит исключительно информативный характер, не содержит вербальных показателей каких бы то ни было эмоций, однако воспринимается как «грозная» – судя по всему, только из-за точки. На развлекательных страницах в социальных сетях нередко можно увидеть скриншоты диалогов, в которых один из собеседников, сообщая другому некоторую информацию, завершает свое высказывание точкой, а другой собеседник считает заложенное в этом «пунктуационном жесте» послание, противоречащее вербальному ряду (см. рис. 1).

Рис. 1

Как видим, факты речевой практики и языковой рефлексии свидетельствуют о том, что в онлайн-коммуникации на русском языке точка становится средством выражения некоторой позиции пишущего по отношению к адресату: обиды, недовольства, злости.

Из всех знаков препинания, составляющих русскую пунктуационную систему, объектом радикального переосмысления стала только точка. Если говорить о других знаках конца предложения – вопросительном, восклицательном знаках и многоточии, то в целом их функции в онлайн-коммуникации не отличаются от функций в русской письменной речи как таковой: вопросительный и восклицательный знаки используются для указания цели высказывания и его эмоциональной окраски соответственно, многоточие – для указания на недоговоренность, подтекст либо для передачи прерывистого характера речи [ПАС 2006: 201–205]. Правда, в онлайн-коммуникации эти знаки могут употребляться своеобразно. Так, во многих случаях автор не ограничивается постановкой одиночного вопросительного или восклицательного знака, повторяя несколько раз один из этих знаков либо чередуя их – очевидно, количество повторений соответствует силе эмоции (восхищения, возмущения, недоумения и т. п.); ср. приводимые в исследовании примеры типа *ЕСТЬ!!!!!!!!!! ОНО РАБОТАЕТ!!!!!!!!!! Спасибо TransWall'у!! Респект!; больше не пойдет чтоль никто????????????????; ты чё!?!?!???* [Литневская 2011: 164–165]. Многоточие же часто предстает как последовательность не трех (по сложившейся норме) точек, а более: *Ну да, но..... Не знаю.....Но думаю.....возможно. Вай нот* [Литневская 2011: 123]; нередки, правда, и случаи, когда многоточие содержит всего две точки [Басалаева, Шпильман 2015: 254]⁴². Однако перечисленные особенности употребления не привели к радикальному переосмыслению этих знаков.

Предпосылкой изменений в употреблении точки является прежде всего ее изначальная нейтральность как знака конца предложения: точка сигнализирует только о том, что предложение закончено, тогда как многоточие, вопросительный и восклицательный знаки сигнализируют, помимо этого, о чем-то еще. Точка в функциональном отношении является знаком, рядоположенным запятой и точке с запятой: эти три знака служат для членения текста и «фиксируют паузы разной степени длительности» [Валгина 2004: 51]. В онлайн-коммуникации, как уже говорилось, для этого используется разрыв строки. Если пишущий хочет сигнализировать не только о том, что предложение закончено, но и о том, что оно имеет некоторую дополнительную цель, эмоциональную окраску, подтекст и т. д., он употребляет другие знаки конца

⁴² Многоточие в интернет-коммуникации (как квазисинхронной, так и асинхронной) оказалось знаком, чрезвычайно нагруженным семантически, и, как следствие, объектом интенсивной языковой рефлексии, чему посвящены специальные исследования [Сидорова 2005; Басалаева, Шпильман 2015].

предложения. Точка же, как знак, ничего не добавляющий к семантике разрыва строки, становится здесь избыточной.

Впрочем, задолго до появления онлайн-коммуникации в русском письме существовала пунктуационная норма, по которой точка не ставится в конце заголовка, состоящего из одного предложения⁴³. Другие же знаки конца предложения – вопросительный, восклицательный, многоточие – в этом случае употребляются [ПАС 2006: 202]. Прописанная в справочнике норма обусловлена, вероятно, тем же, что и пропуск точки в онлайн-коммуникации: для отделения заголовка от остального текста и указания на повествовательный характер высказывания вполне достаточно разрыва строки. Кроме того, точка противопоставлена вопросительному, восклицательному знакам и многоточию тем, что она не сочетается с другими знаками: «Сочетание знаков препинания передает взаимодействие целевой установки и эмоциональной окраски предложения: вопрос может сопровождаться негодованием, недоумением; сильное чувство может послужить причиной недоговоренности и т. п.» [ПАС 2006: 202]. Пишущий сочетает знаки, чтобы передать взаимодействие их значений; точка же и здесь предстает как нейтральный знак, не имеющий собственного значения на фоне других знаков конца предложения.

Но такая нейтральность точки не «запрещает» этому знаку семантизироваться в принципе. Точка несет в себе семантику полной законченности, что отразилось, в частности, в русских фразеологизмах *ставить точку* (на чем), *доходить* [*доводить*, *доиграться* и т. д.] *до точки* и некоторых других – о них подробно говорится в статье С. В. Друговейко-Должанской, опубликованной в настоящем сборнике. Ср. также определение точки как *full-stop signal* – «сигнала полной остановки» [Bilefsky 2016]. В онлайн-коммуникации, в условиях, когда точка освобождается от функции членения текста на предложения, семантика полной законченности выходит на первый план. Точка становится сигналом нежелания пишущего продолжать диалог. Конечно, само по себе такое нежелание, даже если пишущий действительно намеревался его выразить, вовсе не обязательно обусловлено недружелюбным отношением к адресату: причиной одностороннего «размыкания контакта» может быть, например, плохое самочувствие или усталость. Однако адресат, как показывают приведенные выше оценки точек как «злых», «грозных» и т. д., склонен относить это нежелание

⁴³ Правда, судя по всему, эта норма плохо усвоена широким кругом пишущих: участники Тотального диктанта в массовом порядке не следуют ей, чему способствует, в частности, распространенное в школьной практике требование ставить точку в заголовках наподобие «Классная работа».

на свой счет. Подобное восприятие, судя по всему, охватывает все большее число участников онлайн-коммуникации. Те, кто завершал предложения точкой исключительно из-за привычки следовать прочно усвоенному в школе правилу, теперь вынуждены корректировать свое поведение: «...ненамеренно вызвать у людей отторжение лишней поставленной точкой – этого лучше по возможности стараться избегать» [Лихачев 2015].

Переосмысление точки происходит только в онлайн-коммуникации и не распространяется на другие виды письменной речи. Люди способны «переключать коды» в зависимости от степени формальности ситуации при использовании как устной речи, так и письма [Collister 2016]. Поэтому говорить об «упадке точки» (как иногда пишут журналисты и авторы комментариев к статьям) нет оснований. Зато есть основания полагать, что происходит формирование специфической пунктуационной системы онлайн-коммуникации. В качестве знаков конца предложения в эту систему вошли:

- 1) вопросительный, восклицательный знаки, многоточие (их функции по сравнению с другими видами письменной речи не изменились);
- 2) точка (показатель недружелюбного отношения пишущего к адресату);
- 3) разрыв строки (показатель нейтрального отношения к адресату);
- 4) закрывающая скобка (показатель дружелюбного отношения к адресату);
- 5) открывающая скобка (показатель сожаления либо беспокойства пишущего).

Последние два из перечисленных знаков не имеют аналогов в традиционной системе пунктуации. Они символизируют улыбку (закрывающая скобка) и печальный изгиб рта (открывающая скобка). По своему происхождению это редуцированные смайлы, изначально состоявшие из трех элементов: двоеточия (изображающего глаза), дефиса (нос) и открывающей или закрывающей скобки (рот). Несколько лет назад в интернет-коммуникации широко распространились смайлы из двух элементов – двоеточия и скобки. Этот вариант используется и сейчас, что показывают пример (7) и последняя реплика в примере (9). Однако все более популярны смайлы, состоящие только из скобки – как в первой реплике в примере (9)⁴⁴. Такие одноэлементные знаки (для них в русском языке возникло слово *недосмайлики*) легко поддаются повторению в зависимости от силы эмоции (как вопросительный или восклицательный), чем охотно пользуются участники онлайн-

⁴⁴ Невозможно не вспомнить кэрроловского Чеширского Кота, постепенно растворяющегося в воздухе до тех пор, пока от него не остается одна улыбка.

коммуникации, ср. упоминание о знаке «)»))» в примере (4). Впрочем, повторяться может и скобка из «смайлика с глазами», в результате чего получаются знаки вроде «:))» или «:(((». Отметим, что те, кто употребляет приведенные знаки, едва ли пытаются изобразить в них лицо с несколькими расположенными один над другим ртами. Эти знаки, в отличие от «изначального» смайла, уже не являются в полной мере пиктограммами, а встраиваются в систему условных знаков конца предложения, наряду с теми, которые возникли до Интернета.

Особо следует сказать о разрыве строки. Он синонимичен «доинтернетовской» точке, что позволяет отнести его к знакам препинания. О включении в понятие «пунктуация» не только «внеалфавитных черточек внутри строки», но и других функционально сопоставимых с ними знаков говорится в статье А. А. Реформатского: «Под “пунктуацией” надо понимать все то, что в “графике” (опять кавычки, потому что пробел – тоже графика) идет поверх букв и особых иероглифов (§, №, % и т. п.). С этой точки зрения к пунктуации надо отнести не только “знаки препинания”, но и пробелы, абзацы, приемы расположения текста на плоскости (например, “красная строка”, “лесенки” Маяковского), а также и различные графические приемы шрифтовых выделений (курсив, жирный, сплошные прописные⁴⁵ и т. д.)» [Реформатский 1963: 214]. Н. С. Валгина включает в систему отделяющих знаков препинания абзац, понимаемый как «абзацный отступ перед красной строкой» [Валгина 2004: 73]. Это единственный автономный пунктуационный знак начала [Пеньковский, Шварцкопф 1979: 7]. Этот отступ маркирует первые строки смысловых блоков, на которые пишущий делит протяженный текст для лучшего восприятия его читающим. В реплицирующем режиме онлайн-коммуникации не возникает протяженного текста, поэтому абзацный отступ не нужен. Собеседники озабочены не началом строки, а завершением предложения или, что часто одно и то же, сообщения в целом.

Таким образом, совершающееся на наших глазах переосмысление точки в онлайн-коммуникации – часть процесса формирования системы знаков препинания, свойственной только этому типу письменного общения.

⁴⁵ В интернет-коммуникации – «капс» (текст, напечатанный с нажатой клавишей CapsLock), часто сочетающийся, как показывают наблюдения, с повторением восклицательного знака.

Список литературы

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.

Бердичевский А. С. Ты что-то печатала, я тебя перебил: игра со структурой диалога в квазисинхронной электронной коммуникации // Современный русский язык в интернете / Под ред. Я. Э. Ахапкиной, Е. В. Рахилиной. М., 2014. С. 61–82.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004.

Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы). М., 2011.

Лихачев Н. Злые точки // TJournal – новое медиа. 26 августа 2015. URL: <https://tjournal.ru/p/angry-fullstops> (дата обращения: 20.09.2016).

Мишинева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация / Под ред. Л. И. Скворцова. М., 1979. С. 5–25.

Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208–215.

Туркова К. Свободная точка // Международный проект «Сноб». 01.07.16. URL: https://snob.ru/selected/entry/110386_ (дата обращения: 15.08.2016).

Bilefsky D. Period. Full Stop. Point. Whatever It's Called, It's Going Out of Style // New York Times. JUNE 9, 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/06/10/world/europe/period-full-stop-point-whatever-its-called-millennials-arent-using-it.html> (дата обращения: 09.09.2016).

Collister L. Why does using a period in a text message make you sound insincere or angry? // The Conversation. July 19, 2016. URL: <https://theconversation.com/why-does-using-a-period-in-a-text-message-make-you-sound-insincere-or-angry-61792> (дата обращения: 09.09.2016).

Crair B. The Period Is Pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? // New Republic. November 25, 2013. URL: <https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger> (дата обращения: 10.09.2016).

Gunraj D. N., Drumm-Hewitt A. M., Dashow E. M., Upadhyay S. S. N., Klin C. M. Texting Insincerely: The Role of the Period in Text Messaging // *Computers in Human Behavior*, 55. P. 1067–1075.

Guo J. Stop. Using. Periods. Period. Seriously. Stop it // *Washington Post*. Jun 13, 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/06/13/stop-using-periods-period-2/> (дата обращения: 09.09.2016).

Ling R., Baron N. S. Text messaging and IM: linguistic comparison of American college data. *Journal of Language and Social Psychology*, 26, 291-298. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0261927X06303480> (дата обращения: 10.09.2016).

N. V. Kuznetsova

**“The reinterpretation of the Period”
as a Phenomenon of Online Communication**

Specific to online communication, the period as an end mark is losing its traditional function of dividing text as it is acquiring a new meaning. Many participants of communication now perceive it as a sign of the sender’s unfriendly attitude towards them. For the first time, this phenomenon has been reported three years ago in English texting. Now, it appears in Russian online communication as well, according to the facts of linguistic self-reflection and evaluative statements of Russian native speakers. This study examines the reasons for such a radical reinterpretation of the period. The change is represented as a part of building of a special punctuation system appropriate only for online communication.

Keywords: punctuation; sentence-final marks; sentence-final period; computer-mediated communication; online communication; informal writing.

Т. И. Белица¹, Е. В. Рублева²

¹*Новосибирский государственный университет*

²*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва*

**УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К TruD'y:
РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ЗАДАНИЙ, ОСНОВАННЫЕ НА ТЕКСТЕ
ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА**

Статья посвящена принципам составления теста для иностранцев TruD, впервые созданного на базе текста Тотального диктанта 2016 г. Методологической базой заданий являются принципы, лежащие в основе распределительного теста, который учитывает лингводидактические требования к уровням владения русским языком как иностранным. TruD является частью просветительской акции и рассчитан на лиц, владеющих русским языком в широком диапазоне от уровня А1 до уровней С1- С1+. В статье содержится описание всех заданий теста, сопровождающееся лингвометодическим комментарием.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; тестирование; адаптация; уровневый подход; Тотальный диктант.

Популярность Тотального диктанта (далее ТД), международной акции по повышению грамотности, придуманной студентами Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, за 13 лет распространилась далеко за пределы Новосибирска. За последние пять лет к акции присоединились сотни городов, она приобрела поистине массовые масштабы во многих регионах России (только в Москве в 2016 г. ТД написало более 14 000 человек), проводится во многих странах всех континентов. Ожидаемой реакцией иностранных участников акции стало желание писать не аутентичный диктант, слишком сложный для людей, не владеющих русским языком как родным, а некоторую адаптированную его версию. Поэтому в 2016 г. впервые в рамках ТД было проведено тестирование иностранных граждан: на основе текстов диктанта для трех часовых поясов были разработаны три части теста под названием TruD. Акция привлекла большое количество участников (более 1000 человек), а их многочисленные вопросы и пожелания организаторам показали, что работа, начатая авторами TruD'a, должна продолжаться и далее. Безусловно, TruD-2017 будет подготовлен с учетом тех сложных моментов, с кото-

рыми пришлось столкнуться участникам в процессе написания тестов в 2016 г.

Тексты диктанта всегда были рассчитаны на лиц, для которых русский язык является родным или государственным. Организаторы ТД решили не менять правила единообразия текста и не трансформировать его в соответствии с уровневыми характеристиками, принятыми в тестировании по русскому языку как иностранному. В качестве интродукции к описанию процесса адаптации текста диктанта для условного «тестирования» иностранцев стоит произвести определенную дифференциацию между процессом обучения русскому языку как иностранному и родному. Обучение родному языку всегда строится от общего к частному. Такой путь усвоения родного языка известен психолог Л. С. Выготский определил как путь «снизу вверх», т. е. путь неосознанный, ненамеренный. Для изучения иностранного, неродного языка наиболее типичен путь «сверху вниз», путь сознательный и намеренный, когда ребенок сообщаются необходимые для практического владения языком знания в виде правил, инструкций, предусматривается выполнение специальных упражнений, которые обеспечивают закрепление усвоенных знаний и образование на их основе речевых навыков и умений [Балыхина 2013: 13]. Иностранному участнику при работе над диктантом требуются навыки как в аудировании, так и в письме. Таким образом, участники-иностранцы должны владеть как рецептивными, так и продуктивными видами речевой деятельности, чтобы написать диктант.

В процессе составления теста TguD'a мы исходили из следующих определений письма и аудирования: письмо – это продуктивный вид деятельности, при котором человек записывает речь для передачи другим. Продуктом этой деятельности является речевое произведение или текст, предназначенный для прочтения [Рогова 1991]. В практике обучения под письмом понимают технологический, или процессуальный аспект. Аудирование – это рецептивный вид речевой деятельности, смысловое восприятие устного сообщения. Аудирование состоит из одновременного восприятия языковой формы и понимания содержания высказывания. При обучении иностранному языку конечной целью является выработка таких аудитивных умений, при наличии которых не расчленились бы форма и содержание [Новый словарь... 2009].

Помимо определенных видов речевой деятельности авторам теста необходимо было учитывать и ставший уже традиционным уровневый подход к изучению и преподаванию РКИ. Он закрепляется регламентирующими документами, в соответствии с которыми с 1 января 2010 г. были введены новые федеральные государственные требования

по русскому языку как иностранному и установлены следующие уровни владения РКИ [Приказ... 2009]:

- элементарный уровень (A1);
- базовый уровень (A2);
- первый уровень (B1);
- второй уровень (B2);
- третий уровень (C1);
- четвертый уровень (C2).

Объем и содержание коммуникативной компетенции на каждом уровне дается через описание тем, ситуаций и сфер общения, речевых намерений, которые может реализовать учащийся, а также через описание жанрового разнообразия текстов устной и письменной речи, которые учащийся способен воспринимать и продуцировать. Идентификация уровня включает перечень речевых умений в каждом из видов речевой деятельности и языкового материала, которым может оперировать учащийся. Главным критерием достижения того или иного уровня является эффективность вербального решения стоящих коммуникативных задач [Капустина 2011]. От уровня к уровню расширяется круг тем и ситуаций общения, усложняется тип речевого поведения, используются более разнообразные языковые средства.

К числу наиболее объективных способов выявления и оценки уровня владения иностранным языком, в том числе РКИ, относят тестирование. Эта форма проверки давно используется в работе с иностранными учащимися, но как особый метод контроля тестирование получило широкое распространение с введением государственного сертификации уровней владения РКИ.

В широком смысле под тестированием понимается вся совокупность процедур и этапов разработки стандартизированного теста, а именно: планирование, составление, апробирование, обработка и интерпретация результатов предварительного теста, подготовка спецификаций и инструкций окончательного теста. В узком смысле тестирование есть форма контроля, в основе которой лежит лингводидактический тест. Разнообразный формат выполнения тестовых заданий расширяет их функциональные возможности.

Разработчики тестов ТД опирались на сложившиеся в лингводидактическом тестировании приемы оценки качественных характеристик создаваемых тестов, в первую очередь – оценки его валидности, т. е. пригодности для реализации заявленных целей. Авторы попытались стандартизировать сложную процедуру тестового контроля письменной речи и повысить объективность получаемых результатов, что, как правило, удается за счет четкой формулировки заданий, подробной

инструкции к их выполнению, а также специально разрабатываемых таблиц экспертной оценки выполнения каждого задания.

Задания к тексту Тотального диктанта для иностранных участников необходимо было разработать не только с учетом уровня владения русским языком как иностранным и неродным, но и с учетом развлекающей составляющей акции, т. е. они должны были нести в себе компонент обучения через развлечение (edutainment). Так как акция носит просветительский характер и основывается на принципах добровольного участия, то перед авторами TruD'a стояла задача создать продукт, отвечающий вышеперечисленным требованиям. За методологическую основу комплекса заданий был взят распределительный тест по РКИ, под которым понимается любой тест, измеряющий уровень владения РКИ путем определения степени трудности материала. С помощью этого теста, как правило, проверяется знание лексики, грамматических правил, правил чтения и письма, понимание иностранной речи на слух, а также навыки говорения. В нашем случае первым заданием являлось установление соответствия между изображением и словом (предметом, объектом). При выполнении такого задания осуществляется проверка общекультурологической компетенции (см. табл. 1).

Таблица 1

1		А) знак
2		Б) цифра
3		В) символ
4		Г) буква
5		Д) иероглиф

Следующее задание (см. табл. 2) было рассчитано на уровень владения РКИ не ниже А1+ и предполагало проверку знаний предложно-падежного управления, вариативного употребления глаголов, паронимов-причастий, сравнительной степени прилагательных – всего ком-

плекса лексико-грамматических категорий в рамках базового уровня РКИ.

Таблица 2

1. Привет! ... ты живешь?	а) что б) как в) кто
2. Я люблю ...	а) винограда б) винограде в) виноград
3. За три года они театр.	а) строили б) пристроили в) построили
4. Эту улицу Центральной.	а) называется б) зовут в) называют
5. В спектакле обычно ... не только актеры, но и хор.	а) участвуют б) занимается в) работают
6. Например, ... герой на сцену и говорил: 7. – Я сейчас ... сделаю что-нибудь плохое!	а) пойду б) выходил в) походил г) выйду
8. Софокл начал писать пьесы про царей, и сразу стало ясно: цари тоже часто плачут и личная жизнь у них совсем ...	а) не проста б) не красива в) не нормальна
9. Простым людям всегда было интересно знать, ... живут богатые.	а) что б) как в) чтобы
10. Слово «машина» было ... в Древней Греции.	а) выдуманно б) задумано в) придумано

Третье задание теста было направлено на проверку адекватного использования конструкции со словом **который**, а также на знание лексического минимума уровня А2 и умение вычленять однокоренные слова. Приведем ниже соответствующее задание теста.

1. <i>Человек, который занимается спортом</i>	А. чемпион
2. <i>Человек, который ведет войну</i>	Б. фанат
3. <i>Человек, который побеждает в соревновании</i>	В. спортсмен
4. <i>Человек, который болеет за спортивную команду</i>	С. журналист
5. <i>Человек, который пишет статьи о спорте</i>	Д. солдат

Последующие задания представляли собой проверку языковой компетенции уровней В1 – В2 и, конечно, не предполагали полного / правильного выполнения их всеми участниками TruD'a, так как большая часть участников владели русским языком на уровне А2. Ниже приведено соответствующее задание теста.

1. *Шумеры ... клинопись – самую древнюю в мире письменность (изобретать / изобрести).*

2. *Поэтому в древнеегипетских школах уроки письма ... уроки рисования (напоминать / напомнить).*

3. *Финикийцы ... сложную китайскую каллиграфию и решили придумать письменность попроще (вспоминать / вспомнить).*

4. *Люди стали ... буквами, и чем дальше, тем быстрее (писать / написать).*

5. *Уборщицы в конце концов ..., потому что от такой учебы в школе одна грязь (сердиться / рассердиться).*

Финальным заданием теста для иностранных участников было написание фрагмента текста ТД объемом 65-70 слов (законченного отрывка Тотального диктанта, который предлагался русским участникам), что и являлось конечной целью акции. Было очевидно, что это последнее задание и есть самое трудное, так как участникам был предложен неадаптированный отрывок из текста. Опираясь на систему тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ), можно предположить, что текст относится к уровню С1 / С1+. Это было принципиальным решением – не трансформировать текст с учетом уровневого подхода, чтобы участники акции познакомились с оригинальным авторским текстом и оценили свои возможности в его написании.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что задания теста TruD'a, предложенные зарубежным участникам Тотального диктанта, проверяли:

- умение правильно употреблять предложно-падежные формы имен (приглагольное и приименное управление);
- умение ориентироваться в структуре простого предложения, в характере субъектно-предикатных отношений;
- умение выбрать видовременную форму глагола, соответствующую предложенному минимальному контексту;
- умение употреблять определительные конструкции, причастия действительного и страдательного залогов;
- умение различать значения лексических единиц и употреблять их в заданном контексте;
- умение ориентироваться в структуре сложного предложения, правильно употреблять средства союзной связи.

Методически правильное составление теста позволило: 1) охватить проверкой большой объем материала; 2) компактно его представить; 3) четко структурировать каждую контролируемую единицу благодаря тщательно подобранным дистракторам (неправильным ответам, отвлекающим, в операционной части задания); 4) оперативно провести проверку результатов тестирования (что при большом количестве участников немаловажно); 5) выявить зону ошибок. Последний пункт может стать темой для дальнейшего развития работы с иностранными слушателями курсов русского языка / учащихся школ с русским языком как вторым иностранным / детьми-билингвами и даже с соотечественниками, давно уехавшими за рубеж.

Список литературы

Бальхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового: уч. пособ. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2013. 156 с.

Капустина Н. А. Лингвометодические основы контроля в послезузовском курсе обучения иностранных учащихся русскому языку (как иностранному) // URL: http://www.iling-gan.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/16.pdf (дата обращения: 24.07.2016).

Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) // Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: Изд-во ИКАР, 2009.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2009 г. № 463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96953/> (дата обращения: 24.07.2016).

Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

T. I. Belitsa, E. V. Rubleva

**A Level-Specific Approach To Different Types of Exercises,
Originally Based on the Total Dictation 2016 Text**

The article is devoted to the principles of test making "*TruD*" for foreigners, a Russian language quiz in a form of dictation which was originally based on the Total Dictation 2016 text. The methodological basis of the test is the principles of a placement test, including specific linguodidactic requirements for each of the Russian as a foreign language proficiency levels. '*TruD*' is a part of an educational event and targets a large audience of Russian as a foreign language speakers of different levels starting from A1 and up to C1–C1+. The article includes the descriptions of all types of exercises given in the test, as well as the lingua-methodological comments.

Keywords: Russian as a foreign language; test; adaptation; structural approach (proficiency test); Total Dictation.

О. А. Ружа

Новосибирский государственный педагогический университет

«БУМАЖНО ПРИДУМАНО!»

(к вопросу о динамических процессах в русской лексике)

В статье речь идет о динамических изменениях в языке и отношении к ним носителей языка. Исследование проведено на основе материалов Национального корпуса русского языка и Интернета. Сопоставление материалов корпуса и толковых словарей позволяет сделать вывод о расширении семантики слова *бумажный*, появлении в его семантической структуре новых смысловых компонентов, не нашедших отражения в словарях. В результате развития значения прилагательного стало возможным появление окказионального наречия *бумажно*, использование которого в современном языке оценивается носителями неоднозначно.

Ключевые слова: лексическая семантика; динамические процессы в языке; языковая картина мира; языковое сознание; неологизмы; оценка; *бумажный*.

О динамике в языке было сказано уже немало. Но язык столь разнообразен, что поводов говорить о нем бесконечно много. Например, не так давно в языке появилось и стало довольно модным слово *фиолетово*, вслед за ним герои диснеевских мультфильмов внесли в язык своих зрителей слова типа *смурфный*, *смурфно*, а сегодня мультипликационный лось с авторитетным именем Аристотель восклицает: «Бумажно придумано!» Как относиться к подобным новообразованиям? Есть ли у слов, от которых они образованы, в лексическом и грамматическом значении потенциал, достаточный для их появления и дальнейшего существования? Известный лингвист И. Б. Левонтина считает, что «жизнь в эпоху перемен, кроме всех прочих ее особенностей и свойств, сопряжена с резкими и чувствительными изменениями в лексике. И люди реагируют на эти языковые инновации весьма болезненно... Между тем оснований для таких панических настроений в общем-то нет. Язык – организм очень живой и живучий. Он чрезвычайно чувствителен и восприимчив, но ему не так-то просто что-нибудь навязать. Если в языке прижилось новое слово или новое значение у старого слова, значит, это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, в культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого недостает словесной оболочки. А если нет потребности в такой оболочке – как

новое слово ни насаждай, язык его либо отторгнет, либо переосмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно» [Левонтина 2006].

Естественно, что ведущая роль в появлении языковой динамики отводится социальным явлениям. «Серьезные преобразования в общественно-политической жизни привели к инновационным сдвигам не только в лексической системе, но и в языковом сознании, способствовали пересмотру представлений человека о мире. Подобные изменения фиксируют принципиально новые черты русской ментальности, которые формируются не без влияния культурных стереотипов западного мира» [Храмцова 2014].

Слово *бумага* и его производные используются нами довольно часто. Словообразовательное гнездо данной лексемы не очень большое: в «Словообразовательном словаре русского языка» Н. А. Тихонова в него включено около 10 слов, образованных морфологическими способами: *бумага* – *бумажка*, *бумажечка*; *бумажонка*; *бумажник I* (кошелек); *бумажник II, 1* (рабочий); *бумажный*, *бумажник II, 2* [Тихонов 1990]. Ряд слов типа *бумага*, *бумажка*, *бумажонка* носителями языка часто оцениваются негативно. Тем не менее современная языковая действительность предлагает языку новое слово *бумажно*, которое наделено положительными коннотациями.

Слово *бумага* в русском языке по данным «Большого толкового словаря» С. А. Кузнецова имеет четыре лексических значения, которые не содержат никаких других коннотативных компонентов, кроме стилистических – разговорных [Кузнецов 1998]. Но внимания заслуживает иллюстративный материал словарной статьи. Так, уже в примерах к первому значению приведено выражение *марать бумагу* ('писать что-л. не заслуживающее внимания, бездарное') или *бумага всё стерпит* (разг.; 'о возможности написать, нарисовать и т. п. всё, что угодно'). В данном случае в появлении негативного оценочного компонента «виновата» не бумага, а содержание – то, что на ней написано или нарисовано. Тем не менее это оказывается значимым для дальнейшего исследования. Слово *бумага* во втором значении 'письменный документ официального характера' также не содержит никаких оценок, но почему-то в выражении *послать, получить бумагу на кого-л.* слово *бумага* имеет значение не просто официального документа, а жалобы или уведомления о наложении штрафа, задержании и т. п. – отрицательный коннотативный компонент налицо. Подобным же образом, если какое-либо решение, правило или закон на деле не осуществляются, мы осуждающе говорим *осталось (только) на бумаге*.

Производное от имени существительного *бумага* прилагательное *бумажный* в русском языке также является многозначным. В «Большом

шом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова приводится три лексических значения слова *бумажный*. Первое значение – прилагательное от слова *бумага* в первом значении (‘материал для письма, печатания, рисования и других целей’). Судя по иллюстрациям, составители словаря в данном случае имеют в виду ‘производящий бумагу, предназначенный для хранения бумаги’. Здесь же как оттенок значения дается *бумажный* – ‘изготовленный из бумаги’. Первое значение отражает факты действительности безоценочно, хотя в иллюстративном материале к нему отмечается выражение *бумажный тигр* ‘о том, кто представляет мнимую угрозу, опасность’. Сема ‘мнимый’, по всей видимости, связана с бумажной природой тигра, т. е. его нереальностью.

Второе значение и в толковании, и в примерах содержит информацию об отношении говорящего к описываемому явлению, так как включает в лексикографическое описание оценочное слово *бюрократический*: ‘канцелярский, бюрократический’. Далее следуют иллюстрации, которые возвращают нас ко второму значению слова *бумага* и выражению *остаться на бумаге: Б-ая волокита. Б-ая душа, душонка* (о бюрократе). Лексема *волокита* в словаре имеет помету «разговорное» и содержит в своем значении негативную оценку процесса: слишком затянуто, долго. Словосочетание *бумажная душа* также содержит отрицательные коннотации, так как из первого значения мы знаем, что *бумажный* может ассоциироваться с чем-либо нереальным, мнимым, значит, бумажная душа либо не существует вовсе, либо отличается какими-то сомнительными качествами. В словосочетании же *бумажная душонка* суффикс *-онк-* придает лексеме *душонка* пренебрежительный, уничижительный оттенок (так же, как и слову *бумажонка*).

Третье значение прилагательного *бумажный* также отражает наши представления о негативной природе бумаг и бумажек: ‘существующий только на бумаге’. В иллюстрациях более явно актуализируются семы ‘ложности, обмана’: *Б-ые надюи* (приписанные, липовые).

Говоря о бумажной (разного рода) природе чего-либо и обращаясь к художественному тексту, нельзя не вспомнить замечательных стихов Б. Окуджвы о бумажном солдате:

*Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был:
ведь был солдат бумажный.
Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,*

*а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.
Он был бы рад – в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним:
ведь был солдат бумажный.
Не доверяли вы ему
своих секретов важных,
а почему?
А потому,
что был солдат бумажный.
А он, судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал.
И все просил: «Огня! огня!»
Забыв, что он бумажный.
В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.*

1959

В тексте сталкивается по меньшей мере два значения слова *бумажный*: ‘сделанный из бумаги’, ‘ненастоящий, игрушечный’. Но, как мы понимаем, утверждается обратное: бумажный солдат как раз оказывается настоящим человеком, испытывающим подлинные чувства.

Теперь проанализируем наиболее яркие текстовые фрагменты, представленные в Национальном корпусе русского языка, в которых реализуются переносные значения прилагательного *бумажный*. В них, подобно примеру из песни Б. Окуджавы, происходит наложение прямого и переносного значений для описания настоящих, истинных чувств игрушечного, бутафорского героя: *Бумажный* *король* *взглянул на полумертвую девочку, и его бумажное сердце готово было разорваться на тысячи кусков, разорваться от боли и бессилия* (Л. А. Чарская. Король с раскрашенной картинки). В данном контексте игра с контаминацией лексических значений слова *бумажный* усиливается еще и использованием глагола *разорваться*, который, с одной стороны, называет одно из свойств бумаги, а с другой, устойчивое в языковой картине мира представление о неимоверной душевной или сердечной боли, связанной с сильными переживаниями, данная метафора *сердце / душа разрывается на части* в языке является постоянной: *Он вполне сознавал, что не может ничем помочь бедной девочке,*

потому что он – **бумажный** король. **Бумажный**, и только. И не одной этой девочке, но вообще никому он не в состоянии помочь, не в состоянии устранить людское горе и несправедливость (Л. А. Чарская. Король с раскрашенной картинки).

Лексема **бумажный** может в условиях контекста реализовывать значение ‘слабый, хрупкий’. Оно появляется в связи с возможностью легко разорвать бумагу, с ее тонкостью, непрочностью: *Толкнул его Христо, как **бумажный** опрокинулся старик, а кольцо упало в море* (Б. С. Житков. Элчан-Кайя). В данном текстовом фрагменте эксплицируется смысл ‘слабый в силу возраста’, также, возможно, мысль о том, что падение старика было несколько неожиданным для Христо, с точки зрения которого толчок был не настолько сильным, но вызвал падение старика.

В другом текстовом фрагменте реализуется та же сема ‘слабый’, но применительно к голосу: тихий, едва слышный или издаваемый с трудом, в любой миг готовый прерваться: – *Это вас я там видела? – спросила она Павла Алексеевича. Голос ее был **слабенький**, совсем **бумажный**. – Очень может быть* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Еще в одном случае **бумажный** по отношению к звуку, голосу означает ‘приглушенный чем-либо, пропущенный через какую-либо преграду’, это значение отражает способность бумаги как материала быть препятствием, в данном случае – приглушать звуки, менять их качественно: *Быстро. Молча, – голос от адреналина был **бумажный**. Пульс грохал в многострадальной руке* (А. Гаррос, А. Евдокимов. [Голово]ломка).

Сема ‘хрупкий, легко поддающийся разрушению’ также характерна для слова **бумажный** в современном употреблении: *Уже было понятно, что и без того **бумажный** мировой порядок стал непрочным, как размокший картон, и стоит только потянуть за края – разорвется* (Д. Соколов-Митрич. Настоящее сердце). Хрупкость, непрочность мирового порядка подчеркивается сразу несколькими текстовыми элементами: *и без того бумажный*, т. е. изначально обладающий хрупкостью, мировой порядок становится *непрочным*. Представление о его непрочности усиливается сравнением *как размокший картон*, причем использование картона (более прочного, чем бумага, материала) не спасает мир от возможности разрушения, картон – вид бумажной продукции, и в тексте он фигурирует как уже *размокший* – это еще один из способов разрушения бумаги, воздействия на нее. Наконец уже упомянутый нами глагол *разорваться* в конце данного текстового фрагмента говорит о гипотетическом будущем мирового порядка: стоит потянуть, приложить усилие, и он будет разрушен.

Бумага обладает и таким качеством, как гибкость, мягкость, податливость: *Руки скользят по железу крыши, хватаются за желоб, и он мягко гнется, как бумажный; ноги тщетно ищут опоры, и желтые ботинки, твердые, словно дерево, безнадежно трутся вокруг гладкого, такого же твердого столба – и одну секунду Юрасов переживает чувство падения* (Л. Н. Андреев. Вор).

Со свойствами бумаги быть разной на ощупь: то гладкой, холодной, то бархатистой, теплой – связаны некоторые семы, например, сема 'нежности, мягкости'. Она может быть продиктована податливостью бумаги как материала, а также отношением к предмету, его наполнению, содержанию: *Нежный бумажный хлам снесли в чулан, заперли на замок* (Б. Евсеев. Евстигней). Как правило, именно бумажный хлам оказывается нежно хранимым долгие годы, чем-то дорогим его владельцам.

Среди вариантов использования лексемы *бумажный* встречается также и значение 'иллюзорный, ненастоящий, мнимый', извлеченное из третьего значения: – *То есть я – ваша личная галлюцинация? Я бумажный?* – *Не знаю* (В. Солдатенко (Слава Сэ). Ева).

Эта сема в дальнейшем развивается, получает разнообразные варианты, например, один из них – 'ненастоящий, неживой': *Потому что мой выученный бумажный украинский – не их язык* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»). *Выученный бумажный украинский* – о языке, выученном по книгам, учебникам, совсем не похожий на настоящий живой язык, которым пользуются в реальности украинцы.

С другой стороны, в сфере литературы прилагательное *бумажный* может эксплицировать обратный привычному смысл – 'настоящий, подлинный', который проявляется / актуализируется в сочетании *бумажный контекст*: то, что напечатано на бумаге, является достоверным, настоящим, так как бумага – привычная до недавнего времени среда существования литературы, проверенная временем: *Однако, когда его насквозь цитатные сочинения переместились из сетевого контекста в бумажный (то есть в один ряд с прозой до интернетной эпохи), картина получилась смешная и жалкая: лепит человек какие-то коллажи, при этом страшно себя уважает и понятия не имеет, до какой степени третьесортный товар у него получается* (Д. Быков. Андрей Геласимов похож на писателя).

Лексема *бумажный* может обозначать нереальный книжный мир, не способный заменить настоящую жизнь: *И после возвращения он исправляет ее – он наполовину «бумажный» путешественник, и по-*

тому путь его двоится (А. Балдин, А. Прокопьев. Конькобег. Гармонист).

Бумажность, а значит неподлинность, искусственность, в которой живут реальные люди, связана с темой сочинительства (иногда творчества): *Он смотрит на будущий мир (на нас: мы и есть этот странный, сочиненный, «бумажный» мир), смотрит из пространства* (А. Балдин. Московские праздные дни).

Грамматически прилагательное *бумажный* не является качественным, и от него невозможно образовать наречие на *-о*. Тем не менее в значении этого слова заложен огромный семантический потенциал: как показывает речевая практика, это слово уже давно используется в значении качественного прилагательного, поэтому неудивительно, что появилось образованное от него наречие *бумажно*. Возможность образовывать наречие на *-о* подчеркивает динамику в лексическом значении слова и отражение этих процессов в грамматике, хотя ни в одном из словарей слова *бумажно* мы не найдем. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 6 документов и 6 вхождений с использованием этого слова.

Из всего набора значений, выявленных нами для прилагательного *бумажный*, встречаются следующие значения производного от него наречия *бумажно*:

1) 'тонкий, тихий, едва слышный' (о голосе): – *Меня не любит никто, – сказал успокоившийся Альтер. Он говорил теперь ровно, тонко, бумажно. – Я противен всем* (Д. Быков. Орфография). В данном контексте дополняются представления носителей языка о бумажном голосе: это не только *тихий* голос, но и голос *тонко звучащий*, почти женский (когда речь идет о мужчине), или шелестящий, как бумага; *ровный* – звучащий без особенного интонационного и тонального разнообразия – бумага, как мы знаем, также отличается свойствами быть ровной и тонкой;

2) 'книжный, нереальный, вымышленный': *Они были литературно, бумажно романтиками: они, получив какой-нибудь слабый жизненный толчок, целиком ушли в словотворчество, прислонясь к тому светилу прошлого, от которого у нас теперь осталась только идея, или долетающая до нас форма давно умершего светила* (М. М. Пришвин. Дневники);

3) значение 'ненастоящий, неискренний' может реализовываться не только по отношению к книжному вымышленному миру: *И взял тогда уцепился за «что-то» и поохал туда «бумажно» или по-настоящему* (М. М. Пришвин. Дневники). В данном текстовом фрагменте дано прямое противопоставление настоящего и бумажного (неискренного,

наигранного) действия, произведенного героем. Использование кавычек маркирует новизну, ненормативность слова;

4) кроме того, в материалах Национального корпуса русского языка встретился вариант употребления слова *бумажно* для описания звука, характерного для бумаги: *Над воротами, дугой выгнутыми по козырьку, треплет ветром изорванный праздничный плакат, лоскутки от портрета вождя мирового пролетариата, размытого дождем, бумажно шебаршат* (В. Астафьев. Затеси). Словосочетание *бумажно шебаршат* может показаться несколько избыточным, так как шорох, шебаршание сами по себе ассоциируются с шелестом бумаги, хотя здесь возможны и другие ассоциации;

5) еще одна качественная характеристика, вошедшая в значение наречия *бумажно*, – это цвет. Как правило, в сознании носителей языка бумага ассоциируется с белым цветом (по данным РАС, 91 реакция из 503), поэтому высказывание *бумажно белый* имеет значение ‘чисто белый, белоснежный’, возможно, дополненное семой сухости, глянцеваемости. Метатекстовый показатель *возможно* в данном случае обусловлен малочисленностью контекстов для серьезных, обоснованных выводов: *Второй – старик с бумажно белыми руками, с костяным лысым черепом и лицом, словно барельеф, отпечатанный на металле, словно в его венах и артериях тёк снег, а не кровь* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

б) кроме того, в следующем контексте лексема *бумажно* соседствует с такой же окказиональной лексемой *навощено* и имеет значение ‘искусственно создано, нарочито, со старанием’. В отличие от примеров с прилагательным *бумажный*, в этом случае не отрицается возможность жизни: *В печи мерцал огонь, в окно лился непривычно ясный, ровный свет, и от него, пусть **навощено, бумажно**, но все-таки и живой жизнью светилось лицо Эли* (В. Астафьев. Царь-рыба).

Наверное, одним из самых ярких примеров современного употребления наречия *бумажно* является российский мультипликационный сериал 2015 г. (режиссер Алексей Миронов, сценарист Павел Воля, озвучка Андрей Рожков) под названием «Бумажки». В мультфильме главными действующими лицами являются *бумажки* – лось Аристотель и дятел Тюк-Тюк, бумажные герои, живущие в *Бумажной местности*. Авторы фильма переосмысливают отношение носителей русского языка к слову *бумажка*: например, все словарные значения слова *бумажки* несут отрицательные коннотации, здесь же, скорее, наоборот. В словаре *бумажка* – это ‘листок или клочок бумаги’, налицо явное пренебрежительное отношение к предмету. *Бумажка* во втором значении – это разговорный вариант слова *бумага*, т. е. слово *бумажка*

используется не только по отношению к бумаге как материалу, но и применительно к документам, выражая при этом отношение носителей русского языка к бумагам как элементу бюрократического мира. Естественно, что в основном сфера употребления данного слова – разговорная речь. Новое употребление в контексте мультфильма лишено негативной окраски. *Бумажки* – это мультипликационные герои, на самом деле выполненные из бумаги, как и все в фильме.

Ключевой фразой мультфильма является «Бумажно придумано!» – реакция героев на творческие или рациональные идеи и изобретения одного из героев – лося Аристотеля. Слово *бумажно* в данном контексте имеет значение ‘хорошо, замечательно’. Логичнее всего предположить «книжную» природу данного выражения, так как герои – начитанные, мыслящие, интеллигентные, они действуют по-книжному – обдуманно, взвешенно, логично, творчески, как на страницах книг. Но в данном случае, несмотря на искусственность, нереальность мира, в котором живут герои, и самих героев, что естественно для мира фантазии, сказки, мультфильма, их бумажный мир – живой мир, и книжная семантика лексемы *бумажно*, как и в случае с примером из В. Астафьева, граничит с жизнью.

Остановимся на отзывах о языке мультфильма, чтобы проанализировать освоение нового значения слова *бумажно* в речи носителей языка. Анализ материалов интернет-форумов и сайтов⁴⁶, посвященных мультфильму, показал, что часть зрителей приняла предложенную авторами языковую игру, оценив ее положительно, на что могут указывать слова и выражения *Просто «бумажный» мультфильм!; По моему это весело, почему бы и нет?: (o-kroshechka Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – Просто «бумажный» мультфильм!); Главные герои (немного странноваты), сделаны из бумаги: дятел Тюк-Тюк и лось Аристотель, живут в своем бумажном мире. Герои разговаривают на своем языке, например слово ХОРОШО – обозначает БУМАЖНО. По моему это весело. Еще присутствует такой герой как котозаяц. В каждой серии герои показывают как с помощью цветной бумаги, клея и ножниц можно создать игрушку (МамаИрина Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – почему бы и нет?); По сюжету мультика учат складывать простые фигуры из бумаги, познают окружающий мир, постоянно открывают что-то новое. И вообще у них там все «бумажно».*

⁴⁶ В статье фрагменты отзывов о мультипликационном сериале «Бумажки» с сайта сообщества «Отзовик» (http://otzovik.com/review_2088049.html) и канала «Карусель» (<http://www.karusel-tv.ru/f/index.php?showtopic=17350&page=5>) воспроизводятся с сохранением орфографии и пунктуации первоисточника.

Другие носители языка, принимая фразу «Бумажно придумано!», вербально положительной оценки не выражают, но тем не менее она содержится уже в самом факте употребления этого выражения автором отзыва: *Я с интересом посмотрела этот мультсериал и была крайне удивлена таким новым подходом кинематографистов к созданию мультсериала. Это действительно ново и оригинально. Бумажный подход – «бумажно придумано, то есть хорошо» эта фраза из мультфильма соответствует его сюжету* ([TANJA-NEV](#) Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – «Бумажно придумано»).

Также в отзывах встречается не просто принятие окказионализма из мультфильма, но и продолжение языковой игры, предложенной создателями: *Моим детям, как и мне, мультфильм понравился, еще и потому что после просмотра с детками можно надеть разных картонных героев и погулять, им очень интересно. Так что я вам и вашим деткам рекомендую посмотреть мультфильм «Бумажки». И пусть у вас все будет бумажно! На их языке – это значит ХОРОШО.* ([STOGNYI86](#) Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – Все очень даже бумажненько (хорошо)). Здесь автор отзыва придумывает новое слово бумажненько.

Зритель может никак не обозначить в самом тексте своего отношения к окказионализму, но его использование в заголовке также значимо: *Вчера 1 июня на канале «Карусель» показали этот бумажный мультфильм, мультик конечно странный, все там такое бумажное и разговор там тоже бумажный, например если сказать что все хорошо у них говорят у нас все бумажно, сам мультик меня как то не заинтересовал, а вот бумажный олень... Так что мультфильм на любителя. Сюжет конечно не очень то интересный, а вот поделки из бумаги можно попробовать сделать смотря этот мультфильм. Но я бы поставила этому мультику 4 с минусом* ([lenogr7575](#) Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – Там все бумажно). В самом тексте отзыва в данном случае дана совершенно иная оценка, которую нельзя отнести к положительной: *странный мультик, сам мультик меня как то не заинтересовал, сюжет конечно не очень то интересный...* – но то, что касается языка, игра с ним автора «зацепила», и мы видим намеренное насыщение текста прилагательным бумажный и однокоренными с ним словами, а это, скорее, уже положительная динамика.

И, наконец, встречается явная негативная оценка окказионализма: *Игра со словом «бумажно» мне не очень понравилась. Точнее не понравилось то, что это уже совсем не оригинально. Такой прием встречался в мультфильмах и ранее. Например, в «Смурфиках» корень многих слов заменяется на «смурф»: «несмурфно», «засмурфился» и*

т. п. Также и здесь – «это не бумажно» и проч. (Арси Отзыв: Мультфильм «Бумажки» (2015) – Мультфильм на любителя...). В данном случае пользователь оценивает языковую игру как неоригинальное явление, заимствование из известного диснеевского мультфильма, в чем оказывается отчасти прав, подобного значения (*бумажно* – ‘хорошо, замечательно’) нет у производящей основы, а как мы могли убедиться, в остальных случаях выстраивается четкая цепочка в образовании слов (*бумага* – *бумажный* – *бумажно*) и развитии и преемственности их семантической структуры. Поэтому логично предположить, что в случае с мультфильмом слово *бумажно* появляется в результате калькирования: *смурфики* – *смурфно* (‘хорошо’) / *бумажки* – *бумажно* (в том же значении).

Таким образом, возвращаясь к идее данной статьи и проблеме принятия или непринятия людьми результатов различных динамических явлений в лексическом уровне языка (заимствования, появление неологизмов и окказионализмов, развитие семантической структуры слова, языковая игра и т. д.), можно сказать, что и здесь для многих носителей языка важно понятие нормы: позволяет ли она использовать слово в том или ином значении, можно ли дальше развивать словообразовательное гнездо, достаточным ли словообразовательным или прагматическим потенциалом обладает слово и, что немаловажно, кем используются новые языковые явления, насколько авторитетен источник, создатель.

Сопоставление материалов Национального корпуса русского языка и современных толковых словарей позволяет сделать вывод о расширении семантики слова *бумажный*, появлении в его семантической структуре новых смысловых компонентов, не нашедших пока отражения в словарях. Такие возможности слово обретает, только попадая в условия контекста, который во многом определяет и оценочную составляющую значения. Негативное отношение ко всему бумажному в сознании носителя языка преобладает, что связано прежде всего с социально-политической ситуацией. Развитие семантической структуры относительного прилагательного позволяет говорить о появлении у него семантических признаков качественных прилагательных и возможности образования от него окказионального наречия *бумажно*. Это, конечно же, отступление от принятой грамматической нормы, но те значения, в рамках которых образовано и используется данное наречие, позволяют нарушить существующие правила. Использование наречия *бумажно* в выражении «Бумажно придумано!» никак не связано с прилагательным *бумажный* и его семантикой, это довольно

удачная, на наш взгляд, языковая игра, основанная на кальке с западного образца.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998 (Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения: 12.09.2015).

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь // Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002.

Левонтина И. Б. Шум словаря // Знамя. 2006. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12.html> (дата обращения: 12.07.2016).

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х тт. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1990.

Храмцова Л. Н. «Приветствуются трудоголики!»: о некоторых динамических процессах в русском языковом сознании начала XXI века // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). URL: <http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/15485/22Khramtsova4-14.pdf?sequence=1> (дата обращения: 12.07.2016).

O. A. Ruzha

"WHAT A 'PAPER' IDEA!"

(to the issue of dynamic processes in Russian vocabulary)

The article deals with the dynamic changes and the native speakers' view on them. The study is carried out on the basis of the materials of the Russian National Corpus and the Internet. The comparison of the Corpus materials and explanatory dictionaries allows to conclude that the semantics of the word "бумара" [*paper*], is expanding, the new semantic components, not reflected in dictionaries, are appearing in its semantic structure. Such expansion of the meaning made the invention of the nonce adverb 'бумажно' possible. The use of this word in modern language is considered controversial among native speakers.

Keywords: lexical semantics; dynamic processes in the language; language picture of the world; linguistic consciousness; neologisms; evaluation; paper.

В. В. Сичинава

НАРОДНАЯ ГРАММАТИКА, ИЛИ КАК ЛЮДИ ОБЪЯСНЯЮТ ПРАВИЛА РУССКОГО ЯЗЫКА

Современный русский язык подвергается изменениям на всех уровнях, но наиболее подвижными остаются лексика, орфография и орфоэпия. Правила, закрепленные в грамматиках, учебниках, словарях, получают незначительные изменения даже в течение десятилетия. В статье рассматриваются случаи правильного и ошибочного объяснения правил русского языка, которые не зафиксированы в нормативных документах, но бытуют в сфере коммуникации носителей русского языка и получили название «стихийной орфографии» или «народной орфографии».

Ключевые слова: орфография; лексика; орфоэпия; современный русский язык; кодификация; нормирование; рефлексия.

В последнее время появилось множество работ, посвященных анализу активных процессов в современном русском языке: учебные пособия, курсы, вводимые в учебную программу вузов, рабочие программы. Последняя академическая грамматика вышла в свет более 30 лет назад, а русский язык претерпел множество изменений. Так, в связи с введением такого контроля знаний, как ЕГЭ, все чаще ученики, которые в будущем становятся сами учителями, прибегают к некоторым уловкам – выдумывают новые, легко запоминающиеся правила, с помощью которых быстрее выполняются тестовые задания. В свою очередь, в знаниях представителей старшего поколения уже обнаруживаются пробелы, особенно если долгое время не приходится сталкиваться с письменной формой русского языка.

Как показывают исследования, правила трансформируются часто. Условия таких изменений могут быть разными: более простая формулировка, ассоциативное мышление, нововведенное правило. Всё это относится к области метаязыкового сознания, которое имеет широкий диапазон форм – «от “молчаливой рефлексии” обычных носителей языка до серьезной теоретической рефлексии профессиональных лингвистов» [Голев 2009]. Вне зависимости от понимания процесса само-рефлексии, она свойственна всем носителям языка в той или иной степени, ведь в ее основе лежит понятие обыденности. Под обыденностью понимается несистематизированное (практическое) знание, которое противопоставляется научности, теоретически систематизированному (научному) знанию [Веprева 2005: 48]. Таким образом, обыден-

ное метаязыковое сознание свойственно каждому носителю языка (лингвистам характерно профессиональное метаязыковое сознание). Исследователи посвятили множество работ разностороннему изучению обыденного метаязыкового сознания (Н. Д. Арутюнова, О. И. Блинова, Н. Д. Голев, И. Т. Вепрева, В. Б. Кашкин, А. Н. Ростова и др.). Часто обобщения и представления о языке простых носителей языка далеки от предположений лингвистов: упрощение теории неизбежно и необходимо, поскольку адресатом этого дискурса являются люди разного уровня образования, социального статуса, возраста.

Обратимся подробнее к рассмотрению «народной грамматики русского языка»⁴⁷, или стихийной грамматики. «Исследование сферы стихийной орфографии показывает, что помимо официальной орфографии и реализации предписанных алгоритмов, исходящих “от канонических правил”, реально существует и стихийная орфография, вытекающая из того, что уже написано, как написано, как отражено и обобщено в обыденном языковом сознании, со своими функциональными закономерностями и вытекающей из них системой норм» [Голев 1997].

По мнению В. З. Демьянкова, «в недалеком будущем взаимодействие специального лингвистического языка и языка обыденного общения будет более тесным» [Демьянков 2002: 136], поэтому нормы, правила подвергаются модификации. Иногда правила «народной грамматики» совпадают с общепринятым написанием, произношением слова, но чаще всего создают иллюзию правила, поэтому человек допускает ошибку, если руководствуется ими.

Для исследования народной грамматики был использован метод интервьюирования, где предлагалось объяснить некоторые из правил русского языка. Так, употребление притяжательного местоимения *их*, которое в южнорусском говоре часто трансформируется в просторечное *ихний*, объясняется следующим народным правилом:

– *Чей стих?*

– *Их.*

Так устанавливаются ассоциативные связи между словами, имеющими разные значения. По мнению И. В. Левенталь, «человек объясняет значение, осознанно или подсознательно использует наиболее оптимальный, с его точки зрения, способ мыслительного действия» [Левенталь 2014: 78]. Поэтому возникновение любого нового правила или трансформация старого – это всегда поиск способа объяснить. Это

⁴⁷ Так мы будем называть правила, которые трансформируют или придумывают носители русского языка, но они не зафиксированы в документах, определяющих нормы русского языка.

мы наблюдаем в народном правиле: «*обеспЕчение* не от слова *печенье*, а от слова *печень*». Орфоэпическая норма в данном случае соблюдается точно, но не выдерживает критики ни с точки зрения морфологического анализа, ни с точки зрения этимологического. В написании слова *участвовать* довольно часто допускается ошибка. По мнению некоторых респондентов, «*участвовать* – это совершать действие *час*, а в слове *час* нет буквы *в*, а значит, писать ее в слове *участвовать* не нужно». По аналогии объясняется написание глагола *чувствовать*: «*Чувак*, ты как себя *чувствуешь?*». Склонение имен существительных во множественном числе подвергается также забавной трактовке: люди предлагают запомнить, что «*мандаринов, апельсинов, помидоров, носков, гранатов* – это фамилии». Написание слова *извини* объясняется младшими школьниками по ассоциации со словом *Винни-пух*.

Действительно, ассоциативный способ дает верную направленность. В рассмотренных случаях носители русского языка напишут слова без ошибок, однако они сами себя заставляют поверить в их правильность и значимость. Поэтому далее появляются ошибочные народные правила. Одно из таких правил звучит: «Девочки *красИвее*, а мальчики *красивеЕ*». Из данного «правила» вытекает, что речь девочек соответствует нормам современного русского произношения, а мальчики заведомо не могут быть сведущими в этой области, что совершенно неверно.

Довольно распространенным способом проверки употребления глаголов *надеть* и *одеть* является присказка: «*Одевать* Надежду, *надевать* одежду», что фактически является воплощением правила: «Глаголы *одеть* и *надеть* – многозначные. Значения, в которых обозначаются действия по отношению к человеку, следующие: *одеть* – кого, что; *надеть* – что. 1. Глагол *одеть* вступает в сочетание с существительными одушевленными (и с небольшим количеством неодушевленных, обозначающих подобие человека: *кукла, манекен, скелет*); *надеть* – с неодушевленными» [Бельчиков, Ражева]. На взгляд Н. Д. Голева, «отклонения от строго научного полюса следует понимать не как искажение качества, а как количественную редукцию – сжатие содержания и формы, не как перевод научных понятий в общедоступные, а как трансформацию научных понятий в другие формы» [Голев 2009: 31]. В связи с этим нельзя говорить о запрете подобного рода правил народной грамматики.

Проверка ударения в слове *звонишь* также имеет народный вариант:

Позвони мне, позвони,
И только ты позвонишь мне,
И тогда он позвонит мне,
И тогда все позвонят мне,
Позвони мне, позвони!
Тут ударный слог последний
И менять его ни-ни!

Этот «орфоэпический стих» совпадает по содержанию с правилом произношения слова *позвонишь*: «ударение в формах глагола *звонить* ставится на последний слог» [Еськова 2000: 254].

Обратимся к народной грамматике, которую использовали участники Тотального диктанта 2016 г. в Ставрополе⁴⁸. По мнению некоторых участников, *Олимпийские игры* пишутся с заглавной буквы, потому что «образовано от слова *Олимп*, которое пишется с большой буквы». Конечно, написание при данном определении не пострадает, но само правило звучит иначе: «С прописной буквы это прилагательное пишется в составе собственных имен: *Олимпийские игры*, *Олимпийская хартия*, *Олимпийский комитет России*, *Олимпийская деревня* (городок для спортсменов – участников Олимпиады; но: *Олимпийская Деревня* – район в Москве). Следует обратить внимание на написание слова *олимпийский* со строчной буквы в таких сочетаниях, как *олимпийский огонь*, *олимпийский флаг*, *олимпийский чемпион*, *олимпийская медаль*, *олимпийская символика*» [Игры, которые...].

Следующим словом, которое подверглось анализу народной грамматики, стало *снаряжение*: «Это очень простое слово: первая гласная проверяется словом *снасти*, вторая – *снаряд*». Такое объяснение подтверждается в словаре В. И. Даля. В одном гнезде мы находим слово *снаряжение*, *снасть* и *снаряд*: ‘*Снасть*, -и – приборы, инструменты, *снаряд*’ [Даль 2007: 603].

Таким образом, носители русского языка часто прибегают к помощи не норм русского языка, а собственным выдуманым правилам, присказкам, стихотворениям, в которых содержится либо отсылка к неверному написанию, произношению, либо верная, но никак не связанная с исходными правилами русской грамматики информация. Отметим, что существуют случаи и простого упрощения правил с сохранением их сути, но это мизерный показатель из общей массы «народной грамматики». Н. Д. Голев видит существование данной проблемы в постоянном влиянии написанного как первичного процесса, т. е. сна-

⁴⁸ Данные были собраны в процессе ознакомления участников Тотального диктанта со своими работами.

чала происходит написание слова, а потом его осмысление. Изучение уже написанного открывает «много нового в функциональном плане орфографии, в частности, проявятся формы влияния написанного на формирование естественных (объективных) орфографических норм» [Голев 1997]. На наш взгляд, стоит обратить внимание на такое явление в современном русском языке, «как графическая орфография», «стихо-правила», которые чаще создаются только в целях развлечения, в то время как люди начинают использовать их наравне с правилами русского языка.

Список литературы

Бельчиков Ю. А., Ражева О. И. Словарь трудностей // Портал «Грамота.ру». URL: http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti?id=36_119&layout=item (дата обращения: 28.06.2016).

Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / Под ред. Н. Д. Голева. Кемерово – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 7–41.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 110 с.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

Демьянков В. З. Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее / Под ред. Г. И. Берестнева. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002. С. 136–154.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М.: Русский язык, 2000. 448 с.

Игры, которые мы заслужили вместе с тобой // Родное слово: Новосибирский областной фонд сохранения и развития русского языка. URL: <http://www.rodnoe-slovo.org/node/1058> (дата обращения: 29.06.2016).

Левенталь И. В. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 77–81.

V. V. Sichinava

**‘Popular Grammar’ or the Way People Explain the Rules
of the Russian Language**

Nowadays the Russian language is subject to change at all levels, but vocabulary, spelling and orthoepy remain the most mutable. The rules explained in grammar books, textbooks, dictionaries receive minor changes throughout an entire decade. The article deals with the cases of correct and incorrect explanations of the rules of the Russian language, which are not consolidated in the regulative documents, but are widespread in the Russian native speakers’ communication. They received the name of ‘spontaneous spelling’, or ‘popular spelling’.

Keywords: spelling, vocabulary, orthoepy, modern Russian language, the codification, standardization, reflection.

С. Н. Булатова

Иркутский государственный университет

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК РЕКЛАМА ЧТЕНИЯ

Популяризация грамотности, веселый флешмоб, проверка на прочность, праздник русского языка... Акция «Тотальный диктант» начиналась как небольшое мероприятие гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета. С каждым годом число участников Тотального диктанта растет. С 2004 по 2008 гг. на добровольный диктант приходили в среднем по 200 человек. В 2009 г. их число увеличилось втрое: в качестве чтеца выступил певец, перформансист и кандидат филологических наук Псой Короленко.

В 2010 г. акция вышла за рамки НГУ: текст Бориса Стругацкого писали 2,4 тысячи человек. О мероприятии сообщили несколько федеральных и большинство местных СМИ, событие получило широкое освещение в блогах и социальных сетях. В 2011 г. Тотальный диктант зашагал по стране и увлек почти пять тысяч человек. Среди первых тринадцати городов-участников был и Иркутск. В феврале 2011 г. акция «Тотальный диктант» получила Национальную премию в области общественных связей «Серебряный лучник» как лучший российский общественный проект. В 2012 г. Тотальный диктант вышел за пределы России, став международной акцией. В 2016 г. в акции участвовали десятки стран, а число написавших диктант исчислялось сотнями тысяч.

Тексты специально для диктанта создают современные авторы, пишущие на русском языке. Литературный аспект – неотъемлемая составляющая события. Однако этот аспект нередко остается в тени, поэтому хотелось бы к нему обратиться. Как влияет написание текста диктанта на популярность автора и влияет ли вообще? Может ли Тотальный диктант формировать моду не только на русский язык, но и на литературу? А делать рекламу авторам и их книгам, книжным магазинам и библиотекам? Этим вопросам был посвящен круглый стол, проведенный факультетом филологии и журналистики Иркутского государственного университета и газетой «Восточно-Сибирская правда»⁴⁹. Свою точку зрения о влиянии акции «Тотальный диктант» на попу-

⁴⁹ Булатова С., Коркина Е. Писать, чтобы читать // Восточно-Сибирская правда. Конкурент. 14 апреля 2015 г.

лярность автора, на моду в современной литературе высказали иркутские библиотекари, представители региональной книготорговой сети, университетские преподаватели-филологи, книжный блогер, журналист.

Участники круглого стола высказали различные, подчас противоположные точки зрения.

Екатерина Черемных, менеджер по логистике крупнейшего книготоргового предприятия Восточной Сибири «ПродаЛитЪ»: *После того как в 2011 г. Дмитрий Быков написал текст для диктанта, уровень продажи его книг практически не изменился. В 2010 г. было продано 115 экземпляров, в 2011 г. – 113. А вот в случае с Захаром Прилепиным картина была совсем другая: 361 экземпляр в 2011 г. и 671 в 2012 г., когда он стал автором текста для Тотального диктанта.*

Мира Попова, заведующая абонементом Иркутской областной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского: *Повышение интереса к книгам Прилепина наблюдалось после посещения им Иркутска в 2014 году... О Водолазкине вообще стали спрашивать только после его приезда в Иркутск в этом же году...*

Среди авторов Тотального диктанта лидером продаж остается Дина Рубина, перу которой принадлежит текст «Евангелие от Интернета», написанный для Тотального диктанта 2013 г. Дина Рубина – русскоязычный писатель, живущий в Израиле. Ее имя породило информационный шум в ходе подготовки, проведения и обсуждения результатов акции 2013 г. Д. Рубина в свое время была членом Союза писателей СССР, сейчас – член Международного Пен-клуба и Союза русскоязычных писателей Израиля, лауреат шести литературных премий; автор романов «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы» и др. Новосибирские организаторы мотивировали выбор Д. Рубиной в качестве автора текста 2013 г. тем, что Тотальный диктант в последние годы активно развивается за рубежом и, по сути, превратился в международный проект.

За две недели до Тотального диктанта 2013 г. против Дины Рубиной выступила журналистка Ульяна Скойбеда, обозревателка «Комсомольской правды» (что выглядело странно, поскольку газета была федеральным партнером Тотального диктанта – 2013). В статье «Почему русскому языку нас учит гражданка Израиля Дина Рубина?» У. Скойбеда написала: «Зачем показывать, что лучше всех русский язык знает эмигрантка с двадцатитрехлетним стажем?»⁵⁰.

⁵⁰ Скойбеда У. Почему русскому языку нас учит гражданка Израиля Дина Рубина? URL: <http://www.kp.ru/daily/26042/2956369>.

За день до акции против Д. Рубиной также выступил губернатор Ульяновской области С. Морозов, который негативно относится к Д. Рубиной из-за использования в ее текстах ненормативной лексики. В день диктанта в Ульяновске на нескольких площадках вместо текста Д. Рубиной писали рассказ журналиста В. Пескова о художнике А. Пластове. Оригинальный вариант текста Д. Рубиной прозвучал только на площадках в университетах. Ольга Ребковец, руководитель проекта, заявила, что «в данном случае с подачи губернатора в Ульяновске был проигнорирован один из главных принципов акции – единство текста. В связи с этим то мероприятие, которое проходило вчера в ДК “Губернаторский” Ульяновска и было названо “Тотальный диктант”, считать таковым нельзя»⁵¹. О. Ребковец подчеркнула, что организаторы проекта гарантируют отсутствие сленговых элементов и ненормативной лексики в написанных для Тотального диктанта текстах [Скандал... 2013].

Ульяновского губернатора поддержал Союз писателей России. «Почему в страну Валентина Распутина и Виктора Лихоносова, Владимира Личугина и Владимира Кострова звать на диктант по русскому языку писательницу, родившуюся в Средней Азии, проведшую там детство, а затем переехавшую на свою историческую родину Израиль? Ни дня не прожившую в самой корневой России. Откуда у нее глубокие корневые корни русского языка...»⁵², – говорилось в заявлении для СМИ, подписанном секретариатом Союза писателей России. Следует заметить, что выражение *корневые корни*, использованное в тексте заявления, породило немало иронических высказываний в социальных сетях в адрес этой писательской организации.

Писатель и журналист Дмитрий Быков, напротив, жестко раскритиковал губернатора Ульяновской области: «...Когда вспоминают о национальной принадлежности писателя, который пишет по-русски, читается всем миром и имеет репутацию замечательного стилиста, – это такой позор для страны»⁵³.

Ситуация с Д. Рубиной, ставшая медийным скандалом, как чаще всего случается в таких случаях, способствовала увеличению популярности проекта: диктант написали более 30 тыс. человек в 179 городах шести континентов. Организаторы даже не могли ожидать, что То-

⁵¹ Скандал с «Тотальным диктантом» в Ульяновской области: губернатор запретил Дину Рубину. URL: <http://newsru.com/cinema/07apr2013/norubina.html>

⁵² Под чью диктовку? Заявление Союза писателей России о Дине Рубиной. URL: <http://www.stihi.ru/2013/04/13/35>

⁵³ Скандал с «Тотальным диктантом» в Ульяновской области: губернатор запретил Дину Рубину. URL: <http://newsru.com/cinema/07apr2013/norubina.html>

тальный диктант 2013 г. и автор текста вызовет такой всплеск внимания федеральных массмедиа – 4500 публикаций в печатных и электронных СМИ⁵⁴.

Однако представители книжной торговли и библиотекари отмечают, что пик продаж книг Д. Рубиной прошел за несколько лет до диктанта. Это было связано с экранизацией ее романа. Выход фильма по книге Алексея Иванова, автора диктанта 2014 г., также называют важнейшим фактором популярности писателя.

Екатерина Черемных: *После того как Д. Рубина стала автором текста в 2013 году, у нас продажи ее книг сократились в полтора раза. В 2012 г. было продано 3069 экземпляров, а в 2013 г. – 1839. Это связано, скорее всего, с тем, что в 2013 г. ее книги меньше издавали.*

Мира Попова: *Пик интереса к Рубиной был за три-четыре года до Тотального диктанта. В «Молчановке» ее книг много, читатели их охотно брали. В 2011 г. была экранизация ее романа «На солнечной стороне улицы», и это тоже оживило интерес читателей. Книги Иванова тоже стали активно брать после выхода на экраны фильма «Географ глобус пропил».*

Екатерина Черемных: *В 2014 г. продажи книг Алексея Иванова увеличились почти в два раза: в 2013 г. было куплено 429 экземпляров, в 2014 г. – 846. Про Евгения Водолазкина, автора 2015 года, статистика такая: в 2014 г. было продано 124 экземпляра его книг, а в начале 2015 г. – 40 экземпляров.*

Следует заметить, что на момент объявления Е. Водолазкина автором текста Тотального диктанта – 2015 в книжных магазинах Иркутска его книг практически не было, лишь в области было несколько экземпляров.

Мира Попова: *Справедливости ради надо сказать, что у Молчановки (Иркутская областная библиотека им. Молчанова-Сибирского. – Авт.) роман Водолазкина «Лавр» был в единственном экземпляре... Решающего значения для повышения интереса к тому или иному писателю акция не имеет, поскольку, как правило, для написания текста Тотального диктанта приглашаются известные и давно читаемые авторы. Повышение спроса незначительно и идет в общем порядке выдачи.*

Екатерина Черемных: *В продажах есть две тенденции. Во-первых, спрос на книги автора текста для Тотального диктанта резко возрастает (по отношению к аналогичному периоду прошлого года) в первые два-три месяца после написания диктанта и объявления ре-*

⁵⁴ Скандал с «Тотальным диктантом» в Ульяновской области: губернатор запретил Дину Рубину. URL: <http://newsru.com/cinema/07apr2013/norubina.html>

зультатов. Потом интерес постепенно идет на спад, и продажи возвращаются к своему среднему показателю. Во-вторых, чем больше в СМИ информации, посвященной диктанту, его результатам, чем больше рекламы и продвижения, тем больше и спрос на книги.

На популярность автора текста диктанта работает стабильное сопровождение акции «Тотальный диктант» в пространстве федеральных и региональных массмедиа. Информационное обеспечение акции идет и по внемедийным каналам.

Ирина Распопина, книжный блогер: *У Тотального диктанта очень хорошее пиар-сопровождение и рекламная поддержка. И когда ото-всюду только и слышно: «В этом году автором текста для Тотально-го диктанта станет Евгений Водолазкин», – кто-то (после десятого упоминания этого писателя) пойдет в магазин, купит интересный роман «Лавр» и убедится, что достойные писатели не перевелись на земле русской. И посоветует «Лавр» другу. И друг тоже пойдет в книжный магазин. И на полке с бестселлерами будет Евгений Водолазкин, а не Дарья Донцова. Где-то в идеальном параллельном мире. Хотя...*

Елена Коркина, журналист: *Нет, не в параллельном. Я как раз такой человек. С удовольствием читаю «Лавр» благодаря этому самому пиару. И да, советую другу. Всем очень советую.*

Специалисты-филологи считают, что участие в проекте «Тотальный диктант» не может определить поведение представителя современной читательской аудитории.

Екатерина Сумарокова, старший преподаватель кафедры новейшей литературы факультета филологии и журналистики ИГУ, замечает, что, если человек книгочеем не был, вряд ли участие в диктанте стимулирует интерес к чтению, к современной российской литературе: *Здесь я скорее скептик. Я не верю, что человек, не читающий в своей жизни ничего длиннее эсэмэски, вдруг кинется в книжный магазин или в библиотеку. И на Тотальный диктант такой человек придет вряд ли. Хотя в чудеса надо верить...*

Ирина Плеханова, доктор филологических наук, профессор ИГУ: *Мои наблюдения за участниками Тотального диктанта таковы: это либо уже читающие люди, либо желающие проверить грамотность просто потому, что им хочется события встречи с языком. Обычно такая потребность существует или у бывших филологов, или у близких к этой сфере начитанных людей, а также у старшего поколения, которое имело навык чтения, то есть у гуманитарно-ориентированной части общества.*

Представители журналистского сообщества имеют точку зрения, противоположную мнению вузовских преподавателей.

Ирина Распопина: *Тотальный диктант нацелен на повышение грамотности, тягу к чтению он вряд ли вызовет. Почему человек начинает читать взахлеб? Потому что как-то раз в руки попалась всего одна прекрасная книга. Причем свою книгу и своего автора человек может искать годами. Проходя мимо полка с новыми и старыми именами. Мельком просматривая статью «Лучшие книжные новинки весны». Случайно забредая в книжный магазин, где вроде бы всего много, все блестит, а купить-то и нечего. И только однажды во время туристической поездки, где-нибудь в хостеле, на тумбочке рядом с кроватью случайно окажется та книга, от которой невозможно будет оторваться всю ночь. И это будет незабываемое переживание. А читающих людей – их так мало, что они вряд ли будут костяком хоть какого мероприятия. Как мало? Как корицы в кофе или кунжута в булке. И никогда не будет больше. А Тотальный диктант дает возможность начать писать сообщения во «ВКонтакте» без трех ошибок в каждой строке. И этого уже достаточно, без дополнительных смыслов.*

Елена Коркина: *Хочется даже поспорить с вашим категоричным «нет». Мне известны примеры – не один и даже не два, – когда Тотальный диктант вернул давно переставших читать к книжным полкам. Но приходится согласиться: эти люди все-таки когда-то читали с удовольствием. А для самих писателей участие в Тотальном диктанте имеет какое-то значение?*

Ирина Плеханова: *Конечно, это очень престижно. Тебя начинают рекламировать для миллионов. Это очень престижно и политически значимо. Почему и Валентин Распутин хотел в свое время стать автором текста для диктанта. Он понимал его значимость...*

Екатерина Сумарокова: *Тотальный диктант – это для всех нечто большее, чем просто веселый флешмоб с благородными целями. Прежде всего диктант требует подготовки. Это не просто пришел, наддул воздушные шары и выпустил их в небо по команде. И чем больше людей желает приобщиться к законам филологии хотя бы на короткий срок, тем ближе наука к народу. Если вспомнить слова Дмитрия Быкова, автора текста Тотального диктанта – 2011, такого рода акции собирают вокруг себя особых людей, «чтущих законы языка как высшую форму законов природы». Таким образом, можно сказать, что продвижение орфографии и литературы в массы в какой-то мере оздоравливает общество, то есть имеет отношение к медицине.*

Авторы и темы Тотального диктанта стали ежегодным ожидаемым событием для той части общества, которая интересуется языком и литературой.

Екатерина Сумарокова: *Я не лингвист и не могу прокомментировать эти тексты как специфический материал для диктанта. А как литературовед скажу, что мне интересны авторы, которых приглашают организаторы, любопытны темы. Акция формирует такое праздничное ожидание: ну, что там на этот раз? Как в Новый год ждешь подарка.*

Ирина Распопина: *Думаю, организаторы Тотального диктанта идут правильным путем. Они уже приглашали Дину Рубину, Захара Прилепина, Дмитрия Быкова, Алексея Иванова и других известных и читаемых писателей. Ни одного выстрела мимо. Лично я радовалась, что Борис Стругацкий написал текст для Тотального диктанта. Это особенный автор, заслуги его неисчислимы. Таких авторов больше нет, но надежда всегда остается.*

Темы текстов для диктантов всегда интересны и актуальны; год от года они изменяются, развиваются, имеют свой особый вектор.

Ирина Плеханова: *Если говорить об эволюции авторов, то происходит явный сдвиг от интеллектуально-либерального крыла в сторону разумного, сбалансированного, к более человеческой литературе. Роман Евгения Водолазкина «Лавр» – тонкая, искусно написанная книга, которая сочетает интеллектуальную изоциренность с человечностью.*

Екатерина Сумарокова: *Писатель – это прежде всего очень чуткий человек. Чем более травмировано негативом общество, тем мягче, спокойнее тема диктанта. Это заметно по высказываниям Алексея Иванова и Евгения Водолазкина... Об удачности темы говорить сложно. В свое время предмет разговора в тексте Дины Рубиной мне показался банальным. А сегодня этот текст мне интересен с самой неожиданной точки зрения. Выпускники, готовящиеся к экзаменам по русскому языку, лихорадочно ищут литературный материал, на который они могут опереться в сочинении на тему «Роль Интернета в жизни человека» (это должно быть чье-то авторитетное мнение, высказанное в художественном или публицистическом тексте). Художественных книг и качественных статей на эту тему, как выяснилось, не так-то много, и текст Дины Рубиной они рвут на части. Так что никогда не знаешь, в каком именно году «ваше слово отзовется», главное – его произнести.*

Ирина Плеханова: *Темы стоит развивать разумные, добрые, вечные. Тексты должны быть о человечности, тонкости отношения к миру, природе, друг другу. Если акция общезначима, то и ценности*

должны быть такими. А в современном мире важна реанимация человечности. Должна быть небольшая драматургия, коллизия, закрепляющая волю к существованию, и чувство оправданности этого существования. Люди приходят зарядиться диалогом, проверить свои силы и подкрепить их.

Ирина Распопина: Чем больше в информационном поле будет сообщений о культурных событиях (среди которых, безусловно, Тотальный диктант), тем спокойнее будет на душе у человека. В черед криминальных и других негативных новостей, когда весь мир кажется частью новостной ленты *BreakingMad* («Ежедневное безумие. Самые драматичные новости дня. Только реальные истории, только хард-кор»), культурные события с позитивной составляющей как луч света.

Участники круглого стола назвали имена современных российских писателей, которые, по их мнению, могли бы претендовать на роль авторов следующих диктантов.

Ирина Распопина: Людмила Улицкая, Татьяна Толстая, Владимир Сорокин отлично бы справились с этой задачей. Их мастерство владения русским языком, их популярность – что еще нужно? А вот если пригласить Романа Шмаракова, может случиться казус. Количество пятюрок резко сократится. Вряд ли кто-то сможет справиться с тем текстовым полем, на котором Шмараков щедро рассыпает знаки препинания (недолюбимая точки, растягивая предложения на полстраницы) и слова (умные, редкие, заковыристые).

Ирина Плеханова: У нас очень богатая литература, чтобы определить самые блистательные тексты и авторов. Я бы назвала Дениса Новикова, Сенчина, Зайончковского. Пьецух – фантастический автор, Сергей Носов очень тонкий. Могли бы взять Петрушевскую, но для диктанта у нее слишком простая фраза. Из совсем молодых... Сложно сказать. Наверное, это право надо заслужить.

В 2016 г. автором Тотального диктанта стал детский писатель Андрей Усачев.

Наталья Белова, главный библиотекарь отдела обслуживания читателей до 10 лет Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева: Книга Андрея Усачева у нас 28 наименований. «Собачка Соня», «Жили-были ежики», «Маюся и ропед» – это то, что спрашивают больше всего. После того, как Усачев стал автором текста Тотального диктанта, спрос на его книжки вырос примерно на четверть. Конечно, сами наши читатели в силу возраста диктант писать еще не могут. Но ведь ребяташек к нам приводят взрослые – родители, бабушки-дедушки, которые, возможно, и участвовали в

акции, и про Усачева уж точно слышали в ходе освещения Тотального диктанта в СМИ.

Популярность современных писателей обеспечивается сочетанием разных факторов: экранизацией произведений, получением авторами литературных премий и их медийностью. В этом ряду международная образовательная акция «Тотальный диктант» занимает особое место. Став автором текста Тотального диктанта, писатель, пусть на несколько месяцев, становится модным: участники проекта приобретают и читают книги, а возможно, советуют друзьям и знакомым. Но дальнейшее поддержание популярности писателя во многом зависит уже от его собственного литературного потенциала.

S. N. Bulatova

The Total Dictation as Advertisement of Reading

For a modern writer, the ability to become popular depends on a combination of many different factors, such as an adaptation of their works, nominations and receiving literary awards, media fame, etc. Therefore the Total Dictation, an international educational event, could also serve as a potential career boost. Becoming an author of the Total Dictation text makes a writer popular, even if only for a few months. The participants of the project would buy and read his or her books; they would advise the books to their friends and acquaintances. However, as the discussion showed, the ability to maintaining such popularity largely depends on the author's literary potential.

Keywords. Modern Russian literature, Total Dictation in Irkutsk, Dina Rubina, Alexey Ivanov, Dmitry Bykov, Zakhar Prilepin, Eugene Vodolazkin, Andrei Usachev.

Сведения об авторах

Арутюнова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета, заместитель главного редактора справочно-информационного интернет-портала «Грамота.ру», г. Москва (arutyunova.elena@gmail.com).

Белица Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, заведующая кафедрой русской словесности Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета, доцент кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета (belitsati@gmail.com).

Булатова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (bulatova65@mail.ru).

Друговейко-Должанская Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (s.drugoveyko@gmail.com).

Журбина Вера Васильевна – учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 6, г. Ахтубинск (jurbina.vv@mail.ru).

Ищук Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и литературы Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета (ishchuk25112012@yandex.ru).

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, заместитель директора Института филологии СО РАН, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета (kimkim27601@yandex.ru).

Кожкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (koshkar_nb@mail.ru).

Кузнецова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета (nvkouznets@gmail.com).

Мандрикова Галина Михайловна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой филологии факультета гуманитарного образования

Новосибирского государственного технического университета (mandricova@mail.ru).

Пахомов Владимир Маркович – кандидат филологических наук, главный редактор справочно-информационного интернет-портала «Грамота.ру», г. Москва (vmpakhomov@gmail.com).

Пермякова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (uchi70@mail.ru).

Плунгян Владимир Александрович – доктор филологических наук, академик РАН, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва (plung@yandex.ru).

Ревковец Ольга Александровна – директор фонда поддержки языковой культуры граждан «Тотальный диктант», г. Новосибирск (rebkovets.olga@gmail.com).

Рублева Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современных методов обучения русскому языку Института русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва (EVRubleva@pushkin.institute).

Ружа Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (off_17@mail.ru).

Русанова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (rusanowa_7@mail.ru).

Сичинава Виктория Викторовна – ассистент кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (orechovaya@mail.ru).

Сичинава Олег Мерабович – ассистент кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (ramones2222@mail.ru).

Филинкова Елена Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета, г. Чита (lef11@rambler.ru).

Шмыгалкина Елена Николаевна – учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 6, г. Ахтубинск (shmygalina@yandex.ru).